

**PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY.
SERIES: LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION**

FOUNDED BY VORONEZH STATE UNIVERSITY

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman – *Dmitriy A. Endovitsky*, Dr. Sci. (Economics), Prof. Vice-Chairman – *Yuriy A. Bubnov*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof.; *Oleg A. Kozaderov*, Dr. Sci. (Chemistry), Assoc. Prof.; Coordinator – *Nikolay M. Bliznyakov*, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Assoc. Prof. Council members: *Edward K. Algazinov*, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof.; *Valeriy G. Artyukhov*, Dr. Sci. (Biology), Prof.; *Vladimir N. Glaziev*, Dr. Sci. (History), Prof.; *Alexander D. Baev*, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof.; *Alexander S. Kravets*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof.; *Aleksey A. Kretov*, Dr. Sci. (Philology), Prof.; *Arkadiy D. Savko*, Dr. Sci. (Geo.-Min.), Prof.; *Alexander A. Sirota*, Dr. Sci. (Technical), Prof.; *Yuriy N. Starilov*, Dr. Sci. (Law), Prof.; *Vladimir V. Tulupov*, Dr. Sci. (Philology), Prof.; *Vladimir I. Fedotov*, Dr. Sci. (Geography), Prof.; *Alexander I. Shashkin*, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof.

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief – *Alexey A. Kretov*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University). Vice-Editor – *Natalia A. Fenenko*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University). Executive Secretary – *Inna A. Merkulova*, Doctor of Philology, Associate Professor (Voronezh State University). Members of the editorial board: *Anatoly P. Babushkin*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University); *Olga O. Boriskina*, Doctor of Philology, Associate Professor (Voronezh State University); *Ludmila V. Velichkova*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University); dr hab. *Katarzyna Wojan*, Doctor of Philology, Professor, Gdansk University, Gdansk (Poland); *Ludmila I. Grishaeva*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University); *Zamira K. Derbisheva*, Professor, Kyrgyz-Turkish University Manas, Bishkek (Kyrgyzstan); *Anna V. Dybo*, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of RAS (The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow); *Anatoly A. Zahnitko*, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine (Donetsk National University), Ukraine; *Evgenia A. Karpilovskaya*, Doctor of Philology, Professor (A. Potebnya Institute of Linguistics, The National Academy of Sciences of Ukraine); *Nina F. Klimenko*, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Victor Yu. Koprov*, Doctor of Science (Philology); *Valentina V. Korneva*, Doctor of Philology, Associate Professor (Voronezh State University); *Elena I. Koryakovtseva*, Doctor of Philology, Professor (Institute of Polish Philology and Applied Linguistics of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Poland), Secretary of the Commission of Slavic word-formation of the International Committee of Scholars of Slavic Languages; *Leonid P. Krysin*, Doctor of Philology, Professor (The V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow); *Wladimir Miakiszew*, Doctor of Philology, Professor, Jagiellonian University, Krakow (Poland); *Boris Yu. Norman*, Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University, Belarus); *Vladimir A. Plungyan*, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of RAS (The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow); *Olga B. Polyanchuk*, Doctor of Philology, Professor (Voronezh State University); dr hab. *Zinaida A. Kharitonchik*, Doctor of Philology, Professor (Minsk State Linguistic University, Belarus); *Ksenia M. Shilikhina*, Doctor of Philology, Associate Professor (Voronezh State University).

The journal is registered by the Federal Service for monitoring compliance with cultural heritage protection law. Certificate of Mass Media Registration ПИ № ФС77-19718, April 7th, 2005.

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science.

The journal accepts articles on linguistics, intercultural communication (branches of study: 10.02.19 – Theory of Language, 10.02.20 – Comparative Linguistics and Linguistic Typology; 10.02.21 – Applied and Computational Linguistics; 10.02.01 – Russian Language Studies, 10.02.02 – Languages of Russian Federation; 10.02.03 – Slavic Languages; 10.02.04 – Germanic Languages; 10.02.05 – Romance Languages).

EDITORIAL OFFICE

Address: Universitetskaya Pl., 1.
Voronezh, 394018, Russian Federation
Voronezh State University
Faculty of Romance and Germanic Philology,
Editorial Office of «Proceedings of Voronezh State University.
Series: Linguistics and intercultural communication»
Telephone: +7 (473) 220-41-49
E-mail: limk@rgph.vsu.ru

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кретов А. А., Черечеча А. Д.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ).....	6
<i>Шевченко С. Н.</i> ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	16
<i>Ткач И. А.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ МАРКЕРА <i>ИНАЧЕ ГОВОРЯ</i>).....	25

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОД

<i>Дмитриева О. А., Ванюшина Н. А.</i> ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ ПРИ ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ).....	35
<i>Яковлева И. Н., Колесникова В. С.</i> СОХРАНЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ.....	41
<i>Корнева В. В.</i> ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	51

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Аверина А. В.</i> ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	61
<i>Аксенова Т. В.</i> ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	70
<i>Овчинникова Н. И.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ АТТРИБУТЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	77
<i>Акимцева Ю. В., Исаева А. Ю.</i> АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА.....	82
<i>Аверин А. С.</i> АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ МАРКЕТПЛЕЙСЫ КАК ПРОСТРАНСТВО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОПУЛЯРНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ США).....	87
<i>Дубровская Т. В., Юськаева Э. И.</i> ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОШЛОГО В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ.....	94

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Полянчук О. Б., Свиридова Е. И.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРИЛОГИИ ЭРВЕ БАЗЕНА «ЗМЕЯ В КУЛАКЕ».....	103
---	-----

РУСИСТИКА И СЛАВИСТИКА

<i>Алексеев А. В.</i> КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА <i>ВОЛК</i> ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАЗЕОЛОГИИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	112
<i>Копров В. Ю., Лебедева А. Л.</i> ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СИТУАЦИИ ОСЯЗАНИЯ, В РУССКОМ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СИНТАКСИСЕ	120

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Гришаева Л. И.</i> КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ЭПОХИ «КОНЕЦ ИСТОРИИ»? (Рец. на кн.: Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Анализ материалов СМИ и политического дискурса : монография / Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина) ; под науч. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. 304 с.).....	126
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	131

CONTENTS

LANGUAGE THEORY

<i>Kretov A. A., Cherechecha A. D.</i> THEORETICAL ISSUES OF THE LEXICAL-SEMANTIC TYPOLOGY (CASE STUDY OF THE CAUCASIAN LANGUAGES).....	6
<i>Shevchenko S. N.</i> FACTORS OF DEVELOPING LEXICAL POETIC CONNOTATIONS (THE RESULTS OF THE PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT).....	16
<i>Tkach I. A.</i> HISTORICAL DYNAMICS OF MEANING OF A DISCOURSE MARKER (CASE STUDY OF THE MARKER <i>INACHE GOVORYA /IN OTHER WORDS</i>).....	25

COMPARATIVE STUDIES AND TRANSLATION THEORY

<i>Dmitrieva O. A., Vanyushina N. A.</i> HEURISTIC POTENTIAL OF PROVERBS IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD DESCRIPTION (BASED ON THE DATA FROM THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES).....	35
<i>Yakovleva I. N., Kolesnikova V. S.</i> MAINTIANING EXPRESSIVNESS OF METAPHORS WHEN TRANSLATING POPULAR-SCIENTIFIC TEXT	41
<i>Korneva V. V.</i> INFINITIVE SENTENCES IN THE RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES.....	51

GERMANIC LANGUAGES

<i>Averina A. V.</i> FUNCTIONS OF MODAL COMPONENTS IN GERMAN FICTION	61
<i>Aksenova T. V.</i> VARIABILITY OF TERMINOLOGICAL DEFINITION IN ENGLISH LINGUISTIC AND INNOVATIVE TECHNICAL DISCOURSE	70
<i>Ovchinnikova N. I.</i> PHRASE AND SENTENCE PREMODIFIERS IN MODERN ENGLISH.....	77
<i>Akimtseva Yu. V., Isaeva A. Yu.</i> ANALYSIS OF LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH POSTMODERN NOVEL.....	82
<i>Averin A. S.</i> ENGLISH-LANGUAGE MARKETPLACES AS THE FIELD OF POPULAR LEGAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE USA BANKRUPTSY LAW)	87
<i>Dubrovskaya T. V., Yuskaeva E. I.</i> PRAGMALINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING THE COMMON PAST IN BRITISH POLITICAL SPEECH	94

ROMANCE LANGUAGES

<i>Polyanchuk O. B., Sviridova E. I.</i> LEXICAL MEANS OF ANTONYMIC RELATIONS VERBALIZATION IN TRYLOGY OF HERVÉ BAZIN'S NOVEL «VIPÈRE AU POING».....	103
--	-----

RUSSIAN AND SLAVIC STUDIES

<i>Alekseev A. V.</i> THE CULTURAL VALUE OF THE WORD <i>VOLK</i> (<i>WOLF</i>) BASED ON THE MATERIALS OF PHRASEOLOGY (DIACHRONIC ASPECT).....	112
<i>Koprov V. Yu., Lebedeva A. L.</i> SENTENCES EXPRESSING SITUATIONS OF TOUCH IN RUSSIAN SEMANTIC-FUNCTIONAL SYNTAX	120

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Grishaeva L. I. “THE END OF HISTORY” – THE KEY CONCEPT OF THE EPOCH? (Reivew of Romanova T. V., Malafeev A. Y., Morozova N. N., Klimova (Fokina) M. A. <i>Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. Analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa</i> [Tolerance as cultural, political and linguistic problem. The analysis of mass media and political discourse]. Ed. by T. V. Romanova. Nizhny Novgorod : DEKOM, 2017. 304 p.)	126
SUBMISSION GUIDELINES.....	131

УДК 811.352.3

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2724>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ)

А. А. Кретов, А. Д. Черечеча

Воронежский государственный университет

THEORETICAL ISSUES OF THE LEXICAL-SEMANTIC TYPOLOGY
(CASE STUDY OF THE CAUCASIAN LANGUAGES)

A. A. Kretov, A. D. Cherechecha

Voronezh State University

Аннотация: в статье рассмотрен метод параметрического анализа, введенный и изученный В. Т. Титовым, примененный к четырем северо-кавказским языкам: кабардино-черкесскому и абазинскому, как представителям абхазо-адыгской семьи, чеченскому и аварскому, как представителям нахско-дагестанской семьи. Поэтапно описывается создание базы данных языка, а именно перенос печатного словаря в программу Excel, разделяя по столбцам лемму, помету, первое значение, второе значение и т. д.; создание практической транскрипции для того, чтобы количество букв совпадало с количеством звуков; замена букв символами выполненной транскрипции, и действия, обеспечившие выделение 4 главных ядер лексики: функционального ядра (оценивание по длине слова), что подразумевает, что чем короче слово, тем чаще оно употребляется, и наоборот; синтагматического ядра (оценивание по количеству фразеологизмов), которое подразумевает, что чем больше у слова фразеосочетаний, тем больше его синтагматический вес; парадигматического ядра (оценивание по объему синонимического ряда), чем больше у слова синонимов, тем больше его парадигматический вес; эпидигматического ядра (оценивание по количеству значений у слова), чем больше у слова значений, тем выше его эпидигматический вес. Далее все четыре языка были сравнены друг с другом для нахождения типологических сходств и различий. Выводом сравнения стало то, что если языки являются генетически родственными, это совершенно не значит, что они обязательно должны быть типологически схожими. Исследование показало, что типологически кабардино-черкесский и чеченский могут совпасть, в то время как генетически они разные.

Ключевые слова: параметрический анализ, лексико-семантическая типология, кавказские языки, стратификация, ядро.

Abstract: the article applies the method of parametric analysis, introduced and studied by V. T. Titov, to four North Caucasian languages: Kabardian-Circassian and Abaz, as representatives of the Abkhaz-Adyghe family, Chechen and Avar, as representatives of the Nakh-Dagestan family. The creation of a language database is described in stages, namely, the transfer of a printed dictionary to Excel, dividing the lemma, field label, first definition, second definition, and so on into columns; creation of practical transcription so that the number of letters matches the number of sounds; replacing letters with symbols of completed transcription, and actions that ensure the selection of 4 main vocabulary cores: the functional core (evaluation by word length), which implies that the shorter the word, the more often it is used, and vice versa; the syntagmatic core (estimated by the number of phraseological units), which implies that the more phrases a word has, the more its syntagmatic weight; the paradigmatic core (estimated by the volume of the synonymic series), the more synonyms a word has, the greater its paradigmatic weight; the epidigmatic core (estimated by the number of meanings of a word), the more meanings of a word, the higher its epidigmatic weight. Further, all four languages were compared with each other to find typological similarities and differences. The conclusion of the comparison was that if languages are genetically

© Кретов А. А., Черечеча А. Д., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

related, this does not mean at all that they must be typologically similar. The study showed that typologically Kabardian-Circassian and Chechen are comparatively close to each other, while genetically they are different.

Key words: parametric analysis, lexical-semantic typology, Caucasian languages, stratification, core.

Лексико-семантическая типология – сравнительно молодая отрасль лингвистики. Типологический подход предполагает сопоставление и классификацию лексико-семантических языков в их текущем состоянии – синхронии.

На сегодняшний день она существует в двух разновидностях: 1) лексико-семантическая микротипология, представленная работами Е. А. Рахилиной и возглавляемой ею Московской лексико-типологической группой и 2) лексико-семантическая макротипология, представленная работами членов Воронежской лексико-типологической группы во главе с В. Т. Титовым и А. А. Кретовым [1–3]. Макро- и микротипологические подходы в лексике взаимно дополняют друг друга, образуя в совокупности органическое единство инструментария лексико-семантической типологии.

Микротипологический подход анализирует отдельные фрагменты словаря на материале многих языков, рассматривая эти фрагменты лексики как бы «под микроскопом».

Лексико-семантическая макротипология предлагает взгляд на словарь конкретного языка, так сказать, «с высоты птичьего полета». Его достоинство – в охвате всего словаря, а недостаток (если это недостаток) – в отсутствии подробностей, частных, деталей.

Макротипологический подход использует параметрический анализ лексики (ПАЛ), определяя веса каждого слова в словаре по системообразующим параметрам: функциональному (длине), эпидигматическому (числу значений), синтагматическому (числу фразеосочетаний) и парадигматическому (числу синонимов). Суммирование частных весов каждого слова дает интегральный системный вес слова в словаре, что позволяет ранжировать все слова словаря по их системному весу. Такой подход позволяет

определить «главное» слово в словаре (слов с максимальным интегрально-параметрическим весом).

Поскольку вес каждого слова зависит от всех остальных слов в словаре, рассмотренных с 4 системообразующих точек зрения, то «главное» слово в языке, именуемое доминантой словаря, обладает максимальной классифицирующей силой, вбирая в себя в концентрированном виде весь словарь. Как вершина горы представляет всю гору в целом, так и доминанта словаря способна представлять всю лексику данного языка в целом.

Возможность взять для анализа любое обозримое количество слов с максимальным системным весом открывает ранее неведомые возможности лексико-семантической типологии.

К кавказским языкам (понимаемым не географически, а лингвистически) ПАЛ до сих пор не применялся. Данное сообщение содержит описание первого опыта такого исследования.

Как известно, кавказские языки делятся на две большие генетические группы: абхазо-адыгские и нахско-дагестанские.

В данном исследовании абхазские языки представлены *абазинским* языком, адыгские – *кабардино-черкесским*, нахские – *чеченским*, а дагестанские языки – *аварским*.

Выбор *двуязычных* словарей обусловлен потребностью в едином метаязыковом основании для сравнения лексики языков, без которого лексико-семантическая типология попросту невозможна.

Параметрический анализ словарей-источников позволил получить представление об их системной организации. Эта информация представлена в табл. 1–4.

Наглядно соотношение малых, средних, больших и словарных ядер представлено на рис. 1.

Т а б л и ц а 1

Системная стратификация абазинской лексики

Множества Абазинско-русского словаря				И-вес Окр.	Слов	Накопл.	Доля, %	Накопл., %
Словаря	Большие	Средние	Малые					
Ядро	Ядро	Ядро	Ядро	4	8	8	0,1	0,1
			Периферия	3	151	159	1,4	1,4
	Периферия			2	1196	1355	10,9	12,3
Периферия				1	2159	3514	19,7	30,6
Периферия				0	7465	10 979	68,0	100,0

Т а б л и ц а 2

Системная стратификация кабардино-черкесской лексики

Множества Кабардино-русского словаря				И-вес Окр.	Слов	Накопл.	Доля, %	Накопл., %
Словаря	Большие	Средние	Малые					
Ядро	Ядро	Ядро	Ядро	4	67	67	0,3	0,3
			Периферия	3	401	468	1,6	1,8
	Периферия			2	1790	2258	6,9	8,8
Периферия			1	5961	8219	23,1	31,9	
Периферия				0	17 551	25 770	68,1	100,0

Т а б л и ц а 3

Системная стратификация чеченской лексики

Множества Чеченско-русского словаря				И-вес Окр.	Слов	Накопл.	Доля, %	Накопл., %
Словаря	Большие	Средние	Малые					
Ядро	Ядро	Ядро	Ядро	4	92	92	0,8	0,8
			Периферия	3	462	554	4,2	5,0
	Периферия			2	1434	1988	12,9	17,9
Периферия			1	3305	5293	29,8	47,7	
Периферия				0	5804	11 097	52,3	100,0

Т а б л и ц а 4

Системная стратификация аварской лексики

Множества Аварско-русского словаря				И-вес Окр.	Слов	Накопл.	Доля, %	Накопл., %
Словаря	Большие	Средние	Малые					
Ядро	Ядро	Ядро	Ядро	4	43	43	0,4	0,4
			Периферия	3	224	267	2,2	2,6
	Периферия			2	879	1146	8,6	11,2
Периферия			1	2786	3932	27,3	38,5	
Периферия				0	6288	10 220	61,5	100,0

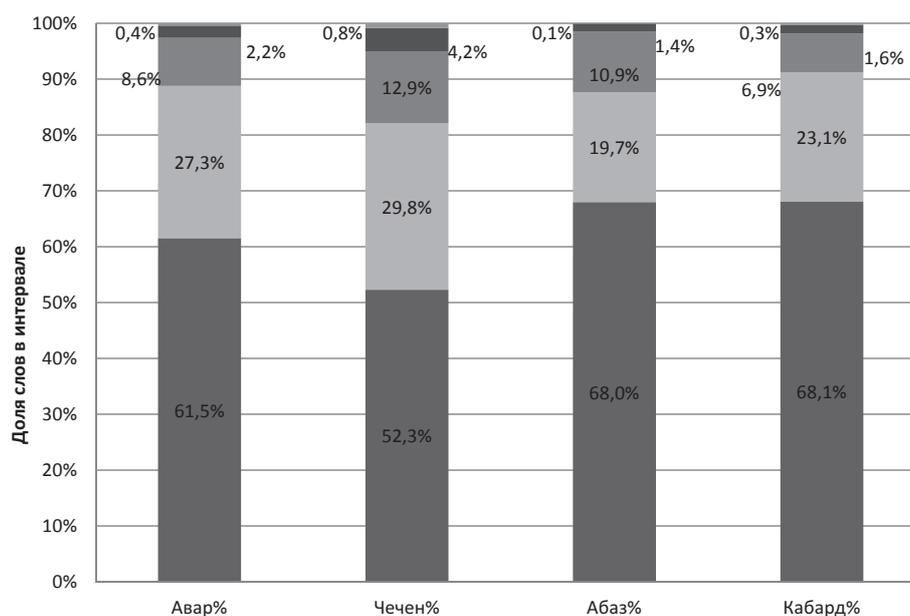

Рис. 1. Соотношение ядер

Наибольшее множество составляет периферия словаря. Следующее – периферия большого ядра, затем – периферия среднего ядра, периферия малого ядра и, наконец, – само малое ядро, включающее в себя слова с Интегральным параметрическим весом (И-весом) при округлении, равном 4 (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Варьирование структуры лексики в словарях-источниках

И-вес Окр.	Средняя доля, %	Интервал, %	Середина интервала, %	Коридор колебания
4	0,4	0,1–0,8	0,45	±0,35
3	2,3	1,4–4,2	2,79	±1,40
2	9,8	6,9–12,9	9,90	±3,00
1	25,0	19,7–29,8	24,70	±5,10
0	62,5	52,3–68,1	60,20	±7,90

Как видим, с увеличением системного веса количество слов последовательно убывает, пока не остается одно слово с максимальным системным весом – лексико-семантическая доминанта словаря.

Типологическую характеристику кавказских языков логично начать с единиц, обладающих максимальной степенью обобщения. Такими единицами являются лексико-семантические **доминанты** – слова, обладающие максимальным интегрально-параметрическим весом.

Доминантой словаря кабардино-черкесского языка является слово дзэ I ‘зуб’, **аварского** – бо ‘народ’ (табл. 6).

Как видим, И-вес (интегральный параметрический вес слов) складывается из частных весов: Д-веса (деривационного веса, косвенно измеряемого количеством значений у слова в словаре), П-веса (парадигматического веса, косвенно измеряемого количеством слов в синонимическом ряду, в который входит данное слово одним из своих значений – обычно основным), С-веса (синтагматического веса, косвенно измеряемого количеством фразеосочетаний с данным словом в словаре, включая иллюстративные речения), Ф-веса (функционального веса, косвенно измеряемого длиной слова в звуках).

Каждый из весов вычисляется по одной и той же формуле:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где $\sum r$ – сумма слов всех рангов, R_{1-i} – сумма слов от первого ранга до данного, а Pr_i – вес слов i -го ранга. Значения Pr_i колеблются в интервале от 0 до 1. Логика определения веса по этой формуле – «спортивная»: чем меньше участников показало такой же или лучший результат, тем выше место (ранг) данного участника. Вес слов каждого ранга зависит от количества и весов слов всех остальных рангов. Таким образом, каждое из слов в словаре оказывает влияние на вес всех остальных слов по каждому из 4 параметров. Такой подход резко сужает свободу исследовательского произвола и тем самым повышает научную объективность исследования.

Т а б л и ц а 6

Доминанты словарей

Язык	Лемма	Дефиниция	Д-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	И-вес
Аварский	бо	народ	0,97221	0,99203	0,99012	0,99490	3,94926
Чеченский	кхиа	осознать, (вы)расти	0,99991	0,99939	0,99892	0,94647	3,94469
Кабардинский	дзэ I	зуб	0,99740	0,95986	0,99535	0,98719	3,93980
Абазинский	дзы	вода	0,99399	0,95027	0,99991	0,99262	3,93679

Синтагматический, парадигматический и деривационный (эпидигматический) параметры являются системообразующими для языка, а в совокупности с функциональным параметром – для функци-

онирующего языка. Сравнение интегрально-параметрических доминант и вице-доминант дало мало типологической информации: все доминанты разные.

Т а б л и ц а 7

Вице-доминанты исследуемых языков

Язык	Слово	Значение	Д	П	С	Ф	И
Каб.-Черк.	ллы	муж, супруг	0,9669	0,9599	0,9954	0,9872	3,9093
Чечен.	тән¹	успокоиться, уняться, перестать	0,9740	0,9904	0,9711	0,9465	3,8819
Авар.	гъэзе	по/ставить-расставить	0,9949	0,9749	0,9947	0,8652	3,8297
Абаз.	такIра	арестовывать-арестовать кого	0,9965	0,9646	0,9818	0,7316	3,6745

Посмотрим, какое место в стратификации других языков занимают семантические эквиваленты доминант.

Начнем с доминанты абазинского языка *дзы* 'вода жидкость' с И-весом 3,9368.

В кабардинско-черкесском языке его семантический эквивалент *псы I* 'вода' занимает 4-й ранг с И-весом 3,9020.

В аварском языке слово *махIа* 'вода' занимает 1439-й ранг с И-весом 1,66643.

В чеченском языке слово *хи* 'вода' занимает 572-й ранг с И-весом 1,9622.

Таким образом, типологическая близость к абазинской доминанте *дзы* 'вода жидкость' выглядит следующим образом (рис. 2).

Рис. 2 убедительно показывает, что по ЛС-доминанте со значением 'вода' северокавказские языки четко делятся на абхазо-адыгские и нахско-дагестанские.

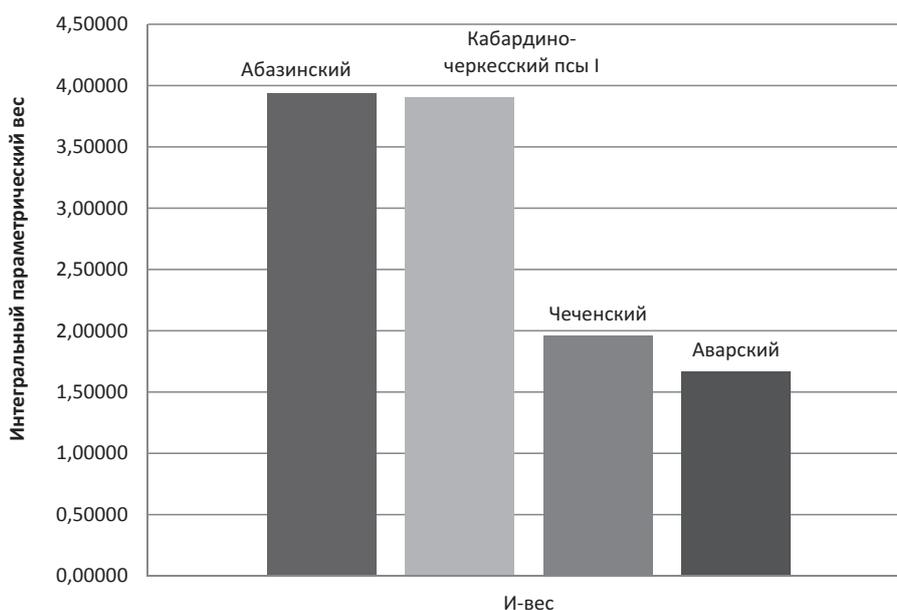

Рис. 2. Распределение северокавказских языков по доминанте 'вода'

Посмотрим, как распределяются северокавказские языки по доминанте 'народ' (табл. 8).

Как видим, эта доминанта дает совсем другое распределение языков наглядно представленное на рис. 3.

По этому концепту языки делятся совершенно иначе: кабардинский и чеченский образуют «срединное» множество, аварский и абазинский оказываются одиноки, первый – в высоком И-весе своей доминанты, а второй – в низком И-весе слова *уагIа* 'люди, народ'. При этом, как видим, генетическое родство

не играет никакой роли. Да и набрали свои одинаковые веса кабардинское и чеченское слово по-разному: кабард. *цIыхубэ* – за счет многозначности, а чечен. *нах* – за счет фразеосочетаний.

Рассмотрим, какой статус в других северокавказских языках имеет доминанта кабардинской лексики *дзэ I* 'зуб'.

В аварском языке представлено слово *гожо* (-яль, -яльул, гажал): 1) клык, зуб; *бацIил гажал* волчьи клыки; *бегIерал гажал* острые клыки, острые зубы; *гажал гъине* лишаться зубов, становиться беззубым;

Т а б л и ц а 8

Распределение по доминанте 'народ'

Язык	Слово	Значение	Д	П	С	Ф	И-вес
Аварск.	<i>бо</i>	народ	0,972	0,992	0,990	0,995	3,949
Кабард.	<i>цIыхубэ</i>	народ, массы	0,991			0,872	1,863
Чечен.	<i>нах</i>	люди, народ			0,916	0,946	1,863
Абаз.	<i>уагIа</i>	люди, народ				0,861	0,861

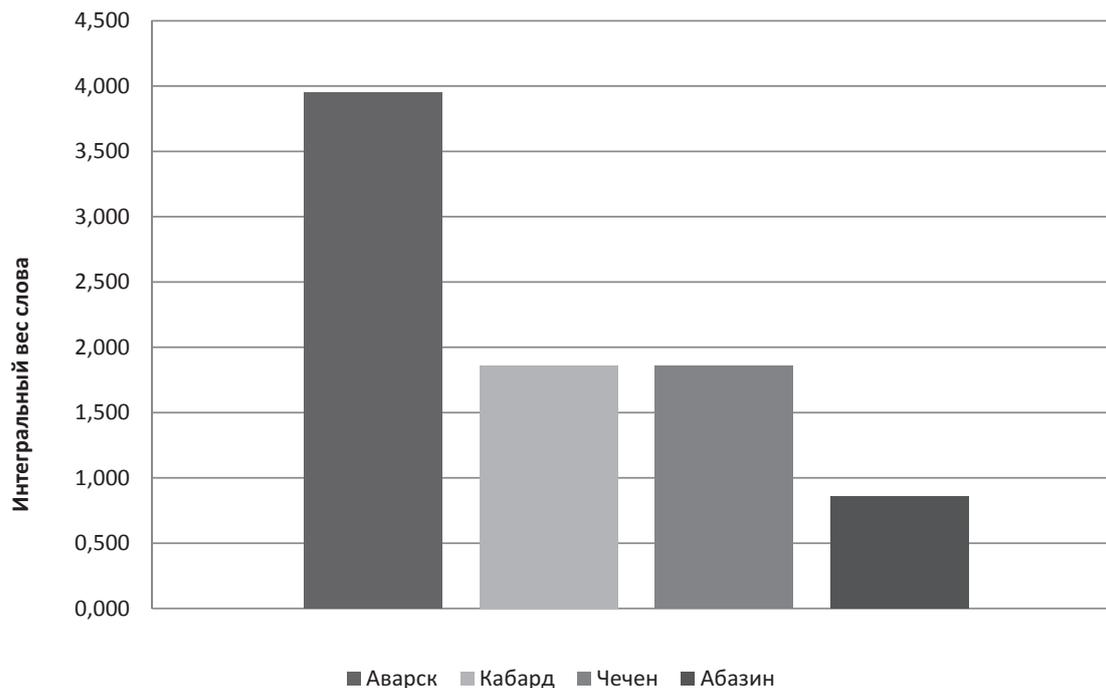

Рис. 3. Распределение северокавказских языков по доминанте 'народ'

гажал гъаги дур! *бран.* да выпадут зубы твои; **гажал гъараб гъеду пренебр.** беззубая ворона (*о беззубом человеке*); 2) зуб, зубец; **хъухъадироялгул гажал** зубцы пилы.

А также – **гъус** (-аль//гъосбца, -альул//гъосбл, -ал) зуб, коренной зуб; ~ **баккизе** прорезаться – о зубах; ~ **бахъизе** выдернуть зуб; ~ **къачлазе** пломбировать зуб; ~ **бекана** зуб сломался; ~ **багъарун буго** зуб шатается; ~ **унтулеб буго** зуб болит; ~ **цунулеб буго** зуб ноет; ~ **хларпица кванан буго** в зубе образовалось дупло (*букв.* червяк съел зуб); **гъосол къибил** корень зуба; **лъурал ~ал** зубной протез; ~ал **лъезе** вставить, протезировать зубы; ~ал **лъолеви чи** зубной техник; ~ал **риклизе** ковырять в зубах; ~азул **тохтир** зубной врач, стоматолог; **къурул** ~ утёс; **къочюл** ~ *диал.* главенствующий в роду; **харил** ~ *диал.* стог сена; **гъосода рас баккизеган** до дряхлости (*букв.* пока на зубе волосы не выросли); **гъосотла богюлти лъечю** маковой росинки не было во рту (*букв.* на зуб хлебушка не положил); **гъосокъе тлаглам ккезе** полакомиться (*чем-л. вкусным*); **гъосокъа борчараб цабзаца кколареб** *посл.* если коренные зубы не удержат, то передние – тем более (*соотв.* слово не воробей, улетит – не поймаешь).

гъусал-цаб/и (-зав, -зул) *мн. собир. зубы см. гъус-ца. гъус-ца* (-яль, -яльул) *собир. зубы см. гъусал-цаби.*

гъосовехъ (-аль, -альул) коренной зуб; ~ **бахъизе** выдернуть коренной зуб; ~ **унтун буго** коренной зуб болит.

ца: 1) (-йица, -йил, -би) зуб (*передний*), резец; ~ **бахъизе** удалить, вырвать, выдернуть зуб; ~ **бортана** зуб выпал; ~ **багъарун буго** зуб шатается; ~ **унтулеб буго** зуб болит; ~ **цунулеб буго** зуб ноет; ~ **йил къибил** корень зуба; **меседил ~би** золотые зубы; **хъахлал ~би** белые зубы; **гъоркъа ~би** нижние зубы; **тласа ~би** верхние зубы; ~ **би гъечлеб клал** беззубый рот; ~ **би данде къазе** стиснуть зубы; ~ **би къерщезаризе** скрипеть, скрежетать зубами; ~ **би риклизе** ковырять в зубах; ~ **би чуризе** чистить зубы; ~ **би чурулеб щётка** зубная щётка; **лъимадул ~би раккун руго** у ребёнка прорезались зубы; ~ **би хиси** смена зубов; ~ **би гъенезаризе** дать по зубам; ~ **би чархитла кквезе** готовиться к *какому-л.* угощению; *букв.* точить зубы на точильном круге; **Ца маргъалул вас, Гъал меседил яс фольк.** Парень с жемчужными зубами, Девушка с золотыми косами; **гъимун** ~ **бихъизе** улыбнуться, зубы показывать; ~ **йикъа шайтган бахъизе** с утра положить в рот съестное (*букв.* выгнать шайтана с зубов); 2) (-яль, -яльул, -би) зуб, зубец (*пилы, грабель, бороны, гребня и т. п.*).

хлалэгъус (-аль, -альул, -ал) зуб мудрости; ~ **бахъизе** вырвать зуб мудрости; **досда ~баккун буго** у него прорезался зуб мудрости.

Аварский материал ставит перед нами еще одну теоретическую и техническую проблему: считать ли слова «ца зуб (*передний*), резец; *гожо* (**гажъл**) клык, зуб; и *гъус* (-ал) зуб, коренной зуб» синонимами? Поскольку *ца* и *гожо* имеют синонимичные перенос-

ные значения – **ца** «зуб, зубец (пилы, грабель, бороны, гребня и т. п.)» и **гожо** «2) зуб, зубец; **хьухьадиroyльул гажал** зубцы пилы», – на этот вопрос следует ответить утвердительно.

Обозначение же коренного зуба – **гус** – участвует как в образовании общего собирательного названия ‘зубы’: **гусал-цаб/и** *мн. собир. зубы см. гус-ца;*

гус-ца *собир. зубы см. гусал-цаби*, так и в образовании специализированного названия – ‘зуб мудрости’: **хIалIагIус**. По нашему мнению, в совокупности это вполне достаточные основания считать слова **ца**, **гожо** и **гус** синонимами.

Так мы получаем следующие данные (табл. 9).

Наглядно эта информация представлена на рис. 4.

Т а б л и ц а 9

Распределение по доминанте ‘зуб’

Язык	Слово	Значение	Д	П	С	Ф	И
Каб.-Черк.	дзз I	зуб	0,9974	0,9599	0,9954	0,9872	3,9398
Авар.	ца	зуб (передний), резец	0,8012	0,9889	0,9951	0,9949	3,7802
Абаз.	пыц	зуб, зубы	0,9786			0,9454	1,9240
Чечен.	цeрг	зуб			0,9164	0,8474	1,7638

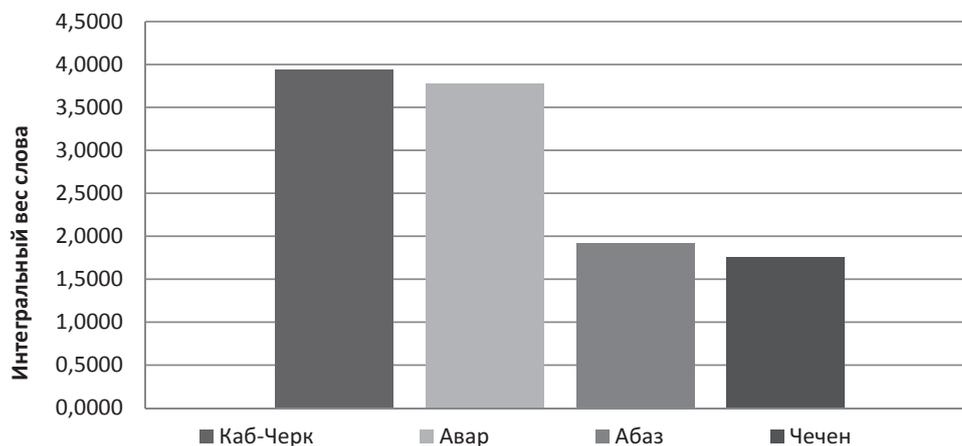

Рис. 4. Распределение северокавказских языков по доминанте ‘зуб’

По этому основанию кабардинский язык оказывается в одном типологическом классе с аварским, а чеченский – с абазинским. Оба класса противопоставлены другу и не однородны в генетическом отношении.

Последней доминантой является слово чеченского языка «**кхиа** [кхуу, кхира, кхиъна]: 1) сознать, сознать, осознать, осознать; понять, понимать; **шён гIаIлатех кхиа** осознать свои ошибки; 2) воспринять, воспринимать; усвоить, усваивать; вникнуть, вникать; **книгин чулIацамах дикIахкхиа** хорошо воспринять содержание книги; **гуллакхан духIахкхиа** вникнуть в суть дела; 3) созреть, зреть; **Iёжаши кхиа** яблоки созрели; 4) успеть, успевать; **ца кхиа успеть** домой; 5) вырасти, расти; **буц кхуу** трава растет; **сбюртахь кхиа** Я вырос в селе; 6) развиться, развиваться; расцвести, расцветать; **вайн социалистически промышленность чехка кхиа** наша социалистическая промышленность быстро развилась» [4].

Связь между значениями этого слова для носителя русского языка, по меньшей мере, не очевидна.

Если значения 1) и 2) близки между собой, обозначая мыслительную деятельность человека, значения 3) и 4) можно связать между собой через глагол *поспеть* ‘(о плодах)’ и ‘куда-л’, значение 6) является очевидной метафорой значения 5), а между значениями 3) и 5), в свою очередь, также существует причинно-следственная связь (особенно, когда речь идет о злаках)¹, то связь значений 1)–2): ‘сознать, пони-

¹ Ср. совмещающие эти значения слова кабардинско-черкесского языка: **КъыхэхьукIын** (къыхохьукI): *неперех. 1. возникать, возникнуть; развиваться, развиться, вырастить, вырасти; 2. прям. и перен. созреть, созреть* раньше, других. **Гъэхьун I** (егъэхьун) *перех. 1. дать дозреть (напр., фруктам, овощам); 2. дать время подрасти (напр., детям). **КIэрыхьухьын I** (кIэрохьухь) *неперех. 1. стать каким-л., находясь на боковой поверхности чего-л.; 2. созреть, вырасти на чем-л. (на склоне и т. п.).**

мать, вникать, воспринимать, усваивать' с остальными значениями представляет своего рода загадку. Ни на что не претендуя, рискнем все же высказать догадку, что оба значения интеллектуальной деятельности тоже могут быть по происхождению метафоричными, обозначая интеллектуальный рост и духовное созревание человека. В пользу такого предположения говорит хорошо известная семантическая закономерность образования обозначений незримого и ненаблюдаемого с опорой на зримое и наблюдаемое. В свое время В. В. Морковкин назвал этот широко представленный в языках мира познавательный прием *демистификацией ненаблюдаемого*. Так, например, воздушная среда моделируется с опорой на водную, а мыслительное восприятие – с опорой на зрительное, время – с опорой на пространство и т. д.

Этот экскурс нам понадобился, чтобы решить, какое из значений искать в остальных языках Кавказа. Если наше предположение состоятельно, то за основание для сравнения целесообразно принять самое конкретно-зримое значение, т. е. 'расти-вырасти'.

Кабардинско-русский словарь, с одной стороны, подтверждает наши предположения, а с другой – дает повод вновь отметить так называемую «неединственность лексикографических решений», весьма осложняющую типологический анализ лексики.

Так, «Кабардинско-русский словарь» дает два омонима: кабард. *къэкIын I (къокI) неперех. 1. расти, вырасти (о растениях); родиться, уродиться (о хлебах); 2. перен. расти, развиваться, увеличиваться* и *къэкIын II: гум къэкIын 1. прийти на ум; 2. соскучиться по кому-чему-л.* [5] (*при «гу II 1. анат. сердце»*), что позволяет словосочетание *гум къэкIын* возвести к исходно-буквальному смыслу 'сердце (≈ душа) созрел(о/а)', из которого без труда выводятся и 'прийти на ум', эквивалентное смыслу 'осознать, понять', представленному в одном из значений чеч. *кхиа*, и 'соскучиться по кому-чему-л.' ≈ 'созреть для кого-чего-л. (о чьих-л. сердце/душе)'.

Что касается эквивалента «уродиться (о хлебах)», то это то же самое, что 'созреть': «УРОДИТЬСЯ... 1. Созреть, вырасти (о плодах, злаках). *Сердце Анны Павловны играет: фруктов уродилось множество, и все отличные* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская

старина). *Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтобы гречи уродилось на полях видимо-невидимо* (Телешов. Крупеничка).

Таким образом, в кабардинском *къэкIын* мы обнаруживаем 4 из 6 значений чеченского *кхиа*: 1) сознать, осознать, понять; 3) созреть, зреть; 5) вырасти, расти; 6) развиваться, развиваться, что дает слову *къэкIын* Д-вес 0,990648.

Пять синонимов: *кIын I* 'расти'; *дэжеин* 'расти вверх'; *къэхъун* 'расти, вырасти'; *дэжеин II* 'расти, вырасти вверх'; *къикIэн I* 'расти, вырасти где-л.' дают П-вес 0,999734.

Одно фразеосочетание *гум къэкIын* дает С-вес 0,882698.

Длина в 5 звуков дает слову *къэкIын* Ф-вес 0,74222.

Суммирование весов дает И-вес = 3,6153.

По доминанте 'расти-вырасти' северокавказские языки распределяются следующим образом (табл. 10).

Наглядно типологическая стратификация языков по этой доминанте представлена на рис. 5.

Во второй раз из 4 чеченский и кабардинский язык оказываются (вопреки генетической удаленности) в одном лексико-семантическом кластере.

Рассмотрим, какой статус в других северокавказских языках имеет вице-доминанта кабардинской лексики *лIы* 'муж, супруг'.

При анализе этого концепта в чеченско-русском словаре выявились расхождения в принципах строения словарной статьи в словарях-источниках: одни помещают прилагательные и наречия в одну словарную статью с существительным, другие (например, «Чеченско-русский словарь») помещают существительное в одну словарную статью, а прилагательное с наречием – в другую):

«*майра*¹ [майрачун, майрачунна, майрачо, майрачуьнга, в; мн. м̄рош, б] муж.

*майра*² 1. прил. храбрый, мужественный, отважный; *майра стаг* храбрец; 2. нареч. храбро, мужественно, отважно» [4].

Соответственно у чеченского слова оказывается одно значение без синонимов и фразеологизмов. В результате Д-веса, С-веса и П-веса слово не получает. Если же мы уравнием шансы слов, унифицировав трактовку существительных и признаков слов в

Т а б л и ц а 10

Распределение по доминанте 'расти-вырасти'

Язык	Слово	Значение	Д	П	С	Ф	И
Чечен.	<i>кхиа</i>	(вы)расти	0,9999	0,9994	0,9989	0,9465	3,9447
Кабард.	<i>къэкIын</i>	(вы)расти	0,9906	0,9997	0,8827	0,7422	3,6153
Авар.	<i>бижизе</i>	(вы)расти	0,9924		0,9912	0,5804	2,5640
Абаз.	<i>азхIара</i>	(вы)расти	0,9786	0,9754		0,4072	2,3612

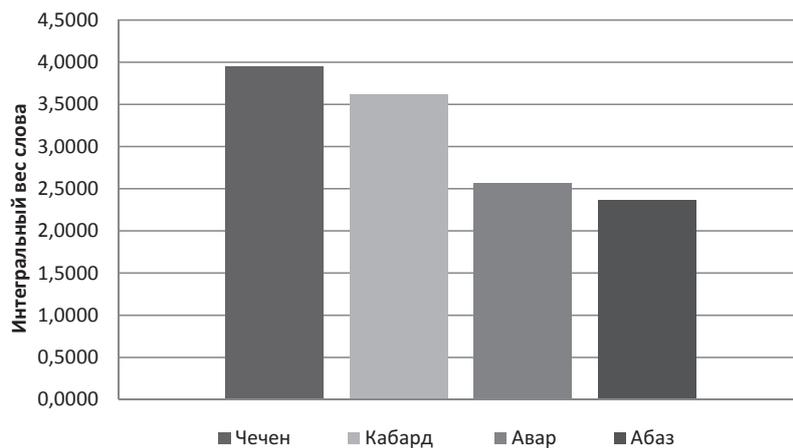

Рис. 5. Распределение северокавказских языков по доминанте ‘расти-вырасти’

словарной статье, то чеченскому слову *майра* надо будет приписать 3 значения: 1) муж; 2) *прил.* храбрый, мужественный, отважный; 3) *нареч.* храбро, мужественно, отважно. Так чеченское слово получит Д-вес, равный 0,97396. Кроме того, слово получит С-вес 0,73227 за 1 фразеосочетание: *майра стаг* ‘храбрец’, а также Ф-вес 0,70325 за длину в 5 звуков. Таким образом, интегральный вес чечен. *майра* составит 2,40948.

Общая картина для концепта ‘муж, супруг’ в северокавказских языках представлена в табл. 11.

Наглядно распределение северокавказских языков по вице-доминанте ‘муж’ представлено на рис. 6.

Данное распределение интересно тем, что в этом случае нахско-дагестанские языки вновь попали в один медиальный лексико-типологический кластер, тогда как нахско-дагестанские языки оказались разведенными по терминальным кластерам.

Был осуществлен параметрический анализ лексики 4 двуязычных словарей северокавказских языков с единым метаязыком описания – русским.

Т а б л и ц а 11

Распределение по вице-доминанте ‘муж’

Язык	Слово	Значение	Д	П	С	Ф	И
Каб.-Черк.	<i>лы</i>	муж, супруг	0,9669	0,9599	0,9954	0,9872	3,9093
Авар.	<i>рос</i>	муж, супруг		0,8815	0,9530	0,9423	2,7768
Чечен.	<i>майра</i> ¹	муж	0,9740		0,7323	0,7033	2,4095
Абаз.	<i>хъацла</i>	муж				0,8606	0,8606

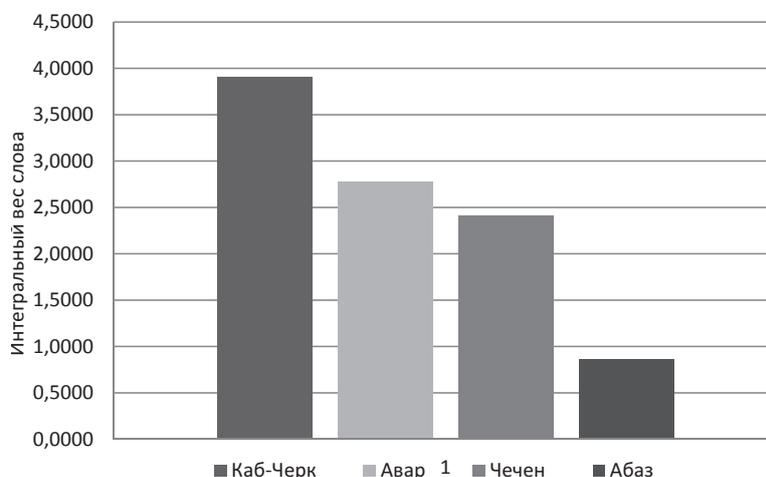

Рис. 6. Распределение северокавказских языков по вице-доминанте ‘муж’

Выявлены (по данным словарей-источников) лексико-семантические **доминанты** – «главные слова» исследованных языков с максимальным интегрально-параметрическим весом – вице-доминанты (вторые по И-весу слова), малые (с округленным И-весом = 4), средние (с округленным И-весом = 3), большие ядра (с округленным И-весом = 2), а также ядра каждого из словарей (с округленным И-весом = 1).

Осуществлена типологическая классификация 4 северокавказских языков по 5 наиболее весомым в системном отношении основаниям – 4 доминантам и 1 вице-доминанте с максимальным И-весом.

Из 8 парных комбинаций лишь в 3 случаях (2 по основанию ‘вода’ и 1 по основанию ‘муж’) в один кластер попали генетически близкие языки.

Это убедительное свидетельство нетождественности генетической и типологической классификации лексики: 2 раза (по доминанте ‘народ’ и по доминанте ‘расти-вырасти’) в одном кластере оказывались нахский (*чеченский*) и адыгский (*кабардинский*) языки. По одному разу – адыгский (*кабардинский*) и дагестанский (*аварский*), абхазский (*абазинский*) и нахский (*чеченский*), абхазский (*абазинский*) и дагестанский (*аварский*).

Разумеется, классификации, основанные на одном слове, сколь бы весомы в системном отношении эти слова ни были, не дают основания для выводов о типологической принадлежности лексико-семантических систем языков в целом.

Но параметрический анализ лексики тем и хорош, что позволяет, начиная исследование с самых вершин вокабуляра, последовательно и постепенно расширять сравниваемые множества – вплоть до размеров двуязычных кавказско-русских словарей.

Это (вкуче со все возрастающими возможностями новых информационных технологий) и позволяет нам

оптимистически оценивать перспективы лексико-семантической типологии северокавказских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титов В. Т.* Общая количественная лексикология романских языков. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 240 с.
2. *Титов В. Т.* Частная количественная лексикология романских языков. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 552 с.
3. *Кретов А. А.* О работе воронежской лексико-типологической группы // Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. трудов. Воронеж : ВГУ, 2011. № 1. С. 6–16.
4. *Мациев А. Г.* Чеченско-русский словарь. М. : ГИС, 1961. 629 с.
5. *Апажеев М. Л., Коков Дж. Н.* Словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик : Эльбрус, 2016. 815 с.

REFERENCES

1. Titov V. T. *Obshchaja kvantitativnaja leksikologija romanskikh jazykov* [General quantitative lexicology of romance languages]. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University, 2002. 240 p.
2. Titov V. T. *Chastnaja kvantitativnaja leksikologija romanskikh jazykov* [Specific quantitative lexicology of Romance languages]. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University, 2004. 552 p.
3. Kretov A. A. O rabote voronezhskoj leksiko-tipologicheskoj gruppy [On the work of the Voronezh lexical-typological group]. In *Problemy leksiko-semanticheskoj tipologii*. [Problems of lexical-semantic typology]. No. 1. Voronezh: Voronezh State University, 2011. Pp. 6–16.
4. Matsiev A. G. *Chechen-Russian Dictionary*. Moscow: GIS, 1961. 629 p.
5. Apazhev M. L., Kokov J. N. *Dictionary of the Kabardian-Circassian language*. Nalchik: Elbrus Publishing House, 2016. 815 p.

Воронежский государственный университет
Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru

Черекеча А. Д., студент
E-mail: www.nastyach@mail.ru

Поступила в редакцию 23 ноября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Кретов А. А., Черечечева А. Д. Теоретические проблемы лексико-семантической типологии (на примере кавказских языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2724>

Voronezh State University
Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru

Cherechecha A. D., Student
E-mail: www.nastyach@mail.ru

Received: 23 November 2019
Accepted: 27 Desember 2019

For citation:

Kretov A. A., Cherechecha A. D. Theoretical Issues of the Lexical-Semantic Typology (Case Study of the Caucasian Languages). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2724>

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

С. Н. Шевченко

*Московский государственный лингвистический университет;
Российский государственный геологоразведочный университет*

FACTORS OF DEVELOPING LEXICAL POETIC CONNOTATIONS (THE RESULTS OF THE PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

S. N. Shevchenko

*Moscow State Linguistic University;
Russian State Geological Prospecting University*

Аннотация: статья посвящена исследованию причин появления стилистических поэтических коннотаций в семантике слов. Актуальность исследования связана с вниманием современной лингвистики к прагматическим компонентам значения, с одной стороны, и недостаточной изученностью эволюционных процессов в лирической семантике – с другой. Исследование основывается на обращении к востребованному на сегодняшний день методу психолингвистического эксперимента. В поле зрения попадают мнения широкого круга интересующихся поэзией людей, которые предлагают свое понимание сути происходящих в лирике процессов. Исследуемый язык – английский. На первом этапе составляется поэтический словарь из предложенных респондентами слов, он анализируется по формальным признакам. Данная работа позволяет выделить ведущие поэтические концепты, а также выявить степень наполнения семантики слова поэтической коннотацией. Полученные данные сопоставляются с литературной поэтической традицией. В результате констатируется факт эволюционной подвижности лирического языка, в частности, подвижности коннотативных значений. В ходе второго этапа выявляются факторы поэтичности, проводится их классификация. Выделяются восемь различных оснований, определяющих наличие в слове поэтической коннотации; кроме того, дается описание и более мелким подгруппам, выделенным на основе уточняющих параметрических показателей. Выбранная тактика исследования позволяет вскрыть некоторые причины эволюционного изменения поэтического языка. Работа вносит вклад в изучение особенностей взаимодействия языка и мышления, некоторых аспектов стилистики, в разработку современных комплексных методов анализа языковых процессов, в частности явлений языка, характеризующихся большой степенью иррациональности, свойственной, в том числе, поэтическому творчеству. **Ключевые слова:** поэзия, стилистическая коннотация, психолингвистический эксперимент, фактор поэтичности, эволюция языка.

Abstract: the article studies the reasons for developing stylistic poetic connotations in lexical semantics. The relevance of the work is connected with the interest of modern linguistics in pragmatic components of meaning, on the one hand, and with the gap in understanding the evolutionary processes occurring in lyrical language, on the other. The study is based on the method of psycholinguistic experiment. The material for the work is represented by a wide range of the opinions of people interested in poetry; they suggest their understanding of the essence of lyrics. The considered language is English. At the first stage of the study the poetic vocabulary is compiled from the lexemes proposed by the respondents, it is later analysed on the basis of formal characteristics. This work allows us to reveal some leading poetic concepts and also define the extent to which words' semantics is filled with poetic connotations. The obtained data are compared with the literary tradition of poetry. The results

© Шевченко С. Н., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

confirm the fact of the evolutionary instability inherent in lyrical language, in particular, the instability of connotative meanings. The second stage of the study is devoted to the identification and classification of poetry factors. Eight different grounds have been distinguished determining the functioning of poetic connotative meanings in words; moreover, some subgroups are also described using specifying parametric indicators. The chosen tactics of research helps to reveal some causes of poetry language evolution. The work contributes to the study of the interaction of language and thought, some aspects of stylistics; it also contributes to the development of modern complex methods for analyzing language phenomena, in particular, those ones characterized by a large degree of irrationality, for example, poetic creativity.

Key words: *poetry, stylistic connotation, psycholinguistic experiment, poetry factor, language evolution.*

Прагматические, в том числе стилистические, аспекты речи активно изучаются современной лингвистикой. К их числу можно отнести и поэтические коннотации, роль которых в лирическом языке нельзя переоценить, поскольку они определяют известные особенности создания стихотворных текстов. Важность исследования причин появления/изменения стилистических значений связана с эволюционной и ситуативной гибкостью самого языка и его семантики: отдельные слова легко могут как приобретать, так и терять определенный объем поэтических коннотаций, в то же время без выявления определяющих факторов данного процесса отслеживать динамику коннотативного слоя семантики затруднительно. Поэтические коннотации, хотя и попадают в поле зрения исследователей [1; 2], однако факторы, способствующие их появлению, еще не изучены в полной мере. Существуют два подхода к их рассмотрению. Структурная лингвистика анализирует слово как таковое в контексте его использования с обращением к текстам и данным поэтических разделов корпусов. В результате таких исследований появляются стилистические пометы в лексикографических источниках: поэтизмы маркируются с использованием указателей *поэтическое, высокое, книжное, иногда устаревшее поэтическое*. Определяющим фактором попадания слов в разряд поэтизмов является частотность употребления их в лирике в сопоставлении с частотностью в других разрядах языка. Однако частотность для поэтического языка – не вполне достоверный показатель, поскольку лирика связана с проявлением творческого мышления, которое как раз и стремится выйти за рамки известного и традиционного. В этом смысле поэт может оперировать как конвенциональными знаками, модифицируя до некоторой степени их семантическое содержание, так и обращаться к редким, специфическим, неконвенциональным. Поэтический текст оживает благодаря «полю напряжения между нормой и ее нарушениями» [3, с. 11]; в то же время «the violation of the norm of the standard... makes possible the poetic utilization of language; without this possibility there would be no poetry / нарушение норм обыденного языка... лежит в основе поэтического языка, без чего поэзия не могла бы существовать (здесь и далее перевод наш. – С. Ш.)» [4].

Вместе с тем в рамках структурного подхода сложно вскрыть глубинные причины, влияющие на формирование поэтических коннотаций. В этом случае обращение к инструментам психолингвистики, анализирующим мышление человека, способно выявить когнитивные основания обогащения семантики слова стилистическими компонентами и тем самым вскрыть ментальные основы генезиса поэтических коннотаций.

Для изучения факторов, влияющих на появление поэтических коннотаций, были использованы результаты психолингвистического эксперимента на английском языке. Основу составили сообщения с форума, размещенного на образовательной платформе *Future-Learn* в курсе «How to make a poem» (июль 2018, февраль 2019). Материалы находятся в открытом доступе для зарегистрированных участников. На площадке данного форума участники обсуждали стилистические возможности слов в лирике: респонденты должны были предложить свои варианты поэтичных лексем (например, из любимых стихотворений) и объяснить, почему выбранное слово можно отнести к разряду поэтичных. Хотя главной целью данного действия было привлечение внимания начинающих поэтов к специальным возможностям поэтического слова как такового, полученный материал, включающий в себя высказанные на форуме мнения, позволяет сделать глубокий научный анализ факторов, влияющих на появление поэтических коннотаций. Всего было изучено около 2000 сообщений, большое количество проанализированных данных свидетельствует о валидности результатов.

Анализ поэтического словаря по формальным признакам

На первом этапе анализа данных был составлен частотный словарь из предложенных участниками лексем, которые, по мнению опрошенных, содержат значительный объем поэтических коннотаций. Однокоренные слова подсчитывались как одно слово: *lone + loneliness + lonely*. Далее было выделено ядро поэтического лексикона с помощью ранжирования лексем по частоте упоминания. Полученное ядро оказалось небольшим по объему: из 1160 предложенных участниками лексем только 65 упоминались респон-

дентами три или более раза, что составляет всего 5,6 % (от общего количества предложенных участниками слов). Наибольшая отмеченная частотность – 22 упоминания слова *love/любовь*. Таким образом, в полученном словаре преобладают единичные варианты. Данный факт говорит о том, что современный поэтический язык и его лексика не являются узкоспециальными, не противопоставлены обыденному языку. Лирика в основном пользуется известными языковыми единицами, и практически любая лексема может в процессе речевой деятельности обрасти поэтическими коннотациями, причина их появления кроется в мышлении человека, которое, оперируя семантическими возможностями слов, находит способы расширения значений: «Поэтическое слово отличается от обычного – при формальном словарном тождестве – теми второстепенными значениями (обертонами), которые рождаются из поэтического контекста» [5, с. 141].

Тем не менее в центральную часть небольшого ядра словаря вошли следующие слова: *love/любовь* (22 упоминания), *silence/тишина* (19), *moon/луна* (15), *serendipity/счастливая случайность* (14), *time/время* (14), *solitude/одиночество* (13), *breath/дыхание* (10), *cloud/облако* (10), *dreams/мечты* (10), *beauty/красота* (9), *lonely/одинокий* (9), *hope/надежда* (9), *life/жизнь* (9), *light/свет* (9), *peace/мир* (9), *rain/дождь* (9), *sea/mоре* (8), *soul/душа* (8), *blue/синий* (7), *dark/темный* (7), *rise/подниматься* (7), *inspiration/вдохновение* (7), *wild/дикий* (7), *eternity/вечность* (6), *ether/небеса* (6), *freedom/свобода* (6) и др. Респонденты, предлагая ту или иную лексему, исходили не только из самих форм слов и их лексических значений, но на их выбор влияли и поэтические концепты, идеи, смыслы, обозначаемые с помощью разных синонимических средств. Если отталкиваться не формы слов, а от концептов и анализировать именно их, то индексы частотности значительно меняются, например, в этом случае правомерно сложение показателей *solitude* (13) и *lonely* (9), поскольку данные слова являются синонимами, а представление об *одиночестве* (22) в этом случае становится, наряду с *любовью* (22), ведущим поэтическим концептом. Однако в концептуальном анализе можно пойти еще дальше, прибегнуть к сложению не только прямых синонимов, но и гипонимов, интерпретирующих центральное понятие. Так, слово *nature/природа* (5) находится на периферии словаря, но, поскольку лексически данный концепт раскрывается с помощью описания ее многочисленных образов: *sea/моря* (8), *trees/деревья* (6), *rain/дождя* (8), *snow/снега* (6), *river/рек* (3), *woods/лесов* (3) и т. д., представление о природе (концепт природы) становится ключевым по итогам анализируемого эксперимента.

Необходимо отметить, что полученный на основе данных эксперимента словарь практически не содер-

жит традиционных поэтизмов английского языка, немногочисленные упоминания представляют собой по большей части единичные ответы: *blithe/счастливый*, *delectable/восхитительный*, *dulcet/сладкий* (о звуках), *effulgent/лучезарный*, *enchanting/волшебный*, *flamboyant/цветистый*, *furrow/пахотная земля*, *gloaming/сумерки*, *halcyon/безмятежный*, *myriad/несметный*, *puissance/могущество*, *sumptuous/роскошный*, *swoon/замирать*, *wanton/необузданный*, *zephyr/ветер*. Архаические поэтические формы также почти не упоминаются респондентами. Современная форма *you* встречается четырежды, в то время как поэтические варианты *thou*, *thee* и *ye* не упоминаются ни разу, единожды обнаруживается *thine*. В числе устаревших лексем называются *yonder/там*, *perchance/случайно*, *orisons/молитвы*, *innovation/инновация*, *lance/копье*, *flayed/нануганный*, *oracle/вещать*. Что касается архаических морфологических форм, то только трижды были приведены варианты с характерными для традиции прошлых веков окончаниями: *stoppeth*, *doth*, *availeth*.

Данный факт немногочисленных упоминаний поэтических и архаических слов приводит нас к двум выводам. Во-первых, можно говорить о наблюдающейся тенденции выхода литературных поэтизмов из употребления, о чем свидетельствует вскрывшееся снижение их текущей речевой актуальности в поэзии. Мы наблюдаем процесс потери стилистических коннотаций у большинства традиционных поэтизмов и переход их в разряд устаревших (в том числе и для поэзии) слов, поскольку «массовое изменение в речевом поведении языковой личности ведет к изменениям в языковой системе» [6, с. 6]. Во-вторых, подтверждается еще раз мысль, что поэтический язык не противопоставлен обыденному, он не стремится сформировать и сохранить свою собственную закрытую систему знаков и тем более не стремится ее развивать и обособлять в дальнейшем. Как прокомментировал свой выбор один из участников форума, он предложил свое слово «not because it's conventionally poetic / не потому что оно характерно для поэтических текстов».

Аналогично объем предложенной книжной лексики в качестве поэтической также незначителен, в ее числе можно отметить: *aglow/пламенеющий*, *attenuated/устонченный*, *beguile/вводить в заблуждение*, *ebullient/кунучий*, *expiate/искупать*, *expostulate/увещевать*, *lucifer/светящийся*, *sublime/совершенный*, *soughing/шелестящий*, *nascent/возникающий*, *obfuscate/туманить*.

Состав словаря, созданный на основе мнений опрашиваемых, анализировался и по морфологическим признакам. Указать на преобладание тех или иных частей речи затруднительно из-за явления конверсии в английском языке. Тем не менее большин-

ство предложенных слов являются существительными и прилагательными. Вместе с тем к поэтическим словам единожды был отнесен артикль *the*, шесть раз союз *if* (возможно из-за ассоциаций с известным стихотворением Р. Кипплинга), слова *yes*, *no*, местоимения *we*, *our*, *us* и др., отдельно стоит упомянуть междометие *oh!*, безусловно, с выраженным поэтическим потенциалом.

Что касается примеров поэтической деривации, то были обнаружены единичные лексемы, содержащие в себе уменьшительные суффиксы, которые являются востребованными в передаче эмотивности в поэзии даже в английском аналитическом языке: *wavelet/волна*, *cloudlet/облачко*, *beastie/зверек*. С другой стороны, обратный процесс – усечение форм, характерное для поэзии [7], не были упомянуты респондентами за исключением архаической неполной формы с аферезой *novation* (которая в современном варианте языка заменена на форму *innovation*), и синкопированных стяжений внутри слова: *crack'd*, *murd'rous*. Опрашиваемые не предлагали вовсе характерные для английской поэзии апокопы типа *oft*, *torn*, *vale*, *tead* и пр.

Обратил на себя внимание также факт интереса к нехарактерным для английского языка длинным словам. Среди предполагаемых причин удлинения слова в поэзии можно отметить частое упоминание сложных форм, появившихся в результате активного словообразовательного процесса в лирике, и присутствие значительного числа окказионализмов. Ярким примером может служить громоздкое слово *brobdingnagian/гигантский*. Зачастую многосложная лексика звучит мелодически более интересно или более загадочно, что приветствуется поэтическим мышлением.

Составленный словарь может дать некоторое представление и о цветовой палитре поэтической картины мира. Ведущими цветами оказались *dark/темный* (7) и *black/черный* (4), символизирующие непостижимую глубину Вселенной, завесу, тайну, загадку; *blue/сине-голубой* (7) и *sapphire/сапфировый*, как цвета неба, мистики и философии. Далее следуют природные *green/зеленый* (3) и *emerald/изумрудный*. Обращение к метафорам при описании цвета также имеет место: *bible-black/кромежно-черный*, *smoke-blue/дымчато-голубой*, *rainbow-tinted/радужный*, *wine-dark/вино-темный*.

В результате анализа поэтического словаря по формальным признакам можно сделать вывод, что такой фактор функционирования поэтических коннотаций, как **влияние литературной поэтической традиции**, хотя и играет важную роль, но, однако, не является ведущим в поддержании актуальности дополнительных стилистических значений слов, на что указывает редкое упоминание архаической, поэтической, книжной лексики, слов с характерной поэтиче-

ской морфологией (усеченных, с уменьшительными суффиксами, с поэтическими окончаниями). Ни разу опрашиваемые не упомянули высоко поэтический цвет *azure/лазурный*. В то же время обнаруживается достаточное количество нехарактерных для традиций лирики длинных или редких слов. Обнаружено некоторое расхождение между поэтическими когнитивными представлениями и поэтикой как языковой системой и литературной традицией. Данное расхождение правомерно рассматривать как механизм, вызывающий эволюцию поэтического языка.

Классификация факторов развития лексических поэтических коннотаций

Именно изучение ментальных процессов на основе рефлексии участников форума позволяет рассмотреть все возможные факторы возникновения поэтических коннотаций и оценить их значимость. В связи с этим на втором этапе исследования анализу подверглись не слова и словарь, а указанные опрошенными причины выбора и объяснения их предпочтений.

Большинство респондентов легко указывали причину, почему они считают предложенное слово поэтическим. Однако некоторые не смогли ее ясно сформулировать, например, они отмечали: «the word means something to me – I'm just not sure what / это слово особенное для меня, но я не могу объяснить почему»; или «just love this word! / мне просто нравится это слово».

Другие же приводили сразу несколько оснований для отнесения лексемы в разряд единиц с выраженной поэтической коннотацией: «my word is *daffodil*, the sound of the word is like music for me, it reminds me of the beauty and peace of English great gardens and of my great Love / *Нарцисс* – поэтичное для меня слово, оно словно музыка, напоминает о красоте и тишине чудесных английских садов и моей великой Любви». Так, в одном предложении упоминается звучание слова, красота природы и пережитое чувство. В таких случаях учитывались сразу несколько оснований.

В процессе анализа и классификации факторов формирования поэтических коннотаций было выделено восемь параметров, определяющих развитие в слове специфических стилистических значений. Их можно поделить на две группы: первая связана с самим словом как единицей языка (его фонетическими и функционально-структурными особенностями), вторая указывает на концептуальные представления человека или специфику ментальных процессов в выборе того или иного слова. Факторы, анализируемые во второй группе, – это семантические особенности слова; в их числе возникающие при восприятии слова чувственные образы, философские идеи, образы природы; это также обращение к апперцепции и

памятным ассоциациям; описание процесса творчества. В то же время выделенные группы делятся на более мелкие на основе уточняющих параметрических показателей. Возникли некоторые сложности с отнесением основания поэтичности к той или иной группе. Например, *надежда* может входить как в группу положительно окрашенных эмоций, так и рассматриваться как философский концепт, связанный с мироосмыслением и жизненной философией; диалектное слово можно отнести собственно к груп-

пе сленгов и диалектов или же к группе ассоциаций и воспоминаний детства, на которые участник обсуждения параллельно указывает. В случае сомнения выбирался тот параметр, который в речи респондента более актуализирован, иногда в качестве факторов поэтичности рассматривались и подсчитывались сразу два и более.

Факторы поэтических коннотаций по результатам анализа мнений участников опроса представлены в таблице.

Т а б л и ц а

Факторы формирования поэтических коннотаций

Поэтический фактор		Количество упоминаний	
1. Звучание слова		231	
	<i>в том числе:</i> нравится (красивое) ономатопея и фоносемантика необычное звучание ритмическая организация тяжелый звук		162 25 24 12 8
2. Особенность слова (функционально-структурная)		116	
	<i>в том числе:</i> сленги и диалекты редкое (незнакомое) слово окказионализмы архаическое слово простое сложное		27 24 23 12 10 8
3. Апперцептивные (памятные) ассоциации; влияние жизненного опыта		154	
	<i>в том числе:</i> влияние стихов детства, поэтической традиции		12
4. Общие семантические особенности		234	
	<i>в том числе:</i> многозначное слово (концептуальная многозначность, метафоричность) семантика мистичности, запредельности потенциальный контраст в значениях символизм		121 85 22 6
5. Творческий процесс		53	
6. Эмоции, чувственные образы и ощущения		300	
	<i>в том числе:</i> общее упоминание эмоций приятные эмоции зрительные (цветовые) образы грустные эмоции звуки мира, музыка запахи, обоняние ощущение энергии вдохновение осознание эмоции танца, движения страх ощущение тепла вкус уязвимость (смущение) драма		44 71 52 46 20 16 14 9 6 6 5 4 4 2 1

Окончание табл.

7. Философские идеи		160	
	в том числе: общефилософские вопросы красота и гармония время политика свобода		68 39 23 16 14
8. Природа		80	
	в том числе: море		31
Всего		1316	

Примеры объяснения причин появления поэтических стилистических значений

Связывая поэтический фактор с фонетическими особенностями слова, с определенной спецификой его звучания, респонденты указывают, что иногда им просто нравится мелодика слова: «the sound of the word is like music for me / звучание слова как музыка для меня»; в отдельных случаях конкретизируют: «I chose *glimmer* because I like the sound of the “gl” at the beginning of the word and the double “m” in the middle / мне нравится сочетание звуков “гл” в начале слова и двойное “м” в середине»; «*damasked* is soft, velvety / звучание слова мягкое, бархатистое». Исследователи поэзии сходятся во мнении, что «наиболее характерен для стихотворной речи принцип звукового символизма, когда та или иная семантическая установка влечет за собой бессознательный отбор звуков, ассоциируемых с теми или иными семантическими характеристиками текста или отдельных, наиболее значимых его компонентов (слов)» [5, с. 138]. Респонденты иногда указывают на поэтичность ономастопеи, например: «*tintinnabulation* is a great word meaning “tinkling” / слово, номинирующее *звон колоколов*, стремится повторить их звучание – “динь”», ярким примером совершенного звукоподражания является также слово *шелест*: «*susuration* is so perfectly onomatopoeic».

Необычность, странность звучания также может способствовать возникновению у слова поэтических коннотаций, например, упоминается слово *juxtaposition/сопоставление* как единица, которая «has an unusual combination of letters / основана на необычной комбинации букв».

Реже в качестве поэтического фактора выступает ритмическая организация слова, например, респондент отмечает: «I chose *situation* because I like the rhythm of the four syllables / я выбрал слово из-за особой ритмичности его четырех слогов».

С точки зрения функциональных особенностей слова художественную функцию выполняют сленги и диалекты, такие как, например: *puggled* – Хэмпшир-

ский сленг, означающий “чудной, странный”; *mizzle* – «such a specific word for a very particular kind of rain in Cornwall / специфическое слово для обозначения особого дождя в Корнуолле»; *apple-drain* / *яблокоед* – название осы в Девоншире. Участники форума поэтичными посчитали также некоторые шотландские, валлийские и ирландские слова, отметив именно особенность их происхождения как ведущий поэтический фактор.

Обращает на себя внимание значительный объем предложенных редких и новых (незнакомых) слов. Например, «*bog off* is a modern word for “go away” / “уйти” можно обозначить необычно по-современному». Другой респондент отметил, что поэтично для него слово *phantasmagoria* выглядит «almost foreign but fantastical / довольно непривычно и гротескно».

Проанализировав сообщения форума, мы делаем вывод, что окказионализмы также являются довольно важными структурными компонентами лирики. Респондент замечает: «I adore playing with words, shaping them, chiselling them, and if need by casting them aside in favour of something better / Я обожаю играть словами, создавать новые формы, высекать их и, если нужно, пренебрегать старыми в угоду новым более подходящим». Чаще всего участники форума предлагают окказиональные сложные слова, состоящие из двух корневых основ, что неудивительно, поскольку аффиксальный способ, в отличие от русского языка, в английском менее продуктивен. Так, *rainbrella* состоит из *rain* (дождя) и *umbrella* (зонтика); *soulscape* образовано по аналогии с *landscape* и *moonscape*, это «a coinage that peeps into one's soul and resonates the complexities of our inner thoughts / дериват, призванный обозначить всю глубину и сложность наших сокровенных мыслей». *Winterton* – словосложение с участием *winter* и *town*.

Архаика в формировании поэтичности оказывается менее значимой, чем диалекты, окказионализмы и необычные редкие слова (см. табл.). Она выступает как транслятор культурной традиции языка. Вместе с тем редко упоминается и литературная традиция,

что говорит о том, что ей не принадлежит ведущая роль в когнитивной поэтике. Однако она все еще играет определенную роль, например, респондент предлагает в качестве поэтического слово *silver*, поскольку оно «reminds me of learning the poem “Silver” by Walter de la Mare at school / напоминает школьное стихотворение Уолтера Де Ла Мара». Другой участник поэтичным считает *lark/жаворонка*, так как «many poets have written poems about this tough little moorland bird / многие поэты слагали стихи об этой выносливой маленькой птице, обитающей в вереске».

На формирование художественной стилистики слова большое влияние оказывают эмоционально нагруженные апперцептивные (памятные) ассоциации, жизненный опыт и среда, в которой существует человек. Поэзия в значительной степени связана с речевой экспликацией личного опыта, ей, в отличие, например, от науки, чужда абстракция и надличная практика. Поэтические слова часто «take us back to the carefree days of childhood / возвращают нас к беззаботному детству».

Безусловно, эмоции играют одну из ведущих ролей в семантике стихотворений, они в высокой степени связаны с «aesthetic quality / художественным содержанием» [8]. В нашем исследовании чувственные переживания составили наиболее многочисленную группу. Поэзия – это речевая реализация «all the secret pains and joys that we humans can feel deeply / всех тайных страданий и радостей, которые люди глубоко переживают». По мнению опрошенных, поэтические слова вызывают «a lot of different feelings / много различных чувств», «make hearts beat a little faster / заставляют сердца биться быстрее». Поэтическая эмоциональность связана с разного рода ассоциативными ощущениями. Например, респондент замечает: «*Bracken* awakens all of my senses; I see sun-dappled ferns amongst fragrant fir trees, I smell warm loam, I hear wind through the fir boughs and the rustle of the green carpeted hillside, I feel the bracken fronds brush against me as I pass / слово *папоротник* пробуждает все мои чувства; я вижу пятна солнца на вайях среди ароматных елей, я чувствую запах теплого суглинка, я слышу ветер сквозь еловые ветви и шелест травы зеленого холма, я чувствую, как папоротниковые листья касаются меня, когда я прохожу мимо». Чувственное постижение мира, реализуемое в ощущениях, находится в центре поэтического мышления и мирозерцания. По мнению опрошенных, поэтическая лексика заставляет их видеть зрительные (цветовые) образы: «golden lights / золотистые оттенки»; «colours twining and coalescing / наложение и слияние красок». Поэтические слова напоминают о звуках мира: «sound of rain on the window pane / звуках дождя на оконном стекле». Специфическое для английского языка слово, не имеющее аналога в русском языке, *petrichor* связано с «smell of rain on dry earth /

запахом первых капель дождя, упавших на сухую землю». Поэзия – это также ощущение, что поэтичность слова *родина*, например, связана со вкусом черники: «home has the taste of bilberries»; это и осязательные ощущения: «as soon as I pronounce *glow* I feel a sense of warmth / как только я произношу слово *пылать*, я чувствую тепло».

Важным фактором поэтичности, по мнению участников опроса, также является семантическая многогранность слова в лирике, которая выражается в том, что оно может иметь несколько прямых и переносных значений («real and figurative meanings»), может пробуждать комплекс всевозможных ассоциаций, необычных коннотаций, может быть нагружено скрытыми смыслами («implications»), может отражать множество образов. Например, слово *dawn/рассвет* обозначает «various types of beginnings, not only of the day / начала разного рода, не только исключительно начало дня».

Не менее поэтичен и контраст возможных значений. Например, *clouds* в английском языке описывают «light puffy white things / легкие пушистые белые облака», а могут превратиться в «dark sinister thoughts clouding the mind / черные страшные тучи, затуманивающие сознание». Другой участник указывает на эфемерность семантики слова *moonlight/лунный свет*, способной передавать как *грусть/sad*, так и *умиротворение/calming*.

Более того, поэтическая семантика часто не только многозначна, но и не вполне выразима, она имеет отношение к словам, которые «mean something which is not necessarily the codified definition / означают то, что не всегда может найти свое определение в языке»; она в то же время «makes me feel connected to something greater than my being / заставляет ощутить что-то большее, чем опыт существования в опредмеченном мире». Одна из ее целей – «to transform the ordinary into something extraordinary / превращение обычного в необычное». Да и сами слова в поэзии нередко модифицируются в сложные знаки-символы. Так, участники указывают, например, на слово *луна/moon* как символ надежды или на слово *птица/bird* как символ свободы или заточения (если она в клетке).

Размышление о тайных смыслах бытия является неотъемлемой частью поэтического мышления. К разделу общефилософских вопросов можно отнести, например, размышление о единстве *белого/light* и *черного/dark*. Однако ведущим философско-эстетическим концептом оказалась *красота*, это особого рода «transcendent beauty of the aesthetic experience / трансцендентная красота художественного опыта», «the utmost and purest / все самое возвышенное и чистое». Среди других философских тем опрошиваемые выделяют *время*, которое характеризуется текучестью и необратимостью: «time has passed and there is not any bringing it back»; *свободу*, вербализу-

яющуюся, например, в слове *flow*. Участники опроса полностью обошли стороной религиозную тематику, что несколько неожиданно, поскольку темы Бога и пантеизма не чужды традициям поэзии, в то же время актуальной оказалась *политика*. Например, у одного из участников форума поэтично для него слово *storm/шторм* ассоциируется с Брекситом/Brexit; некоторые вспоминают даже миграцию: «I work with people who have migrated to the UK because of conflict, and I've been reading a lot of different texts on these conflicts, including poetry / Я работаю вместе с мигрантами, бежавшими в Великобританию из-за войны, много читала по этой теме, в том числе и стихотворений». Здесь можно отметить культурно-специфические факторы формирования поэтических смыслов; поэтическая картина мира формируется в том числе во взаимодействии с религиозной и политической жизнью общества, интенсивность последних оказывает влияние и на поэтику. Лирика, с одной стороны, стремится к автономности и эстетической рафинированности в размышлениях о запредельном и тайном, с другой стороны, она не может освободиться от влияния культуры и окружающей материальной действительности.

В этом смысле можно предположить, что обнаруженная значимость природного концепта *more* вызвана, в том числе, и географическими особенностями страны; она не обязательно будет аналогичной в других культурах, хотя «the sea always seems to be full of wild and unexplored potential / море всегда выглядит стихией, полной чего-то дикого и неизведанного», оно ассоциируется с «the feelings of romance and adventure / романтическими чувствами и приключениями».

Факторы, влияющие на формирование и функционирование стилистических поэтических коннотаций, успешно выявляются с помощью психолингвистического эксперимента, в ходе которого его участники предлагают поэтично на их взгляд слово, объясняя причины появления особого стилистического слоя в семантике языковой единицы.

В ходе анализа данных было выделено восемь групп различных факторов поэтичности, которые в свою очередь представлены более мелкими подгруппами. Ведущий фактор определить не удалось, следовательно, можно сделать вывод, что на появление поэтических коннотаций слов влияет комплекс причин. Тем не менее чаще всего респонденты указывали на чувства как эмотивные концепты и ощущения, которые реализуются в поэтической речи (300 упоминаний). В нашем исследовании позитивные переживания упоминались гораздо чаще, чем грусть и печаль, что несколько неожиданно, поскольку стереотип лирики связан в большей степени с элегичностью, чем с эйфоричностью. Из подгрупп наиболее частотной оказалась та, что представлена фонетическими особенностями слова, красотой звучания, мелодичностью

(162 упоминания). Оба вышеуказанных фактора сближают поэзию с музыкой, выдвигая на первый план эмоции и гармонию звука. Далее весьма важной для поэзии явилась потенциальная многозначность слова, его семантическая многогранность, приводящая к гибкости в его использовании при обозначении всевозможных явлений мира (121 упоминание).

В число ведущих поэтических концептов (на основе анализа составленного частотного словаря) правомерно включить *образы природы, любовь, тишину и одиночество*. Однако абсолютно объективные числовые показатели здесь получить сложно из-за существования лексической и концептуальной синонимии и наличия большого количества полученных единичных ответов.

В ходе анализа предложенных слов по формальным признакам и сопоставления его с анализом когнитивных факторов было выяснено, что языковая литературная традиция и норма слабо влияют на поддержание и развитие поэтических коннотаций слова. Опрашиваемые чаще связывали поэтичность с новизной и необычностью, чем с литературной традицией и архаичностью. Выявленное существенное расхождение между поэтическими когнитивными представлениями и поэтикой как языковой системой, представляющей собой нормированный регистр языка, может являться причиной, вызывающей эволюцию лирического языка. В этой связи отмечается тенденция выхода литературных поэтизмов и традиционных поэтических форм (в частности, усечений) из употребления в стихотворениях, о чем свидетельствует вскрывшееся снижение их текущей речевой актуальности в поэзии (вплоть до отсутствия), приводящее к переходу их в разряд устаревших словоформ. Небольшой объем ядра составленного поэтического словаря и наличие окказиональных форм, выражающих идеи по-новому, говорят об особой гибкости поэтического языка, о его динамичности и неконсервативности, подтверждают высокую степень легкости нарушения им общезыковой и функциональной норм.

Проведенное исследование также вносит вклад в развитие методов в лингвистике. Что касается поэзии, было определено, что корпусный подход не всегда является достоверным в ходе ее анализа. В случае его использования исследователь отталкивается от частотных показателей и литературной поэтической традиции, в то время как лирика параллельно с обращением к конвенциональным средствам активно развивает и неконвенциональные (возможно, более интенсивно, чем другие разряды языка). В то же время ее отличает стремление освободиться и от собственных выработанных кодифицированных слов и форм. Отмеченная эволюционная гибкость поэтического языка заставляет обращаться к комплексу методов, в том числе психолингвистическому, который может повысить достоверность числовых пока-

зателей. Методика обработки лингвистических данных в исследовании лирики с целью получения поэтических коэффициентов требует дальнейшего изучения и совершенствования.

Творческая основа поэзии предполагает разработку созвучных ее существу неклассических нерациональных подходов к исследованию, поскольку, как отмечают участники опроса, поэзия связана с *undressing/обнажением*, где стихотворения «strip things of their outer appearance and find a way to shed a new light on what's beneath / снимают внешнюю оболочку с явлений и проливают новый свет на суть вещей». Поэзия также связана с *turning/превращением*, когда мы должны «attempt some kind of metamorphosis, express some meaning beyond the mere word / предпринять попытку преобразования, выйти за пределы обычного словоупотребления». Поэзия – это ментально-языковая сфера, для которой «there's never any chance of running out of new ways to say things / нет ни малейшей уверенности, что когда-нибудь иссякнут новые способы обозначения известных идей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов М. С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
2. Beiruti A. M. Translating Connotative Meaning in Literary Texts at the University of Petra // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2013. Vol. 2 (No. 5). Pp. 81–86.
3. Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман : наука и идеология // *Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии*. СПб. : Искусство-СПб, 1996. С. 9–16.
4. Mukařovský Jan. Standard language and poetic language // *Praguiana. Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School*. Praha : Academia, 1983. Pp. 165–185. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/131565/Books_2010_2019_071-2014-1_7.pdf
5. Леонтьев А. А. Психопоэтика // *Основы психолингвистики*. М. : Смысл, 1997. С. 131–186.

Московский государственный лингвистический университет; Российский государственный геологоразведочный университет

Шевченко С. Н., кандидат филологических наук
E-mail: floradale@mail.ru

Поступила в редакцию 23 октября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Шевченко С. Н. Факторы формирования лексических поэтических коннотаций (результаты психолингвистического эксперимента) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2726>

6. Белозерцев А. В. Новейшие факторы изменения языковой системы // *Вестник Воронеж. гос. ун-та*. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 5–9.

7. Шевченко С. Н. Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии (в английском, русском и итальянском языках) // *Научный результат*. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Белгород. гос. науч.-исслед. ун-т, 2019. № 2. С. 108–118.

8. Tsur R. *Aspects of Cognitive Poetics*. URL: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html

REFERENCES

1. Stepanov M. S. *Denotatsiya i konnotatsiya v poeh-ticheskom diskurse* [Denotation and connotation in poetic discourse]: PhD Dissertation Abstract. Moscow, 2007. 20 p.
2. Beiruti A. M. Translating Connotative Meaning in Literary Texts at the University of Petra. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. Vol. 2 (No. 5). 2013. Pp. 81–86.
3. Gasparov M. L. Yu. M. Lotman: nauka i ideologiya [Yu. M. Lotman: science and ideology]. Introduction to Yu. M. Lotman's *About poets and poetry*. St. Petersburg: Iskusstvo, 1996. Pp. 9–16.
4. Mukařovský Jan. Standard language and poetic language. *Praguiana. Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School*. Praha: Academia. Pp. 165–185. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/131565/Books_2010_2019_071-2014-1_7.pdf
5. Leont'ev A. A. *Psikhopoehtika* [Psychopoetics]. *Osnovy psikholingvistiki* [The bases of psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 1997. Pp. 131–186.
6. Belozertsev A. V. Novejshie faktory izmeneniya yazykovoj sistemy [The latest factors of the changes in the language system]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014. No. 1. Pp. 5–9.
7. Shevchenko S. N. Stylistic features of shortened words in poetry in the English, Russian and Italian languages. *Research result. Theoretical and applied linguistics*. Belgorod State Research University, 2019. No. 2. Pp. 108–118.
8. Tsur R. *Aspects of Cognitive Poetics*. Available at: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html

Moscow State Linguistic University; Russian State Geological Prospecting University
Shevchenko S. N., Candidate of Philology
E-mail: floradale@mail.ru

Received: 23 October 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Shevchenko S. N. Factors of developing lexical poetic connotations (the results of the psycholinguistic experiment). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2726>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ
ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА
(НА ПРИМЕРЕ МАРКЕРА *ИНАЧЕ ГОВОРЯ*)

И. А. Ткач

Воронежский государственный университет

HISTORICAL DYNAMICS OF MEANING OF A DISCOURSE MARKER
(CASE STUDY OF THE MARKER *INACHE GOVORYA / IN OTHER WORDS*)

I. A. Tkach

Voronezh State University

Аннотация: в статье проводится анализ смены семантического, синтаксического и прагматического статуса русского дискурсивного маркера «иначе говоря». В качестве материала исследования использованы данные Национального корпуса русского языка. Обращение к данным основного корпуса позволяет проследить эволюцию данного слова. В современном русском языке «иначе говоря» указывает на перестройку высказываний, вызванную потребностью в повторной номинации определенного компонента ситуации или в более точном описании ситуации.

Ключевые слова: корпус, дискурсивный маркер, прагматикализация.

Abstract: the paper analyzes historical changes of semantic, syntactic and pragmatic features of the discourse marker “inache govorya” (“in other words”). The research is based on the data of the Russian National Corpus. The analysis of the main subcorpus shows the evolution of this discourse marker. In modern Russian “inache govorya” marks the reorganization of the statement.

Key words: corpus, discourse marker, pragmaticalization.

На современном этапе дискурсивные маркеры можно считать довольно популярным объектом лингвистических исследований [1–3]. Интерес исследователей к этой группе языковых средств можно прежде всего объяснить многообразием их функциональных возможностей. Как правило, основные функции дискурсивных маркеров – это обеспечение смысловой целостности коммуникации, выражение эмоционального отношения говорящего к ситуации, а также регуляция процесса понимания сказанного/написанного.

Эти функции позволяют говорить о «направленности» дискурсивных маркеров либо на самого говорящего (при выражении эмоционального отношения), либо на адресата (дискурсивные маркеры регулируют процесс понимания), либо содержательную сторону высказывания и его языковое оформление. В подобных случаях дискурсивные маркеры либо обеспечи-

вают когерентность дискурса, либо используются как метакоммуникативные средства [4].

Поскольку дискурсивные маркеры подвергаются исследованиям все чаще, то один из возможных вопросов о дальнейшем исследовании касается путей появления у них прагматических функций в диахронии, и в особенности, могут ли они быть предсказуемы с точки зрения диахронического «цикла» [5].

На данном этапе развития науки исследовать дискурсивные маркеры в исторической прагматической перспективе становится все более реально, так как материал находится в широком доступе [6].

Однако интерес к дискурсивным маркерам существует не только в теоретическом языкознании. Есть и прикладная потребность их изучения: каждый язык имеет свой набор дискурсивных средств, и следовательно, владение дискурсивными маркерами – один из признаков коммуникативной компетентности го-

© Ткач И. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ворящего. Поэтому в подробном описании данного класса языковых единиц заинтересованы преподаватели языков и составители словарей. При всей важности дискурсивных маркеров для процесса коммуникации словарные дефиниции дискурсивных средств, как правило, не дают полного описания их функций. Обычно составители словарей ограничиваются одним единственным значением. А бывает и так, что словарное описание не совпадает с корпусными данными в плане принадлежности данного дискурсивного маркера к определенному типу текста или режиму коммуникации [4]. В связи с этим цель данного исследования – на материале основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) проследить, совпадает ли функция дискурсивного маркера, описанная в словаре, с его реальной ролью в структуре предложения.

В качестве предмета исследования использовался дискурсивный маркер *иначе говоря*.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, лексема *иначе говоря* в русском языке имеет следующее значение:

Иначе говоря (иначе сказать), вводн. сл. – то же, что иными словами [7].

Д. Э. Розенталь в своей работе «Справочник по правописанию и стилистике» пишет, что такие вводные слова, как *иначе говоря*, *другими словами*, *иными словами* и другие, относятся к группе вводных слов, указывающих на приемы и способы оформления мыслей [8].

Историческая динамика семантики дискурсивного маркера *иначе говоря*

Для анализа исторической динамики употребления и изменения семантики и функциональной нагрузки в работе использованы данные Национального корпуса русского языка [9].

Данные об абсолютной и относительной частоте употребления словоформы *иначе говоря* в разные хронологические периоды приведены в табл. 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что средняя относительная частота употребления *иначе говоря* меняется с течением времени, достигая максимальных значений во второй половине XX – первой половине XXI в. Более подробная информация об относительной частоте употребления словоформы *иначе говоря* представлена на рисунке.

Т а б л и ц а 1

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1700 по 2019 г. по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов в подкорпусе	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления
1700–1749	–	–	–	–
1750–1799	–	–	–	–
1800–1849	2333	2	2	0,15
1850–1899	3583	22	42	0,94
1900–1949	53 757	247	549	7,34
1950–1985	10 635	275	499	9,68
1986–2019	47 716	655	1028	9,25
Всего	118 024	1201	2126	27,36

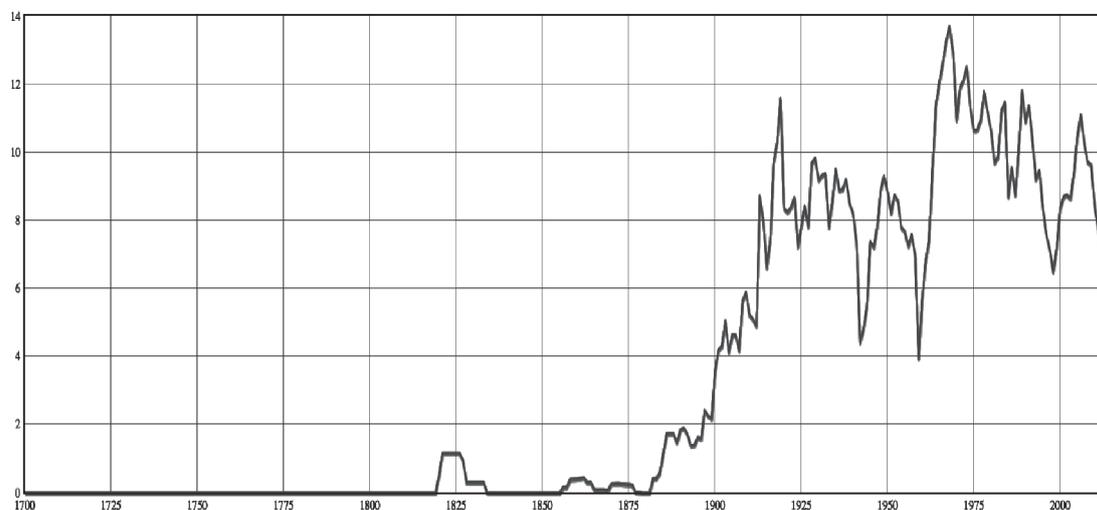

Рисунок. Распределение словоформы *иначе говоря* по годам (1700–2019) по данным основного подкорпуса НКРЯ

Согласно графику, резкий рост относительной частоты употребления слова *иначе говоря* приходится на первую половину XX в. На протяжении XX – первой половины XXI в. происходит постепенный рост частоты встречаемости *иначе говоря*. Посмотрим, в каких контекстах встречалась эта словоформа, как реализовывалось ее значение, предложенное Д. Э. Розенталем, а также проанализируем местоположение данной лексемы в составе предложения и пунктуационные способы ее выделения.

1700–1799 гг.

Употребление словоформы *иначе говоря* совершенно не характерно для XVIII в.: нами не было выявлено ни одного контекста с употреблением данной словоформы.

В. В. Смирнова в своем диссертационном исследовании «Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия» проводит глубокое и основательное исследование в области употребления в русском языке таких дискурсивных маркеров, как *очевидно, видимо, по-видимому, видать, видно*. В процессе исследования В. В. Смирнова выявляет самое низкое количество контекстов употребления дискурсивных маркеров за весь период их употребления. Наименьшее количество контекстов приходится на словоформы *очевидно* и *видать*: в 1700–1749 гг. лексема *очевидно* употреблена в 4 контекстах в полнозначном (недискурсивном) значении и по своим семантическим свойствам приближена к наречию *ясно*; лексема *видать* также употреблена всего в 4 контекстах как инфинитив для описания ситуации зрительного восприятия, но не как дискурсивный маркер. Проведя столь глубокое исследование, автор приходит к выводу, что первая половина XVIII в. – это время, когда наречие *очевидно* в целом употребляется редко, не имеет функции вводного слова и еще не вовлечено в процесс прагматикализации [10].

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что XVIII в. – это период, для которого употребление дискурсивных маркеров не характерно.

1800–1849 гг.

Употребление словоформы *иначе говоря* в функции дискурсивного маркера абсолютно не характерно для текстов первой половины XIX в.: по данным НКРЯ, словоформа *иначе говоря* встречается всего 2 раза в различного рода контекстах (табл. 2).

В первом упомянутом документе *иначе говоря* стоит на первом месте в предложении и выделяется запятой:

(1) *Сказано, что Он рожден прежде всех век для того, чтобы кто-либо не подумал, что было время, когда Его не было. **Иначе говоря**, этим указывается на то, что Иисус Христос есть так же Вечный Сын Божий, как Вечен Бог Отец. 141. В Символе веры слова «Света от Света» подобием видимого света несколько объясняют непостижимое рождение Сына Божия от Отца [митрополит Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катихизис Православной католической восточной церкви (1823–1824)].*

Во втором упомянутом документе *иначе говоря* находится в середине предложения и выделяется с двух сторон запятыми:

(2) *Подобно тому, как наши платят Порте и правительственным чиновникам значительные суммы за назначение их в санджаки, так и аяны обязаны платить соответственно за свои аянылыки, назначались ли они Портой или пашой, которому подчиняются. Ни те, ни другие не получают жалованья и поэтому негласно как бы имеют право пользоваться доходами на местах от своих должностей, **иначе говоря**, результатом притеснений своих подчиненных [А. О. Дюгамель. Статистическая таблица Северной Румелии (1830)].*

Таким образом, первая половина XIX в. – это время, когда дискурсивный маркер *иначе говоря* в целом употребляется редко.

1850–1899 гг.

Во второй половине XIX в. частота употребления словоформы *иначе говоря* по-прежнему осталась невысокой, но по сравнению с предыдущим периодом значительно возросла. В среднем она встречается 0,94 раз на 1 миллион словоупотреблений (табл. 3).

Т а б л и ц а 2

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1800 по 1849 г. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы <i>иначе говоря</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Дискурсивный маркер	2	100

Т а б л и ц а 3

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1850 по 1899 г. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы <i>иначе говоря</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Дискурсивный маркер	41	97,6
Составная часть деепричастного оборота	1	2,4

В данный хронологический период *иначе говоря* употребляется как вводное слово в 41 контексте, также впервые была выявлена новая синтаксическая связь в предложении – составная часть деепричастного оборота лишь в одном контексте:

(3) *Качества родителей, по его мнению, не переходят на детей по крови, все зависит от первых укоренившихся привычек: «Но отчего, – задает он себе вопрос, – у несомненно добрых и честных родителей бывают дурные дети?»*. Симеон приписывает это явление излишеству родительской любви, **иначе говоря** нашим языком, баловству: «Если добрые родители не дают своим чадам подобающего наказания, а пускают их вести себя по воле их юности, если не оскорбляют их словом увещания, не налагают на них язв, то от благих родителей произойдет злой плод!» [Н. И. Костомаров. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862–1875)*].

Полученные примеры мы вначале проанализировали с позиции того, какое место занимает дискурсивный маркер перестройки высказывания *иначе говоря* в составе предложения (табл. 4).

Всего было выявлено 35 примеров, где *иначе говоря* занимает первую позицию в предложении:

(4) **Иначе говоря**, Шекспир оправдывает то смятение умов, тот страх перед жизнью, который, как общее явление, народился, казалось нам, вместе с нашим веком и был его болезнью, его проклятием, его вопросом [Л. И. Шестов. *Шекспир и его критик Брандес (1898)*].

Случаев, когда *иначе говоря* занимает не начальную позицию, нами было выявлено всего 7, что составляет 16,7% от общего числа найденных примеров:

(5) *В какой мере ссыльное население преступно, или, **иначе говоря**, склонно к рецидиву, пока неизвестно* [А. П. Чехов. *Остров Сахалин (1893–1895)*].

Как уже говорилось выше, всего нами было встречено 42 вхождения словоформы *иначе говоря* в документах второй половины XIX в. Что же касается способов выделения данного дискурсивного маркера, то мы встретили следующие варианты:

1) словоформа *иначе говоря* выделяется одной или двумя запятыми в зависимости от того, стоит ли на первом месте в предложении или посередине;

2) после словоформы *иначе говоря* стоит знак тире, перед которым следует запятая;

3) перед словоформой *иначе говоря* стоит знак тире и после словоформы запятая;

4) перед словоформой *иначе говоря* стоит запятая и после словоформы знак тире (табл. 5).

Случаи выделения *иначе говоря* одной или двумя запятыми в зависимости от местоположения в предложении составляют большинство от общего количества найденных примеров – 36 случаев (85,7%):

(6) **Иначе говоря**, Руссо отвергает не степень развития цивилизации, а ее тип и, наоборот, в первобытной жизни он ценит лишь ее тип (общее равенство), нисколько не сомневаясь, что невежество, суеверие, нищета, грубость как спутники низшей ступени развития подлежат изгнанию [Е. А. Соловьев-Андреевич. *Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность (1895)*].

Второй способ выделения дискурсивного маркера *иначе говоря* в письменной форме – это знак тире, перед которым следует запятая. Всего было встречено 2 вхождения, что составляет 4,7%:

Таблица 4

Местоположение словоформы **иначе говоря** в составе предложения с 1850 по 1899 г. по данным НКРЯ

Местоположение словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
На первом месте в предложении	35	83,3
В середине предложения	7	16,7

Таблица 5

Способы выделения словоформы **иначе говоря** с 1850 по 1899 г. по данным НКРЯ

Способы выделения словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется одной или двумя запятыми	36	85,7
После словоформы <i>иначе говоря</i> следует знак тире, перед которым стоит запятая	2	4,7
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит знак тире и после словоформы запятая	2	4,7
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит запятая и после словоформы знак тире	2	4,7

(7) *Всякое сознание есть внутренне-усматриваемое соотношение того, что в нас сознает, к тому, что не есть оно, иначе говоря, – субъекта и объекта, принципа внутреннего и принципа внешнего [Л. М. Лопатин. Вопрос о свободе воли (1889)].*

Наряду с этим были выявлены 2 случая (4,7 %) выделения *иначе говоря* с использованием знака тире перед словоформой и запятой после нее:

(8) – *Вы меня извините, – начал он, наконец, – но мне бы не хотелось в данном случае, как говорят французы, раetter les points sur les I – иначе говоря, ставить точки на i? – Это, сударь мой Михаил Андреевич, можно так с разными точками поступать в пустяках да еще во Франции, – улыбаясь, произнес Ханенко. – Но мы с вами живем в Российской империи, говорим о деле серьезном, так уж вы соизвольте в этом случае слов точками не заменять [Е. А. Салиас. Аракчеевский сынок (1888)].*

Последний выявленный нами способ выделения *иначе говоря* в данный хронологический период – это использование запятой перед словоформой *иначе говоря* и знака тире непосредственно после нее:

(9) *Что же я должен делать? Отнимать у него последние гроши и заниматься самоотвержением, или добывать хлеб самому, иначе говоря – делать карьеру? [А. Н. Апухтин. Неоконченная повесть (1888)].*

1900–1949 гг.

Хронологический срез 1900–1949 гг. характеризуется значительно большей относительной частотой употребления словоформы *иначе говоря* по сравнению с предыдущим периодом: она составляет 7,34 вхождений на 1 миллион словоупотреблений. Данные о функциональном распределении контекстов приведены в табл. 6.

В данный хронологический период словоформа *иначе говоря* употребляется в качестве дискурсивного маркера в 547 контекстах и в 2 контекстах – в качестве составной части деепричастного оборота.

Что касается местоположения словоформы *иначе говоря* в составе предложения, то наблюдается приблизительно равное количество употреблений в начале и в середине предложения (табл. 7).

В данном хронологическом срезе обращает на себя внимание употребление словоформы *иначе говоря* в конце предложения, что ранее нами замечено не было. Всего было выявлено 2 примера данного контекста, что составляет 0,4 % от найденных примеров:

(10) *Забыл, что же поделаешь. Скажи еще раз: пьесу мы ставили весной только один раз – после сезона, это был уже непланный спектакль трех актеров, спектакль за их страх и совесть, но, разумеется, под контролем театра (моя постановка, иначе говоря). В этом сезоне мы хотели было ее возобновить, но... раздумали, хотя произошло это отнюдь не по вине, так сказать, пьесы, но все же не является и доказательством того, чтобы театр считал ее очень ценной. Занятна – да, но грубовата... На этом я должен был бы закончить мое сегодняшнее письмо к тебе – очень ждет меня срочная работа [Рудольф Унгерн. Письма Юрию Ракитину (1926–1938)].*

(11) – *«Швобода», иначе говоря? Это же несерьезно. – В корпусе – несерьезно [Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)].*

В этот период растет количество контекстов, где *иначе говоря* выделяется запятой или знаком тире, а также запятой, после которой следует знак тире (табл. 8).

Т а б л и ц а 6

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1900 по 1949 г. по данным НКРЯ

Частречная принадлежность словоформы <i>иначе говоря</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Дискурсивный маркер	547	99,6
Составная часть деепричастного оборота	2	0,4

Т а б л и ц а 7

Местоположение словоформы *иначе говоря* в составе предложения с 1900 по 1949 г. по данным НКРЯ

Местоположение словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
На первом месте в предложении	259	47,2
Посередине предложения	288	52,4
В конце предложения	2	0,4

Способы выделения словоформы *иначе говоря* с 1900 по 1949 г. по данным НКРЯ

Способы выделения словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется одной или двумя запятыми	436	79,4
После словоформы <i>иначе говоря</i> следует знак тире, перед которым стоит запятая	7	1,3
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит знак тире и после словоформы запятая	25	4,6
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит запятая и после словоформы знак тире	24	4,4
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется только знаком тире	12	2,2
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак двоеточия	33	6
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак многоточия	1	0,2
Словоформа <i>иначе говоря</i> не выделяется знаком препинания	11	2

В данном хронологическом срезе мы впервые встретили 3 способа выделения словоформы *иначе говоря*, которые до этого выявлены не были.

Первый выявленный способ выделения данной словоформы – это знак тире без использования знака запятой. Всего было выявлено 12 контекстов подобного рода, что составляет 2,2 % от всех найденных примеров:

(12) *Из чего автором делается вполне правильный вывод, что по своим формам создаваемые ребенком слова целиком совпадают с неологизмами русских писателей, «так как и те и другие пользуются одними и теми же морфологическими ресурсами русского языка» – иначе говоря одним и тем же «строй-материалом». А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. С. 466 [К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)].*

Второй вновь выявленный способ выделения словоформы – это знак двоеточия. Данный способ выделения словоформы *иначе говоря* был выявлен в 33 случаях, что составило 6 % от общего числа выявленных примеров:

(13) *Задавшись вопросом о том, что включает личность человека, У. Джемс отмечал, что личность человека составляет общая сумма всего того, что он может называть своим. Иначе говоря: человек есть то, что он имеет; его имущество составляет его сущность, его собственность поглощает его личность. В известном смысле и мы можем, конечно, сказать, что трудно провести грань между тем, что человек называет самим собой, и кое-чем из того, что он считает своим. То, что человек считает своим, в значительной мере определяет и то, чем он сам является [С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Части 4–5 (1940)].*

Еще один способ выделения словоформы *иначе говоря*, выявленный впервые на данном хронологическом срезе, – знак многоточия. Таким образом данная словоформа была выделена на письме лишь единожды, что составляет 0,2 % от общего числа выявленных примеров:

(14) – *Думать мы будем после. – Иначе говоря... [Я. Ларри. Страна счастливых (1931)].*

Также на данном хронологическом срезе нами были выявлены 11 случаев (2 %), когда словоформа *иначе говоря* не выделялась никакими знаками препинания на письме:

(15) *Борясь с природной склонностью к ямбу, я волочился за трехдольником; а затем уклонения от метра увлекли меня. То было время, когда автор «Хочу быть дерзким» пустил в обиход тот искусственный четырехстопный ямб, с наростом лишнего слога посередине строки (или иначе говоря двухстопное восьмистишие с женскими окончаниями кроме четвертой и последней строки, поданное в виде четверостишия), которым, кажется, так никогда и не написалось ни одно истинно поэтическое стихотворение. Я давал этому пляшущему горбуну нести закат или лодку и удивлялся, что тот гаснет, та не плывет. Легче обстояло дело с мечтательной запинкой блоковского ритма, однако, как только я начинал пользоваться им, незаметно вкрадывался в мой стих голубой паж, иннок или царица, как по ночам к антиквару Штольцу приходила за своей треуголкой тень Бонапарта [В. В. Набоков. Дар (1935–1937)].*

Таким образом, данный хронологический срез демонстрирует новые способы выделения словоформы *иначе говоря* на письме, что говорит о развитии данного дискурсивного маркера и приобретении им новых характеристик.

1950–1985 гг.

Относительная частота употребления словоформы очевидно в данном хронологическом срезе продолжает повышаться и составляет в среднем 9,68 вхождений на 1 миллион словоупотреблений, однако на данном этапе она использовалась только в качестве дискурсивного маркера. Данные о распределении слова *иначе говоря* по типам контекстов приведены в табл. 9.

Т а б л и ц а 9

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1950 по 1985 г. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы <i>иначе говоря</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Дискурсивный маркер	499	100

Дискурсивные употребления в большинстве случаев маркируются пунктуационно:

(16) *Эпилог... во внезапной вспышке сходятся не только прошлое и настоящее, но и будущее – ваша книга, то есть воспринимается весь круг времени целиком – иначе говоря, времени больше нет... В. Набоков. Искусство литературы и здравый смысл [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].*

В данном хронологическом срезе есть также ряд примеров, в которых *иначе говоря* не выделяется пунктуационно:

(17) *Но если по рациональной номенклатуре вещество <формула> считается производным этана, то по женеvской номенклатуре это соединение рассматривается как производное бутана. Иначе говоря «женеvское» название строится на основе названия наиболее длинной цепочки углеродных атомов: тривиальное название соответствующего углеводорода становится корнем слова – названия вещества. Далее эта «главная цепь» последовательно нумеруется: <формула> [В. Кулаков, В. Шклядов. Вещество, как тебя зовут? // Химия и жизнь (1965)].*

Данные о пунктуационных способах выделения словоформы *иначе говоря* представлены в табл. 10.

В данный период времени вновь наблюдается увеличение употребления словоформы *иначе говоря* в начале предложения и полное отсутствие контекстов, где данная словоформа употребляется в конце предложения (табл. 11).

1986–2019 гг.

Употребление *иначе говоря* с 1986 до 2019 г. возросло более чем в 2 раза, однако продолжает возрастать количество контекстов с дискурсивным употреблением.

В табл. 12 представлены данные о распределении контекстов по четырем группам в соответствии с синтаксической ролью словоформы *иначе говоря* и ее частеречной принадлежностью.

Данные в таблице отражают дальнейшее увеличение контекстов, в которых *иначе говоря* используется как дискурсивный маркер. В таких контекстах *иначе говоря* чаще всего выделяется запятыми:

(18) *У него нет тех связей в Москве, какие имел Валентин Цветков, но они, я уверен, наладятся.*

Т а б л и ц а 10

Способы выделения словоформы *иначе говоря* в составе предложения с 1950 по 1985 г. по данным НКРЯ

Способы выделения словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется одной или двумя запятыми	422	84,6
После словоформы <i>иначе говоря</i> следует знак тире, перед которым стоит запятая	3	0,6
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит знак тире и после словоформы запятая	24	4,8
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит запятая и после словоформы знак тире	19	3,8
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется только знаком тире	16	3,2
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак двоеточия	5	1
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак многоточия	1	0,2
Словоформа <i>иначе говоря</i> не выделяется знаком препинания	9	1,8

Т а б л и ц а 11

Местоположение словоформы *иначе говоря* с 1950 по 1985 г. по данным НКРЯ

Местоположение словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
На первом месте в предложении	325	65,1
В середине предложения	174	34,9
В конце предложения	–	–

Употребление словоформы *иначе говоря* с 1986 по 2019 г. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы <i>иначе говоря</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Дискурсивный маркер	1024	99,51
Составная часть деепричастного оборота	2	0,19
Подлежащее	1	0,09
Предикатив	1	0,09

Иначе говоря, потенциал у него есть, а это для области – самое главное. Александр ГРАДОВ [Александр Градов. «Медведи» залили партийный фундамент // Аргументы и факты. 2003.01.22].

Отличительной чертой данного этапа является употребление *иначе говоря* в роли подлежащего и предиката. Доля данного употребления мала, всего по одному контексту, но факт самого появления нового употребления говорит о развитии *иначе говоря* и приобретении им новых функций.

И предикативное, и подлежащее употребление *иначе говоря* приходится на произведение «Язык философии» В. В. Библихина:

(19) Подыскание слова для мысли оказывается уже вторичным поступком, пересказом, переводом неслышного смысла. Слышимая речь – это всегда уже некое *«иначе говоря»*. *«Иначе говоря»* направлено в две стороны, не только к тому, как я, *иначе говоря*, переизложу свою мысль, которая с самого начала была смыслом, т. е. словом в своей основе, но и к самой первичной мысли [В. В. Библихин. Язык философии (1993)].

В первом примере *иначе говоря* выполняет роль сказуемого, во втором – подлежащего.

В данный период времени наблюдается закрепление *иначе говоря* на первой позиции в предложении (680 контекстов) и значительно меньшее количество контекстов, где данный дискурсивный маркер находится в середине предложения (343 контекста). Однако на этот период приходится самое большое количество контекстов, где *иначе говоря* занимает последнюю позицию в предложении – 6 контекстов:

(20) Другими словами, – терпеливо, но уже со скукой закончил парень, – законы там тюремные. Камерные, *иначе говоря*. – Понял, – кивнул Паф-

нущев и замолчал. С каждым поворотом дороги дома становились все ниже, дорога хуже, прохожие вскоре вообще исчезли [Виктор Пронин. Банда 8 (2005)].

(21) И в то время, когда я жил, во время моей молодости, все, кто владел Россией (в славянских языках власть и владеть – одного корня), имели нефть. Сидели на трубе, *иначе говоря*. Ну, начиналось, правда, перед войной какое-то движение, чтобы от той трубы отвязаться, да только не успели мы немного. Чутку не успели [Ксения Букуша. Inside Out (Наизнанку) (2005)].

Все контексты приходятся на долю различных авторов, а следовательно, говорить о данном употреблении как о стиле писателя не приходится. Данные о местоположении *иначе говоря* в структуре предложения приводятся в табл. 13.

Как и в случае с местоположением *иначе говоря* в структуре предложения, способы его выделения пунктуационно также склонны к неизменности, т. е. дискурсивный маркер чаще всего выделяется запятой (887 контекстов, что составляет 86,2 % от общего числа примеров) и реже всего выделяется знаком многоточия. Однако впервые нами был выявлен документ, где *иначе говоря* взято в кавычки в трех контекстах (В. В. Библихин «Язык философии», 1993).

Данный документ уже нами упоминался, так как автор впервые наделил *иначе говоря* новой функцией подлежащего и предиката. А исходя из того, что В. В. Библихин выделил данный дискурсивный маркер не выявленным ранее способом пунктуации, то мы можем говорить о личном стиле автора. Данные о способах выделения *иначе говоря* на письме представлены в табл. 14.

Местоположение словоформы *иначе говоря* в составе предложения с 1986 по 2019 г. по данным НКРЯ

Местоположение словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
На первом месте в предложении	680	66,1
Посередине предложения	342	33,3
В конце предложения	6	0,6

Способы выделения словоформы *иначе говоря* с 1986 по 2019 г. по данным НКРЯ

Способы выделения словоформы <i>иначе говоря</i> в составе предложения	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется одной или двумя запятыми	887	86,2
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак тире, перед которым следует запятая	5	0,5
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит знак тире и после словоформы запятая	40	3,9
Перед словоформой <i>иначе говоря</i> стоит запятая и после словоформы знак тире	49	4,8
Словоформа <i>иначе говоря</i> выделяется только знаком тире	22	2,1
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак двоеточия	9	0,9
После словоформы <i>иначе говоря</i> стоит знак многоточия	1	0,1
Словоформа <i>иначе говоря</i> взята в кавычки	3	0,3
Словоформа <i>иначе говоря</i> не выделяется знаком препинания	12	1,2

Таким образом, с начала XVIII столетия словоформа *иначе говоря* сохранила употребление в двух типах контекстов: как дискурсивный маркер, функционирующий как вводное слово, и как составная часть деепричастного оборота. Основным осталось дискурсивное употребление. Однако в период 1986–2019 гг. данное дискурсивное слово приобрело два новых употребления – подлежащее и предикатив, что говорит о его развитии и приобретении новых функций и употреблений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 447 с.
2. Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers // *Approaches to Discourse Particles* / ed. by K. Fisher. Amsterdam : Elsevier, 2006. Pp. 189–204.
3. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 364 p.
4. Шилихина К. М. Дискурсивные слова как маркеры иронии // *Язык, коммуникация и социальная среда*. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2013. Вып. 11. С. 103–124.
5. Jespersen O. *Negation in English and Other Languages*. Kobenhavn : A. F. Host & Son, 1917.
6. Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers. A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh : EUP, 2013.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/73922>
8. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. URL: http://www.rosental-book.ru/punct_xxvi.html#sect99
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
10. Смирнова В. В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семан-

тикой зрительного восприятия : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2018.

REFERENCES

1. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisania* [Discourse words of the Russian language: an attempt at contextual and semantic description]. Ed. by K. Kiseleva and D. Paillard. Moscow: Metatekst, 1998. 447 p.
2. Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers. In *Approaches to Discourse Particles*. Ed. By K. Fisher. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 189–204.
3. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 364 p.
4. Shilikhina K. M. Diskursivnye slova kak markery ironii [Discourse words as markers of irony]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda* [Languages, communication and social environment]. Issue 11. Voronezh: Nauka-Unipress, 2013. Pp. 103–124.
5. Jespersen O. *Negation in English and Other Languages*. Kobenhavn: A. F. Host & Son, 1917.
6. Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers. A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: EUP, 2013.
7. Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/73922>
8. Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniju i stilistike* [Handbook of orthography and stylistics]. Available at: http://www.rosental-book.ru/punct_xxvi.html#sect99
9. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>
10. Smirnova V. V. *Formirovanie diskursivnykh markerov problemnoj dostovernosti s iskhodnoj semantikoj zritel'nogo vosprijatija* [Formation of the discourse markers with epistemic meaning]. Diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2018.

Воронежский государственный университет
Ткач И. А., аспирант кафедры теоретической и
прикладной лингвистики
E-mail: tkach.irina@list.ru

Voronezh State University
Tkach I. A., Post-graduate Student of the Theoretical
and Applied Linguistics Department
E-mail: tkach.irina@list.ru

Поступила в редакцию 23 ноября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Received: 23 November 2019
Accepted: 27 December 2019

Для цитирования:

Ткач И. А. Историческая динамика семантики дискурсивного маркера (на примере маркера *иначе говоря*) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2727>

For citation:

Tkach I. A. Historical dynamics of meaning of a discourse marker (case study of the marker *inache govorya / in other words*). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2727>

УДК 81-23

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2728>

**ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ
ПРИ ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

О. А. Дмитриева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Н. А. Ванюшина

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

**HEURISTIC POTENTIAL OF PROVERBS
IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD DESCRIPTION
(BASED ON THE DATA FROM THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)**

O. A. Dmitrieva

Volgograd State Socio-Pedagogical University

N. A. Vanyushina

Pushkin State Russian Language Institute

Аннотация: в статье рассматривается языковая картина мира в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале паремиологического фонда русского и немецкого языков. Выбор материала анализа обусловлен способностью паремий отражать стереотипы сознания конкретного народа, образцы, нормы поведения, а также нравственные ценности. Описываемые единицы несут большую смысловую нагрузку, четко показывая доминанты культуры. Являясь проявлением аккумулятивной функции языка, пословицы обобщают многовековой жизненный опыт отдельно взятого народа и формируют правила жизни и поведения, паремии имеют эвристичную функцию при описании языковой картины мира конкретной нации. Эмпирическую базу составляют данные, полученные методом сплошной выборки, и лексико-семантический анализ представленных единиц. Рассматриваются единицы, представляющие «бедность» и «богатство» как абсолютные противоположности, описывающие жизненные условия людей двух групп, внешний вид, безнаказанность богатых и их несправедливость по отношению к бедным. Говоря о личностных качествах, русские народные изречения подчеркивают находчивость и живость ума бедных людей. В немецких пословицах богатые характеризуются как весьма глупые люди. Результатами работы служат выводы о том, что русской ментальности важны духовные ценности, неисчисляемые в денежном эквиваленте. Так, на первый план выходят дружба, любовь, счастье, честность и возможность жить, а материальные блага – на второй. Наделение бедняков исключительно положительными качествами определяет тот факт, что к таким людям на Руси всегда относились с жалостью и пониманием. Немецкая лингвокультура оценивает отсутствие денег негативно, резко осуждается и расточительность. Большим уважением пользуется не богатство как конечный результат, а сам процесс, умение его зарабатывать и приумножать.

Ключевые слова: паремиология, языковая картина мира, культурный код нации, язык, культура, компаративная лингвистика.

© Дмитриева О. А., Ванюшина Н. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract: *the article deals with the linguistic picture of the world in a comparative aspect on the material of the paremiological fund of Russian and German languages. The choice of material for the analysis is due to the ability of proverbs to reflect the stereotypes of the consciousness of a particular people, patterns, norms of behavior, as well as moral values. The described units carry a large semantic load, clearly showing the dominant culture. As a manifestation of the accumulative function of language, proverbs summarize the centuries-old life experience of a particular nation and form the life and behavior rules, proverbs have a heuristic function in describing the linguistic picture of the world of a particular nation. The empirical base consists of data obtained by continuous sampling and lexical-semantic analysis of the presented units. The units representing "poverty" and "wealth" are considered as absolute opposites, describing the living conditions of people of the two groups, appearance, impunity of the rich and their injustice towards the poor. Speaking about personal qualities, Russian folk sayings emphasize the resourcefulness and vivacity of the mind of poor people. In German proverbs rich people are characterized as very stupid one. The results of the work are the conclusions that for the Russian mentality spiritual values are important, incalculable in monetary terms. Thus, friendship, love, happiness, honesty and the opportunity to live come to the fore, and material goods come to the second. Giving the poor exclusively positive qualities determines the fact that such people in Russia have always been treated with pity and understanding. German linguistic culture evaluates the lack of money negatively, sharply condemned and wastefulness. Great respect is not wealth as a final result, but the process itself, the ability to earn it and multiply.*

Key words: *paremiology, linguistic picture of the world, national cultural code, language, culture, comparative linguistics.*

Современная наука характеризуется стремлением к межпредметности, наличие междисциплинарных связей выходит на первый план, предлагая исследователям-филологам возможность не ограничиваться рассмотрением лишь системы языка. Углубление и расширение связей с различными областями гуманитарного знания открывает новые перспективы для расширения области исследования традиционных объектов, открывая новые грани рассматриваемых ранее феноменов. Описание вопроса соотношения языка и культуры, основы которого были заложены еще в трудах В. Гумбольдта, Л. Вайсгерберера и А. А. Потемнина, еще раз доказывает взаимозависимость этих понятий. Будучи культурным кодом нации, язык находится как бы между субъектом и объектом познания, аккумулируя в себе многовековую мудрость, формируя языковую картину мира отдельно взятого народа. В этой связи особый интерес представляет рассмотрение и сравнительный анализ паремиологического фонда двух и более культур с целью выявления общих и различных черт, поскольку изучение другого языка позволяет четче увидеть многогранность собственного.

В качестве эмпирической базы исследования выступают, в данном случае, единицы паремиологического фонда немецкого и русского языков, полученные методом сплошной выборки. Применяемые элементы компонентного и дистрибутивного анализа позволяют описать содержательную сторону единиц языка. Используя общенаучные методы анализа и обобщения, мы приходим к выводам, представленным в конце статьи. Поскольку исследование выполняется в рамках компаративного направления в лингвистике, применяемый сопоставительный метод дает возможность установить как отличительные особенности, так и общие черты в репрезентации

бинома «богатство-бедность» в немецком и русском языках.

Рассмотрение паремий в качестве одной из составляющих или даже некоей базы языковой картины мира легко объяснимо ввиду того, что пословично-поговорочный фонд языка отражает стереотипы сознания конкретного народа; образцы, нормы поведения, а также нравственные ценности находят эксплицитное выражение в данных единицах. Имея большую смысловую нагрузку, пословицы и поговорки отличаются лаконичностью и свойственны разговорному языку. Таким образом, обобщая огромный опыт народа, формируя правила жизни и поведения, паремии несут эвристическую функцию для рассмотрения языковой картины мира отдельно взятой нации. Наиболее ярко прослеживается и система ценностей социума, выявляя специфику мировоззрения; паремиологические единицы представляют богатейший фактический материал для исследования.

Работа по описанию оппозиционно представленных лексем «богатство» и «бедность» на материале пословично-поговорочного фонда немецкого и русского языков в сравнительном аспекте имеет целью выявление наиболее ярких характеристик языковых картин мира заявленных социумов. Выбор данного противопоставления обусловлен его универсальной ценностью для каждого народа, поскольку данные характеристики встречаются повсеместно на протяжении многовековой истории человечества. Вопросы богатства, материального достатка и бедности, равно как и проблемы социальной справедливости при распределении материальных благ, были и остаются актуальными во все времена. Материальный достаток почти всегда считался индикатором состоятельности, успешности индивида в социуме [1]. Так, в «Меморабилиях Ксенофонта» есть целая глава, где Сократ

убеждает свободных людей, не имеющих достаточно средств для существования, добывать их трудом [2, с. 169]. Следовательно, труд был возможностью достичь определенного уровня благосостояния, к которому традиционно стремились люди. Что же касается современной ситуации, то, как отмечает Э. Тоффлер, «сила, богатство и знание, примененные должным образом, могут дать одной команде чрезвычайно много дополнительных источников власти. Следовательно, какие бы инструменты власти не эксплуатировались правящей элитой <...>, сила, богатство и знание остаются ее основными рычагами. Они образуют триаду власти» [3, с. 146].

В ходе работы по отбору эмпирического материала для проведения исследования нами были выделены и проанализированы следующие единицы. Ядро противопоставления «богатый-бедный» представляют следующие пословицы, основанные на абсолютной противоположности: **Бедный** вздохнет, **богатый** всхочет; **Богатому** не жаль корабля, а **бедному** жаль кошель; **К богатому** – за мукой, а **к бедному** – за золой; **В драке богатый** лицо бережет, а **убогий** – кафтан; **Dem Armen fehlt Brot, dem Reichen Appetit** (У бедного нет хлеба, у богатого аппетита); **Armut macht die Erfindungen, Reichtum benutzt sie** (Бедность совершает открытия, богатство использует их); **Die Sonne scheint den Armen wie den Reichen** (Солнце светит бедным и богатым одинаково); **Wer nicht rechnen kann, wird nicht reich, wer gut rechnen kann, wird nicht arm** (Кто не умеет считать, тот не станет богатым; кто умеет хорошо считать, тот не будет бедным).

В первую очередь остановимся на пословицах, описывающих жизненные условия людей, которые принадлежат к различным слоям общества: **Богатому рай, а бедному ад**. Сюда относятся их гастрономические предпочтения. Богатым доступны кулинарные изыски, а бедные будут рады даже самой простой пище, например хлебу, так как часто они остаются голодными из-за отсутствия денежных средств. Представленные ниже паремические единицы построены на противопоставлении «сытый – голодный»: **Дожили до клюки, что ни хлеба, ни муки; На одно солнышко глядим, да не одно едим; Никто не ведает, как бедный обедает; Нечего хлебать, дай хоть ложку полизать; Einer hat das Brot und der andere den Hunger** (У одних есть хлеб, у других голод); **Wenn die Maus satt ist, schmeckt das Mehl bitter** (Сытую мышь мукой не соблазнишь); **Die fettesten Träume machen nicht satt** (Самые жирные мечты не делают сытым); **In der Not schmeckt jedes Brot** (В нужде по вкусу любой хлеб); **Der Satte weiß nicht, wie dem Hungrigen zumute ist** (Сытый не знает, как чувствует себя голодный). Для усиления значения в одной из пословиц, где лексема «сытый человек» заменяется лексемой «сытый желу-

док», т. е. используется такой прием переноса значения, как синекдоха: **Ein voller Magen weiß nicht, was Hunger ist** (Сытый (полный) желудок не знает, что существует голод); **Голодному** вздыхается, а **сытому** отрыгается. Необходимо уточнить, что быть богатым и им казаться – совершенно разные понятия. Некоторых людей не покидает огромное желание стать одним из членов высшего общества, поэтому они тратят все свои средства на презентабельный костюм и прочее, а затем появляются на светских раутах с пустым желудком: **В людях форсит, а дома без соли сидит**.

Пословицы красноречиво говорят о внешнем виде богатых и бедных: **В добром житье краснеют, в худом бледнеют; Богатый носит что хочет, а убогий – что может**. Важной составляющей жизни является здоровье, которое ценится больше, чем богатство: **Lieber arm und gesund, als reich und krank** (Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным). Бедные люди отличаются крепким здоровьем: **Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут; Arm oder reich, der Tod macht alles gleich** (Богатый или бедный: для смерти все равны).

Бедные люди вынуждены подчиняться богатым, чтобы заработать на пропитание: **Armut ist des Reichen Kuh** (Бедность – корова богатства); **Reiche steckt man in die Tasche, Arme setzt man in die Asche** (Богатому кладут в суму, бедного саждают в золу). Под сомнение ставится возможность заработать много денег честным трудом: **Лучше бедность, да честность, чем прибыль, да стыд; Dem Reichen wiegt der Teufel die Kinder** (Черт баюкает детей богатого); **Ein ehrlicher Pfennig ist besser als ein gestohlener Taler** (Честный пфенниг лучше, чем украденный талер); **Besser arm in Ehren als reich in Schanden** (Лучше бедный в чести, чем богатый в долгах). Некоторые просто женятся/выходят замуж по расчету, не прилагая никаких усилий к заработку капитала: **Женаты – богаты, холосты – бедны**.

Ряд немецких пословиц свидетельствует о безнаказанности богатых и их несправедливости по отношению к бедным: **Reichen gibt man, Armen nimmt man** (Богатому дают, у бедного отнимают); **Wenn die Reichen bauen, haben die Armen zu tun** (Если богатые строят, то у бедных много дел); **Wenn sich die Könige raufen, müssen die Bauern Haare lassen** (Если короли бранятся, крестьяне должны рвать волосы); **Hat der Herr den Schnupfen, so niesen die Knechte** (У господина насморк, так чихают слуги); **Was die Herren einbrocken, müssen die Bauern aussessen** (То, что заварили господа, должны расхлебывать крестьяне); **Der Reiche stiehlt, und der Arme wird gehängt** (Богатый ворует, а бедный будет повешен). Делаем вывод о том, что деньги и власть правят миром: **Lieber ein kleiner Herr als ein großer Knecht** (Лучше маленький госпо-

дин, чем большой слуга). В русском языке к группе людей, обладающих неприкосновенностью, относятся богатые и те, кто находятся в мире ином: *Мертвый да богатый не бывает виноватый*.

В русских народных изречениях ценятся личностные качества больше, чем благосостояние. Бедные люди отличаются находчивостью и живостью ума: *И бедно, да сбойливо; и богато, да рассыпчато; Был бы ум, будет и рубль; Не будет ума, не будет и рубля; Не бойся барина, а бойся слуги; Богатого провожают, чтоб не упал, а бедного – чтоб не украл; От нужды умнеют, от богатства жиреют*. В немецкой пословице богатые характеризуются как глупые: *Reich und dumm vertragen sich gut* (Богатые и глупые хорошо выносят друг друга) и высмеиваются в пословицах, так как они привыкли надеяться на работников и уже ничего не могут сделать самостоятельно: *Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил; Der Arme muß den Reichen erhalten* (Бедный должен обеспечивать богатого).

Пословицам свойственна яркая метафоричность, рассмотрим следующие примеры. Нами выделена зоосемантическая группа пословиц, носящая преимущественно отрицательную коннотацию по отношению к богатым людям. Богатый человек скрывается в образе большой рыбы, так как он обладает властью и силой, а маленькая рыба – бедный человек, который не может ничего возразить, так как не имеет денежного благополучия и статуса в обществе. Противопоставление основано на грамматическом контрасте прилагательных: *Большая рыба маленькую целиком глотает; Kleine Leute, große Herzen* (Маленькие люди имеют большие сердца). Следующая пословица этой группы показывает, что у богатых людей сложный характер и с ними тяжело найти общий язык: *Легче в пещере со змеей жить, чем с богатым дружить; Гусь свинье не товарищ, конный пешему не попутчик; Wer das Reiten gewohnt ist, dem wird das Gehen sauer* (Кто привык ездить верхом, будет недоволен ходьбой). Тяжело достигнуть благосостояния, но легко его лишиться: *Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет; В руках было, да через пальцы сплыло; Наживать долго, а прожить скоро; Heute Herr, morgen Knecht; Heute König, morgen wenig* (Сегодня господин, завтра слуга). К неограниченным возможностям и хорошим условиям люди быстро привыкают и забывают прошлую жизнь: *Бывало, песик кору жрал, а нынче моське сливки жидки; Был молод – сам знал голод, а отъелся и позабыл; Залез в богатство, забыл и братство*. В этом случае противопоставление строится на временном соотношении «было – ныне». Парадоксом является то, что даже самые большие богатства не могут удовлетворить жажду людей. Сколько бы они не имели, им всегда хочется получить еще больше. Это связано с алчно-

стью и постоянным ростом потребностей: *Einer hat zuviel, der andere zuwenig, aber keiner genug* (У одних слишком много, у других слишком мало, но всем недостаточно); *Der Milde gibt sich reich, der Geizige nimmt sich arm* (Добрый считает себя богатым, скупой – бедным); *Глаза завидуици, а руки загребуици*. Отсюда появляются проблемы, связанные с внутренним миром: *Je mehr Geld, desto mehr Sorgen* (Чем больше денег, тем больше хлопот). Возникает диссонанс между материальными и духовными ценностями: *В богатстве сыто брюхо, голодна душа*.

Народная мудрость содержит главную мысль: «Счастлив – не значит богат»: *Reichtum macht nicht glücklich* (Богатство не делает счастливым). Например, за деньги нельзя купить любовь: *Не богат дворянин, а едет не один; Были денежки – любили Сеню девушки, а не стало денежек – забыли Сеню девушки; С деньгами мил, без денег постыл; Быть богату, быть и рогаму; Liebe ist der größte Reichtum* (Любовь – самое большое богатство); широкую душу, свойственную русскому народу: *Не богато, да таровато (щедро, ловко) живет; большое любящее сердце: Reines Herz ist besser als Gold* (Чистое сердце лучше золота), радость: *Кто не богат, тот и копейке рад, а богатому – и тысяч мало; Богатство с деньгами, голь с весельем; ум: Карман толстой, да ум пустой; Умом туп, да кошель туг; и друзей: Der ist reich, der Freunde hat* (Богат тот, у кого есть друзья); *Кто богат, тот нам не брат*. Но в немецкой лингвокультуре ставят под сомнение данное русское мнение. Любопытный бедный человек будет рад знакомству и дружбе с богатым: *Wer den Pfennig anklopft, ruft jedermann herein* (Кто постучится с пфеннигом, тому всякий откроет). Жизнь коротка и бесценна, поэтому нужно радоваться каждому дню, а не ставить цель заработать много денег, так как, следуя народным воззрениям русских, они не понадобятся человеку в мире ином: *В гроб смотрит, а деньги копит*. В философском смысле человек, который ни в чем не нуждается в материальном смысле, является богатым духовно: *Wem nichts mangelt, der ist reich* (Кто ни в чем не нуждается, тот богат).

Однако здесь мы находим пословицы, опровергающие данный факт. Богатые люди влиятельны и высокое положение значительно облегчает решение проблем при жизни: *Золото не говорит, да много творит; Быть было беде, да деньги на бедре*. Без сомнения такой выход из положения противоречит нормам морали: *Где говорят деньги, там молчит совесть; Не пустишь душу в ад, не будешь богат; От трудов праведных не наживешь палат каменных; Богатый врет – никто его не уймет*. Бедным же людям приходится много трудиться: *Wer kein Geld hat, der zahlt mit der Haut* (букв. У кого нет денег, тот платит своей кожей); *Des Fleißigen Hand macht reich*

(Прилежной рукой создается богатство); *Wer viel haben will, der muss viel wagen* (Кто хочет много иметь, должен много трудиться), поэтому в их жизни присутствует мало счастливых моментов: *Arme Leute haben wenig Freude* (Бедные люди имеют мало радости) [4].

Рассматриваемое сочетание имплицитно связано с концептом «деньги». Значительное место в паремиологическом фонде немецкого языка занимают единицы, интерпретирующие способы обращения с деньгами. Такие черты характера, как экономность и терпение, позволяют заработать капитал: *Mann muss mit Pfennigen anfangen, wo man mit Talern aufhören will* (Нужно начинать с пфеннигов там, где хотят закончить с талерами); *Ein täglicher Pfennig gibt einen jährlichen Taler* (Ежедневный пфенниг приносит годовой талер); *Viele Pfennige machen einen Taler* (Много пфеннигов приносят талер); *Wer einen Pfennig findet, hat für einen Taler Freude* (Кто найдет пфенниг, радуется талеру). Немаловажным фактором у немцев считается бережливость: *Wer Pfennige zählt, wird auch Taler zählen* (Кто считает пфенниги, тот будет также считать талеры); *Wer den Pfennig nicht spart, kommt nicht zum Groschen* (Кто не копит пфенниги, тот не заработает грош). Русские соглашались с ними, когда используют поговорку «Деньги любят счет». Жадность заставляет человека терпеть убытки: *Mancher geizt um Pfennige und wirft Taler weg* (Скупой платит дважды). В немецкой лингвокультуре замечают, что люди, высказывающие недовольство в адрес обеспеченных людей, скорее всего, сами ничего не имеют за душой и питают к ним чувство зависти: *Wer keine Pfennige hat, lästert die Dukaten* (Тот, кто не имеет пфеннигов, ругает дукаты); *Dicktum (Großtun) ist mein Reichtum, drei Pfennige mein Vermögen* (Полнота – мое богатство, три пфеннига – мое имущество); *Prahlen ist mein Reichtum, Nichtshaben mein Vetter* (Хвастовство – мое богатство, неимение, мой двоюродный брат).

Таким образом, в ходе анализа пословично-поговорочного фонда описываемых языков были выявлены различия, касающиеся отношения к богатству и бедности. Как отмечается в статье Е. В. Бобыревой и О. А. Дмитриевой, современные процессы глобализации способствуют нивелированию национальных различий, взаимопроникновение культур и формирование единого унифицированного базиса стирают отличия, национальная идентичность уходит на второй план [5]. Однако, основываясь на полученных результатах и опираясь на тот факт, что общечеловеческие ценности имеют этническое содержание, мы можем говорить о языковых картинах мира и системе ценностей, так ярко представленных. В русской лингвокультуре большее значение приобретают духовные ценности, неисчислимы в денежных знаках, к которым относятся дружба, любовь, счастье, честность и возможность жить, а материальные блага находятся на

втором плане. Отсюда богатые люди характеризуются с отрицательной стороны за отсутствие ума и неумение трудиться. К бедным людям в России всегда относились с жалостью и пониманием, поэтому в пословицах они наделяются положительными качествами. В немецкой лингвокультуре отсутствие денег оценивается негативно, а также резко осуждается расточительность. Немцы уважают не богатство как конечный результат, а сам процесс, умение его зарабатывать и приумножать. Но в русской лингвокультуре на протяжении долгого времени богатство не связывалось с упорным трудом и накоплением. Такому становлению представлений способствовало древнее понимание неисчерпаемости ресурсов – национального богатства России. В обеих лингвокультурах отрицательно оценивается стремление к лучшей жизни любой ценой посредством обмана и унижения окружающих людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванюшина Н. А. Эвфемизмы в современном немецком языке // Грани познания. 2017. № 6. С. 42–44.
2. Гиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск : Русич, 2002. 624 с.
3. Ванюшина Н. А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных российских и немецких печатных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 231 с.
4. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность : культурные концепты : сб. науч. трудов. Волгоград ; Архангельск : Перемея, 1996. С. 67–74.
5. Dmitrieva O. A., Bobyreva E. V. Place of Family and Family Values in Worldbasic Religions (Christianity, Islam, Buddhism) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. V. 198. Pp. 19–22.

REFERENCES

1. Vanyushina N. A. Ehvfeimizmy v sovremennom nemetskom [Euphemisms in modern German]. *Grani poznaniya*. 2017. № 6.
2. Giro P. Byt i navy drevnikh grekov [Life and customs of the ancient Greeks]. Smolensk: Rusich, 2002. 624 s.
3. Vanyushina N. A. *Semanticheskaya i pragmaticheskaya kharakteristiki ehvfeimizmov v sovremennykh rossijskikh i nemetskikh pechatnykh SMI* [Semantic and pragmatic characteristics of euphemisms in modern Russian and German print media]. diss. na soisk. uch. stepeni kand. filol. Nauk. Volgograd, 2011.
4. Dmitrieva O. A. Ob ehtnokul'trunoj spetsifike poslovits i aforizmov [About the ethnic and cultural specificity of Proverbs and aphorisms]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sb. nauch. tr.* Volgograd-Arkhangelsk: Peremeia, 1996. Pp. 67–74.
5. Dmitrieva O. A., Bobyreva E. V. Place of Family and Family Values in Worldbasic Religions (Christianity, Islam, Buddhism) // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2018. V. 198. Pp. 19–22.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Дмитриева О. А., профессор кафедры русского языка как иностранного

E-mail: dmoa@yandex.ru

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

Ванюшина Н. А., доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов

E-mail: wanjuschina@yandex.ru

Поступила в редакцию 4 октября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Дмитриева О. А., Ванюшина Н. А. Эвристический потенциал паремий при описании языковой картины мира (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2728>

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Dmitrieva O. A., Professor of Russian as a Foreign Language Department

E-mail: dmoa@yandex.ru

Pushkin State Russian Language Institute

Vanyushina N. A., Associate Professor of the Internship for Foreign Specialists Department

E-mail: wanjuschina@yandex.ru

Received: 4 October 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Dmitrieva O. A., Vanyushina N. A. Heuristic potential of proverbs in the linguistic picture of the world description (based on the data from the Russian and German languages) *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2728>

СОХРАНЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

И. Н. Яковлева, В. С. Колесникова
Воронежский государственный университет

MAINTAINING EXPRESSIVENESS OF METAPHORS WHEN TRANSLATING POPULAR-SCIENTIFIC TEXT

I. N. Yakovleva, V. S. Kolesnikova
Voronezh State University

Аннотация: многочисленные труды, посвященные метафоре, преимущественно представляют собой аспектное описание феномена и не предлагают единого решения вопроса о ее происхождении и природе, а также, что более значимо для переводчика, наиболее эффективных способах перевода метафор с точки зрения сохранения их экспрессивности с учетом особенностей функционирования различных типов метафор в рамках научно-популярного текста, что обуславливает актуальность настоящего исследования. В статье определяется место научно-популярного текста в системе функциональных стилей и выделяются его значимые характеристики, необходимые для грамотного подбора текстов для анализа и формирования более полного представления о функциях метафор в рамках текстов данного типа. Также в статье рассматриваются возможные переводческие решения и трансформации и дается оценка их эффективности с точки зрения сохранения экспрессивности при переводе метафор в научно-популярных текстах с английского языка на русский, и наоборот. Результаты настоящего исследования могут лечь в основу теоретических работ, посвященных анализу состава метафор научно-популярного текста и анализу стратегий их перевода в научно-популярном подстиле. Выводы, сделанные в результате анализа многочисленных текстов и метафорических употреблений, могут помочь практикующим переводчикам избежать случаев нежелательного изменения экспрессивности в тексте перевода по сравнению с оригиналом и выбрать предпочтительные стратегии передачи метафор в научно-популярном тексте.

Ключевые слова: метафора, научно-популярный, перевод, трансформация, экспрессивность.

Abstract: numerous works on metaphor mostly describe different aspects of the phenomenon rather than give answers about its origin or, which is more important for a translator, effective translation techniques necessary to maintain the level of expressiveness of different types of metaphors in a popular-scientific text. All the above determines the topicality of this research. The article specifies the place of a popular-scientific text among other types of texts, which is crucial for the selection of practical material and understanding of the functions of metaphors in this type of text. Also, the article focuses on possible translator choices and translation techniques which are assessed in the context of maintaining of expressiveness of metaphors translated both from English into Russian and from Russian into English. The results of this research can be used for the analyses of metaphors and their translations in a popular-scientific text. The arguments and findings can help translators avoid unnecessary lowering of the level of expressiveness.

Key words: metaphor, popular-scientific, translation, translation technique, expressiveness.

«Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой предлагает определение, согласно которому «метафора (от греч. *metaphora* –

перенос) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или

наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 296]. Отмечается, что в самом широком понимании термин применяется для описания любого употребления слова в непрямом значении. Метафора характеризуется семантической двойственностью, что выражается в ассоциативной связи двух категорий объектов, не допускающей рассмотрение метафоры изолированно от определяемого [1, с. 296].

Ряд языковедов и литературоведов признают метафору стилистическим явлением, характерным для текстов художественных произведений и выполняющим преимущественно эстетическую функцию, и предлагают упрощенное определение метафоры, сводимое к понятию «скрытого сравнения» (М. Блэр, Дж. Рэнсом). Большая часть лингвистов относит ее к языковым явлениям (В. Н. Телия, Г. Н. Скляревская), однако все большее распространение получает точка зрения, представители которой причисляют метафору к механизмам сознания (Э. Маккормак, А. Ортони, Дж. Лакофф и М. Джонсон).

Выступая образной фигурой речи, метафора обогащает речь и добавляет ей выразительности, однако последние исследования из области когнитивистики доказывают, что наряду с признанием ее эстетической ценности, метафору следует рассматривать на более глубоком уровне и отнести к способам познания мира, и хотя метафора традиционно рассматривается в художественном тексте, нельзя игнорировать факт ее проникновения во все сферы человеческой деятельности, в частности в развивающийся в русском языке под сильным влиянием английского научно-популярный дискурс, который характеризуется особой метафоричностью.

Начало изучения научно-популярного текста было положено еще в XIX в. Д. И. Писаревым, который разработал принципы изложения данного стиля [2, с. 180–185].

Некоторые стилисты (Н. Н. Маевский, Г. А. Васюченко, М. К. Милых, Н. Я. Сердобинцев и др.) выделяют самостоятельный научно-популярный стиль, указывая на обилие научно-популярных публикаций и важность выполняемых ими функций, а также на складывание особого типа изложения, обусловленного особым отбором лексических и синтаксических средств [3], однако данная точка зрения получает меньшее распространение, чем признание научно-популярного текста вариантной разновидностью, или подстилем, научного стиля (М. Н. Кожина, И. Р. Гальперин, Р. А. Будагов, Т. А. Тимофеева, М. П. Сенкевич, Л. А. Баташева и др.) [2]. В то же время Н. М. Разинкина относит научно-популярную литературу к «межстилевому жанру» [4, с. 41].

Признать научный и научно-популярный тексты находящимся в родо-видовых отношениях позволяет наличие общей коммуникативной установки – передачи некоторого научного знания, при одновременном различии частных коммуникативных задач (передача научного знания специалисту для научного текста и передача научного знания неспециалисту в доступной форме – для научно-популярного), а также сфер функционирования таких текстов [2]. При популяризации научных текстов такие признаки научного стиля, как безличный, объективный и безэмоциональный характер сообщения, становятся вторичными [5, с. 7], однако не исчезают полностью, проявляясь на уровне лексики и синтаксиса. При этом в научно-популярных текстах ярче проявляется диалогичный характер изложения, так как очевидна установка на ответную реакцию читателя [2].

Согласно Т. И. Уткиной, становление научно-популярного дискурса определяется использованием следующих разнонаправленных когнитивно-коммуникативных стратегий: генерализации (предполагающей редукцию содержания, тематическое ограничение, а также снижение информационной плотности) и конкретизации (включающей в себя усложнение синтаксиса, усиление модальности изложения, создание образности и экспрессивности и персонификации) [6].

Лексическое наполнение текста данного типа, наряду с общеупотребительной и разговорной лексикой, содержит компоненты, присущие собственно научному стилю: общенаучную лексику, доля которой в сравнении с терминологией значительно выше, чем в научном тексте, а также термины, чаще общеупотребительные, а не узкоспециализированные, функционирование которых, однако, в результате адаптации несколько отличается от их функционирования в собственно научном тексте: стилистически нейтральный термин может приобретать в научно-популярном изложении эмоциональную окраску [5, с. 7], а наряду с принятыми в науке дефинициями типа «родовой признак» + «видовое отличие», в научно-популярной речи широкое распространение получили такие способы введения терминов, как краткая расшифровка их значения в скобках или сносках, разъяснение с помощью описательных оборотов, а также широкое использование примеров, сравнений и образных средств [2]. Согласно исследованиям в области современного научно-популярного стиля, необходимость в расширении читательской аудитории предполагает усиление экспрессивности текста с целью сделать его более увлекательным, что предполагает упрощение доказательной части и научного языка в зависимости от уровня подготовленности аудитории, а также широкое использование эпитетов, метафор, метонимий, олицетворений, гипербол, аллюзий и

сравнений [7]. Отдельной значимостью среди средств образности, используемых в текстах научно-популярного подстиля, обладают метафоры.

Метафоричность является одной из отличительных черт научно-популярного подстиля. При этом функции метафор не ограничиваются созданием увлекательного художественного повествования, а преимущественно подчиняются необходимости проиллюстрировать описываемое явление, что перекликается с основной функцией метафоры вообще – когнитивной функцией.

Использование метафорических выражений способствует становлению и обогащению научно-популярного подстиля, однако справедливо и обратное – ряд метафор создается непосредственно в рамках научно-популярного текста, что обогащает «метафорическую символику» языка в целом [3].

Основным источником образности научно-популярного текста являются общеязыковые, или стертые, метафоры (например, *поток, волна, колыбель*) [3]. Именно они формируют иллюстративную основу, применяясь преимущественно для объяснения, уточнения научного знания или проведения аналогии с другим.

Т. И. Уткина отмечает значимость функций метафор, соотносимых со стратегиями популяризации, в число которых включаются функции *категоризации, контаминации, концептуализации, персонификации*, а также *положительного информирования* [6]. На основании классификации В. К. Харченко к основным функциям метафоры в данном типе текста относятся *объяснительная, эвристическая и мнемоническая* [8].

Метафора, являясь многоаспектным феноменом и выступая средством индивидуальной авторской оценки, представляет собой особую трудность для перевода.

Проблема перевода метафоры в различных типах текста занимает значимое место в трудах видных отечественных и зарубежных переводоведов (И. Р. Гальперин, В. Н. Вовк, В. Н. Комиссаров, Т. Р. Левицкая, П. Ньюмарк и др.).

Нами был проведен анализ метафорических употреблений на материале переводных научно-популярных статей с английского языка на русский и с русского на английский. Интерес в рамках исследования представляли переводческие стратегии, применяемые при передаче метафор на другой язык, а также их эффективность с точки зрения сохранения образа, лежащего в основе переноса, и экспрессивности выражения в целом.

В ходе работы над теоретическим и практическим материалом сложилась *гипотеза*, согласно которой метафоры в научно-популярных произведениях, написанных в оригинале на английском языке, обладают большей экспрессивностью, чем тексты на рус-

ском языке, вследствие чего ожидается, что при переводе научно-популярных статей частотны случаи снижения экспрессивности.

Общий объем проанализированных метафорических употреблений составил 650 метафор в оригинальных и переводных текстах научно-популярных статей различной тематической направленности на английском и русском языках.

Способы перевода метафор рассматривались в рамках классификаций Я. И. Рецкера, Т. А. Казаковой и В. Н. Комиссарова. При этом в целях более полного анализа представленных переводческих решений мы объединили в одну категорию дублирующие друг друга типы (так, например, перевод калькированием у Я. И. Рецкера [9] и дословный перевод метафор у В. Н. Комиссарова [10] представлены в рамках настоящей статьи единой категорией «калькирование»). Использование трансформаций как способ перевода, представленный в классификации Я. И. Рецкера, как общая категория делится на конкретные типы трансформаций согласно классификации Т. А. Казаковой [11].

Так как метафоры в языке оригинала не всегда передаются метафорами в языке перевода, выбранные способы перевода учитывают как случаи сохранения образности, так и случаи ее нейтрализации. Случаи перевода метафоры метафорой классифицируются по следующим категориям: эквивалентное метафорическое соответствие, вариативное метафорическое соответствие, калькирование, перевод метафоры с сохранением и заменой оригинального образа, а также перевод с использованием трансформаций, в число которых включаются добавление и опущение элементов метафоры, лексическая замена, структурное преобразование и перевод метафор традиционным соответствием. Случаи перевода метафор неметафорами рассматриваются в рамках следующих категорий: эквивалентное и вариативное неметафорические соответствия, неметафорическое объяснение, перевод с использованием трансформаций.

Под эквивалентным метафорическим соответствием понимаются случаи перевода метафор, при котором метафоре в языке оригинала соответствует одна словарно закрепленная метафора в языке перевода, передающая тот же образ. Такие случаи чаще наблюдаются в сфере образной терминологии.

Так, например, очевидной образностью обладает выражение *animal kingdom* (представляющее собой перенос из сферы социальной жизни в сферу классификации животных), переводимое эквивалентным выражением *царство животных*, которое представляет собой закрепившуюся в русском языке кальку, полностью сохранившую образ оригинала.

Несколько иной случай представляет собой перешедшее в английский язык из латыни слово *cortices*,

метафоричность которого в английском языке стерта, при переводе на русский язык эквивалентным термином *кора* возвращает образность латинского выражения. При этом, несмотря на ощутимую связь с первоначальным значением слова (перешедшим в сферу анатомии из сферы ботаники), подобная метафора не является художественным средством создания образности, а потому перевод метафоры с неощутимым образным компонентом выражением с ощутимой образностью является единственно допустимым вариантом ввиду учета функции метафоры, являющейся исключительно средством создания новой номинации.

Новая образная терминология, встречаемая в текстах астрономической, медицинской, психологической, экологической и ряда других тематик, преимущественно переходит в русский язык через английский, а потому образ оригинального выражения, как правило, сохраняется.

Так, в научно-популярных статьях о достижениях генной инженерии на русском языке встречается термин *цепочка ДНК*, являющийся словарно закрепленной калькой с английского выражения *DNA chain*, которым оно и переводится на английский язык. Несмотря на сохранение образности выражения в обоих языках, метафора по-прежнему является средством номинации, но не художественным средством.

Подобны предыдущему случаи перевода калькированием с полным сохранением исходного образа таких терминологических выражений, как *вариативная звезда* английским (и исходным) *variable star*, *циклическая экономика* – *circular economy*, *генетический коктейль* – *genetic cocktail*.

Под вариативным метафорическим соответствием понимаются случаи, когда метафоре на языке оригинала соответствуют несколько словарно закрепленных в языке перевода метафор, и переводчик выбирает одно из доступных соответствий.

Такие случаи более частотны. Так, например, в рассмотренных статьях на английском языке встречается выражение *mislead*, переводимое на русский язык метафорическими вариантами *вести в заблуждение*, *запутать* и *сбивать с толку*. В основе разных вариантов перевода лежат неодинаковые, хотя и сходные, образы, однако в зависимости от выбранного эквивалента варьируется степень экспрессивности выражения, во многом определяемая в том числе и регистром – в том случае, если нейтральному выражению литературного регистра соответствует выражение просторечного или высокого регистра, или наоборот. Так, выражение *mislead* не обладает яркими коннотациями и носит нейтральный характер, в то время как *сбивать с толку* ближе к просторечию и потому более экспрессивно. Обратным примером повышения регистра является перевод выражения

end up метафорой *обрести пристанище* (в рассмотренных текстах также были зафиксированы вариативные неметафорические соответствия *оказаться*, *попасть*, а также опущения). *End up* как фразовый глагол нейтрален, однако близок к просторечиям, в то время как *обрести пристанище* относится к высокому регистру.

Для крайне частотной в текстах научно-популярного подстиля стертой метафоры *discover* в переводах на русский язык не обнаруживается единого эквивалента. В рассмотренных переводах фигурируют варианты *обнаружить*, *открыть*, *выяснить* и некоторые другие со сходным образом в основе, среди которых вариант *открыть* более явно обнаруживает связь со своим исходным неметафорическим значением.

Немного менее частотна в научно-популярных текстах на русском языке метафора *открыть*, преимущественно представленная в переводах на английский язык вариантами *find* и *discover*, в основе которых лежит сходный, но не точно сохраненный образ оригинального выражения.

В большинстве рассмотренных случаев переводные вариативные метафорические соответствия не обнаруживают существенных расхождений с выражениями оригинала в степени экспрессивности, а на их выбор, как и в художественном тексте, в ряде случаев влияет не только непосредственное окружение, но и более широкий контекст, исходя из которого переводчик прибегает к замене выражения синонимичным во избежание тавтологии, что может породить случаи перевода одного выражения несколькими вариативными соответствиями в рамках одного текста (метафорическими или неметафорическими), как, например, в случае *outdoors*, переведенного в предложениях одного абзаца как *под открытым небом* и *на просторах [Юты]*, оба из которых не характеризуются значительными колебаниями экспрессивности.

В то же время частотно встречаемая в статьях на русском языке метафора *фиксировать [показания]* передается в рассмотренных переводах вариативными соответствиями *note* и *capture*, последнее из которых обладает более ярким образом.

Эквивалентное неметафорическое соответствие в большинстве случаев предполагает перевод метафорического термина языка оригинала неметафорическим термином языка перевода.

Так, например, метафора *head* в названии должности *head of the United Nations Environment Programme* переводится в данном случае выражением *исполнительный директор*. Образность оригинала, хоть и стертая, при этом утрачивается, однако уровень экспрессивности предложения не обнаруживает существенных изменений, поскольку составная

часть названия должности не является художественным средством, а используется исключительно в функции номинации.

Иным представляется случай перевода выражения *freshman class* выражением *первый курс* (несмотря на представленность в англо-русских словарях варианта перевода *младший курс*, данный случай рассматривается эквивалентным соответствием, так как *младший курс* имеет в русском языке более широкую референтную отнесенность, поскольку как первый, так и второй курс называются младшими). Ощутимая образность выражения в английском языке полностью снимается в переводе, что отражается на экспрессивности выражения в текстах оригинала и перевода. В качестве подтверждения того факта, что оригинальное выражение экспрессивно, его можно сравнить с синонимичным, но нейтральным выражением *first year*, также обозначающим первый курс обучения в высшем учебном заведении, однако намеренно не использованным автором.

В ходе исследования было обнаружено меньшее число примеров перевода метафоры неметафорическим эквивалентом с русского языка на английский, однако эти случаи также преимущественно связаны с переводом терминов.

Так, русский термин *выделять [несколько белков]* имеет метафорическое происхождение (согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, первое значение корня -дел- – отторгать часть целого, отделять), в то время как его английский эквивалент *secrete* имеет латинское происхождение и почти не обнаруживает связи с породившим его исходным значением, поскольку не имеет никакой другой референтной отнесенности, кроме обозначения выделения биологических жидкостей (в отличие от упомянутого ранее *cortices*, которое имеет несколько значений).

Случаи калькирования представляют собой буквальный перевод всех единиц, из которых состоит выражение оригинала.

Так, например, переводчики прибегают к калькированию живых авторских метафор: *ocean Armageddon* – океанский армагеддон; *[the material is] not a housewife's friend* – [материал] не является другом домохозяйки; *colored plastic confetti* – разноцветное пластиковое конфетти; *планета-ад* – *hell planet*. Ряд других случаев позволяет отнести калькирование к неоправданному буквализму (особенно заметному на уровне синтаксиса и сочетаемости: *A world of possibilities opened up* – Мир новых возможностей открылся; *we broke the system* – мы сломали систему; *давали высокую оценку* – *gave high assessment*) или даже ошибке (*возмущения [в движении небесных тел]* – *indignation*).

Случаи калькирования могут закрепляться в языке как эквивалентные способы перевода терминов или распространенных выражений, обладающих той же

экспрессивностью, что и оригинальное выражение (*in academic circles* – в академических кругах, *era of [material abundance]* – эра [материального изобилия]).

Замена образа оригинала на сходный образ в переводе, как правило, обусловлена наличием в языке перевода закрепленной синонимичной метафоры с образом, более близким носителям культуры перевода (*where do most of us draw the line* – где проходим грань допустимого (образ нарисованной линии заменяется гранью, однако все еще явно предстает в виде некоей черты) ; *put himself or herself in someone else's shoes* – ставить себя на чье-то место (несмотря на утрату в русском языке образа обуви, в которую становится человек, выражение обобщенно отражает идею перемещения на место, принадлежащее другому). Ряд случаев обнаруживает значительные расхождения в образной системе (*who crunched the numbers* – проводивших расчеты; *mention in the same breath* – обсуждать так же широко; *разглядели* – *found*, *выдвинуть предположения* – *share assumptions*).

Случаи неметафорического объяснения представляют собой перефразирование идеи, передаваемой с помощью метафоры в оригинале, с использованием неметафорических выражений в языке перевода.

Например, выражение *that begs the question* было переведено вариантом *возник вопрос*, который позволил переводчику избежать буквализма и доступно передать идею выражения, однако при этом была утрачена экспрессивная составляющая ярко окрашенного слова *begs*.

Выражение *we are fed falsehoods* также утратило эмоциональную составляющую при его переводе вариантом *нам лгут люди*, что, однако, ведет к экспликации смысла выражения в более широком контексте (подчеркивается идея того, что лжем не только мы, но и нам, при этом сосредоточенность на негативных эмоциях, передаваемых выражением в связи с этим, могла бы отвлечь читателя от главной идеи противопоставления).

Такая же тенденция отмечается при переводе метафорических выражений с русского на английский язык. Например, метафора *гормональный коктейль* (которую можно рассматривать как случай вторичного переноса названия) была переведена выражением *complex of hormones*, в результате чего утрачивается яркий образ напитка в основе оригинального выражения, но выражение приобретает более свойственный собственно научному стилю, нейтральный и безэмоциональный характер изложения.

Однако перевод метафоры неметафорическим объяснением не всегда ведет к заметному снижению экспрессивности выражения оригинала в тексте перевода.

Так, метафора *breakthrough* оказывается переведена неметафорическим выражением *претенциозное*

исследование, что, хотя и происходит отказ от образности оригинального выражения, компенсируется добавлением слова *претенциозное* с яркой эмоциональной окраской.

Не все из проанализированных текстов получили полный перевод: в некоторых случаях переводчиками опускались фрагменты текста, которые содержали метафоры, однако и при сопоставлении переведенных фрагментов текста с оригиналом обнаруживается, что случаи опущения метафор частотны.

Например, в текстах перевода оказались опущены живые образные метафорические употребления *Earth's last sink* ("No one knows how much unrecycled plastic waste ends up in the ocean, Earth's last sink". – "Неизвестно, сколько пластиковых отходов оказывается в Мировом океане."); [*academic science is*] *a world largely inhabited by people* ("Even academic science – a world largely inhabited by people devoted to the pursuit of truth – has been shown to contain a rogues' gallery of deceivers" – "И даже среди ученых, людей, казалось бы, посвятивших себя поиску правды, можно найти фальсификаторов"); [*плато*], *очерченные множеством трещин* ("На поверхности нашли так называемые «короны» – загадочные круглые плато, очерченные множеством трещин" – "The researchers found so-called "coronae" on the surface of Venus... they're largely circular features, hundreds to thousands of kilometres across, with an elevated bulge at the centre") и ряд других.

Русский и английский языки обнаруживают существенные различия в синтаксисе, что является основной причиной использования трансформаций в переводе с целью экспликации значения исходного выражения. Среди трансформаций в исследуемых контекстах можно выделить приемы добавления и опущения элементов метафорического выражения, лексические замены, структурные преобразования и традиционные соответствия.

Так, перевод выражения *is fundamental to us* (составное именное сказуемое) выражением *глубоко сидит в нас* (простое глагольное сказуемое) представляет собой пример структурного преобразования, необходимого по причине отсутствия в русском языке закрепившегося калькированного выражения со сходной структурой. Несмотря на структурные различия и проведенную замену образа, переводчику удается сохранить образность и даже усилить экспрессивность оригинального выражения.

Метафора [*they*] *extend the life of fresh food* требует структурного преобразования, поскольку в русском языке отсутствует общепринятая идея о возможности продлить жизнь еды как неодушевленного предмета. Так, выполненный перевод имеет следующий вид: [*упаковка*] *помогает сохранить продукты свежими*. Несмотря на утрату исходной формы, перевод пол-

ностью передает смысловое наполнение оригинала, а также включает метафору *помогает*, появление которой классифицировано как прием добавления. Добавление помогает сохранить метафорический характер выражения в целом и эксплицировать его смысл. С той же целью переводчиком применяется лексическая замена, в результате которой во фрагменте *extend the life of* слово *extend* (в значении расширять, продлевать) заменяется словом *сохранить*, что, однако, не искажает содержания исходного выражения. При проведении подобной замены слово *life* становится избыточным и опускается.

Под случаями традиционного соответствия нами понимаются примеры перевода устойчивого выражения в языке оригинала устойчивым выражением в языке перевода, при котором возможна значительная замена образа и оформления высказывания (*be blinded [by a lie]* – *обвести вокруг пальца*; *ban takes effect* – *запрет вступает в силу*, *play one's part [in the discovery]* – *внести свою лепту*; *с другой стороны* – *on the other hand*). В подобных случаях наблюдается возможное варьирование регистра и, следовательно, экспрессивности.

Фокусом исследования способов перевода метафор был выбран эффект, производимый оригинальным и переводным фрагментом текста, описанный в терминах экспрессивности (которая понимается как производимый метафорой стилистический эффект: степень эмоциональности и психологической напряженности, вызываемой метафорическим выражением). Критерием эффективности способов перевода стало сохранение в переводе экспрессивности оригинального выражения.

Согласно полученным результатам, все рассмотренные способы перевода метафор с английского на русский язык носителями русского языка преимущественно сохраняют экспрессивность оригинального выражения или не обнаруживают существенного ее изменения. Подобное утверждение справедливо и для случаев номинативной метафоры, которая обладает нулевой экспрессивностью (нулевая экспрессивность остается нулевой в переводе).

Случай усиления и снижения экспрессивности во многом оказались связаны с заменой метафорического выражения неметафорическим, а также заменой оригинального метафорического выражения с очевидной образностью выражением с менее яркой образностью в переводе, а также с заменой регистра речи: в подобных случаях наиболее распространенной оказалась замена нейтрального выражения разговорным, что вело к повышению экспрессивности выражения, и наоборот, что, соответственно, приводило к снижению экспрессивности выражения.

Эквивалентное метафорическое соответствие во всех рассмотренных случаях не выявило значитель-

ного изменения степени экспрессивности оригинального выражения. Так, нулевая экспрессивность метафорических терминов остается нулевой или близкой к нулевой, что справедливо даже для тех выражений, в основе которых лежит яркий образ (*coronae* – корона, *cortices* – кора, *mantle* – мантия). Данный способ перевода представляется максимально эффективным для передачи метафорических терминов и неразвернутых устойчивых метафорических выражений в научно-популярном тексте.

При переводе оригинального метафорического выражения вариативным метафорическим соответствием на русский язык обнаруживается как сохранение общей экспрессивности выражения, так и случаи его изменения: повышение экспрессивности может происходить за счет расширения метафорического выражения (*reveals* – *выдает их с головой*), изменения регистра (*ends up* – *обретает пристанище*) или за счет усиления образа посредством персонификации или уподобления явления живому существу вообще (*arrived at* – *родившимися*). Снижение экспрессивности в подобных случаях преимущественно обусловлено заменой метафоры с ярким образом метафорой с более привычным, стертым образом (*History is strewn with liars* – *История знает множество лжецов*; *bounced back* – *опустилось*). Данный способ перевода преимущественно эффективен. Исключения составляют случаи перевода новых выражений и новых значений уже известных выражений, поиск словарно закрепленных соответствий в ряде случаев затруднен или невозможен.

Случаи калькирования не частотны: переводчики предпочитают находить выражения и образы, привычные представителям их культуры, однако необходимость применения подобного способа перевода выражений может быть оправдана потребностью сохранить сильный образ (*ocean Armageddon* – *океанский армагеддон*; *soup of plastic* – *суп из пластмассы*), при котором в рассмотренных примерах не происходило существенного изменения экспрессивности. Избегание подобного приема объясняется стратегией приближения текста к носителям иноязычной культуры, а чрезмерное ее использование воспринимается как переводческая ошибка. Таким образом, несмотря на крайне высокий процент сохранения экспрессивности исходного выражения, данный способ перевода нельзя считать универсальным.

Сохранение оригинального образа или замена его на сходный – категории, которые в рамках данного исследования рассматривались только в случаях перевода метафоры метафорическим выражением, так как только в таком случае оказалось возможным сравнить переносимые образы, лежащие в основе выражений оригинала и перевода.

Стремление к сохранению оригинального образа преобладает, что преимущественно сочетается с отсутствием существенных изменений в экспрессивности. Усиление экспрессивности метафорического выражения в первую очередь связывается с развертыванием выражения в русском языке, что предполагает добавление элементов, эксплицирующих значение метафоры (*mislead* – *вводит в заблуждение*). В таких случаях происходит общее сохранение образа, однако отмечается его развитие. Данный способ перевода представляется крайне эффективным, однако невозможным в случае наличия особых культурных ассоциаций, связанных с метафорическим выражением, поскольку сохранение такого образа в культуре перевода приведет к непониманию метафоры и, следовательно, снижению как экспрессивности выражения, так и возможному невыполнению иллюстративной или структурной функции метафоры.

Замена образа, лежащего в основе метафоры, на сходный обусловлена стремлением переводчика сохранить уровень экспрессивности текста, для чего производится замена оригинального образа тем, что более понятен носителю культуры страны перевода, однако ряд случаев обнаруживает противоречие: образ, более близкий носителям культуры перевода, не всегда обладает степенью экспрессивности оригинала. Снижение экспрессивности связывается с заменой непривычного яркого образа на более нейтральный, стертый (*[being deceitful is] woven into our very fabric* – *тесно связана с нашей природой*, *hopes skyrocketed* – *ожидания росли*), в то время как повышение предполагает обратный процесс (*implicated [in scandals]* – *замешанный [в скандалах]*, *[compromise] arrived at* – *родившийся [компромисс]*). Таким образом, данный способ перевода является эффективным с точки зрения обеспечения понимания смысла метафоры и преимущественно сохранения ее функции, если она не является средством создания особой образности. В случае замены образа экспрессивной метафоры частотны колебания в степени экспрессивности, с равными долями случаев ее усиления и снижения. Данный способ перевода является почти столь же частотным, как и сохранение исходного образа, и потому ни один из них нельзя считать более универсальным.

Неметафорическое объяснение возможно в случае несовпадения принятых в культурах языка оригинала и перевода образных систем. Сохранение экспрессивности или ее несущественное изменение отмечается лишь в половине случаев (когда, например, оригинальное выражение представляет собой стертую метафору и не является средством выразительности: *lie in ways big and small* – *лжем по-крупному и по мелочам*, *name, attached to it* – *рядом с ней было имя*). Высок процент снижения экспрессивности выраже-

ния, что объясняется снятием метафор, образность которых ощутима (*academic science is a world largely inhabited... – среди ученых больше...*). Несмотря на невысокий процент, отмечаются и случаи повышения экспрессивности выражения (*[verbally] attacked [bottles]...* (нейтральное выражение) – *которым нынче достаются все шишки* (эмоционально окрашенное выражение)). Таким образом, данный способ перевода представляется однозначно эффективным только в случаях, когда метафора не является средством создания образности.

Наиболее частотным способом перевода метафор в рассмотренных научно-популярных статьях является перевод с использованием трансформаций, обусловленных структурными несовпадениями конструкций в английском и русском языках или потребностью использовать синонимичное по значению выражение, уже закрепленное в языке перевода.

В большинстве случаев метафоры, переводимые с использованием трансформаций, сохраняют исходную экспрессивность. Сохранению экспрессивности в большей мере способствует поиск традиционного соответствия. Остальные приемы в первую очередь необходимы для экспликации семантики метафорического употребления. Ввиду значительного объема несовпадений в системах русского и английского языков на всех уровнях, трансформации являются необходимыми не только с точки зрения сохранения экспрессивности метафорических выражений, но и преимущественно выступают единственным способом сохранить смысл высказывания.

Таким образом, перевод с использованием трансформаций признается не только эффективным, но и необходимым способом перевода метафор, наблюдаемым при переводе почти половины случаев всех проанализированных метафор.

Отдельного внимания заслуживают случаи опущения метафор. В рассмотренных случаях полное опущение нечастотно, однако обнаружено во всех текстах. Преимущественно опускаются стертые метафоры, не выступающие средством создания особой образности, и потому общая экспрессивность фрагментов текста, в которых опускалась метафора, в 70 % случаев не обнаруживала существенных изменений. Несмотря на это, опущение метафоры нельзя признать эффективным способом перевода, хотя подобный подход и оправдан в случае, если метафора трудна для восприятия или неинформативна.

При переводе текстов с русского на английский язык несколько более частотны случаи снижения экспрессивности исходного выражения. Проанализированные случаи перевода текстов с русского на английский язык позволили признать выводы в отношении эффективности разных способов, сделанные в результате анализа перевода метафор с русского на

английский язык, универсальными для перевода метафор между английским и русским языком вне зависимости от направления перевода.

Эквивалентное метафорическое соответствие является более частотным, но в равной степени эффективным, способом перевода метафор, преимущественно терминов. При переводе метафор повышение экспрессивности обусловлено более яркой ощутимостью в английском языке (как в языке, из которого метафорический термин (или устойчивое выражение) был заимствован, или как в языке, сохранившем более тесную связь нового значения слова с исходным (*циклическая экономика – circular economy* (понятие *цикла* не вызывает столь яркой визуализации круга, как прямое указание на форму (*circular*)), *красный карлик – red dwarf* (в русском языке *карлик* и его производные для описания людей не выделяются толковыми словарями как первые значения, в то время как первое значение слова *dwarf* – представитель особой расы, сходной с человеком)).

Вариативное метафорическое соответствие обнаруживает увеличение процента случаев снижения экспрессивности. Здесь и далее общее увеличение числа случаев снижения экспрессивности в ряде случаев может быть объяснимо переводом текстов на неродной для переводчика язык, в результате чего наблюдается большее число нейтрализаций, например, за счет изменения регистра (*шумиха – sensation, раздавать оценки – assess*).

Эквивалентное неметафорическое соответствие во всех рассмотренных примерах приводило к сохранению экспрессивности исходного выражения (поскольку таким способом преимущественно осуществлялся перевод терминов или выражений с нулевой или близкой к нулевой экспрессивностью (*горловина – hole*)).

Случаев перевода метафор с русского на английский язык вариативным неметафорическим соответствием значительно меньше, чем при переводах в обратную сторону, что может объясняться попыткой переводчика сохранить образность выражения, с целью чего происходит подбор метафорического эквивалента.

При переводе оригинальных текстов с русского на английский язык обнаружена тенденция к меньшему количеству примеров вариативного неметафорического соответствия, увеличение процента эквивалентных метафорических соответствий, а также значительное снижение объема производимых трансформаций.

При переводе научно-популярных текстов с русского на английский язык обнаруживается преимущественное сохранение оригинальной экспрессивности метафоры во всех категориях. Случаи снижения экспрессивности связаны с использованием вариативного

тивного соответствия, неметафорического объяснения и использованием трансформаций, в особенности опущения и структурного преобразования.

Повышение экспрессивности в целом не характерно для научно-популярных текстов в обоих языках.

В заключение еще раз отметим, что метафоры широко представлены в научно-популярных текстах на английском и русском языках. Их функции неодинаковы: далеко не все метафоры являются средством создания образности и обладают экспрессивностью. Функция метафоры и яркость образа в ее основе являются важными критериями выбора способа перевода.

Наиболее распространенными способами перевода метафор с английского языка на русский и наоборот являются перевод вариативным метафорическим соответствием, а также перевод с сохранением оригинального образа (позволяющий максимально точно передать значение метафоры, что может быть необходимо для сохранения наглядности). Эффективность выбранных способов, однако, прослеживается не с учетом частотности их применения, а с учетом сохранения экспрессивности метафор, выполняющих различные функции. В результате анализа было установлено, что ни один из перечисленных способов не является универсальным, однако все при грамотной оценке функции метафоры (в первую очередь, понимания, является метафора средством создания образности или нет) позволяют сохранить экспрессивность исходных выражений и текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
2. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка* : учебник. 4-е изд. стереотип. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
3. Позднякова Н. В. *Метафора в научно-популярном стиле* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1995. 14 с. URL: <http://cheloveknauka.com/metafora-v-nauchno-populyarnom-stile>
4. Разинкина Н. М. *Развитие языка английской научной литературы* : лингвостилистическое исследование. М. : Наука, 1978. 210 с.
5. Маевский Н. Н. *Функционирование экспрессивных средств в научно-популярных текстах // Проблемы экспрессивной стилистики*. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1987. С. 7.
6. Уткина Т. И. *Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты)* : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 210 с. URL: <http://cheloveknauka.com/metafora-v-nauchno-populyarnom-meditsinskom-diskurse>

7. Хомутова Т. Н., Петров С. Г. *Функционирование лексических средств художественной выразительности в научно-популярном тексте (на примере метафоры) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4. С. 45–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-leksicheskikh-sredstv-hudozhestvennoy-vyrazitelnosti-v-nauchno-populyarnom-tekste-na-primere-metafor>

8. Харченко В. К. *Функции метафоры*. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 87 с. URL: <https://studfiles.net/preview/3962920/page:50/>

9. Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика*. М. : Международные отношения, 1974. 237 с.

10. Комиссаров В. Н. *Современное переводоведение* : курс лекций. М. : ЭТС, 1999. 192 с.

11. Казакова Т. А. *Практические основы перевода, English <=> Russian*. СПб. : Союз, 2001. 320 с.

REFERENCES

1. *Lingvistichesky entsyclopedichesky slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Bolshaya Rossiiskaya encyclopedia, 2002. 709 p.
2. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.
3. Pozdnyakova N. V. *Metafora v nauchno-populyarnom stile* [Metaphor in popular-scientific style]. PhD Dissertation Abstract. Belgorod, 1995. 14 p.
4. Razinkina N. M. *Razvitiye yazyka angliiskoy nauchnoy literatury* [Development of English scientific prose]. Moscow: Nauka, 1978. 210 p.
5. Mayevsky N. N. *Funktsionirovaniye ekspressivnykh sredstv v nauchno-populyarnykh tekstakh* [Functioning of language expressive means in popular scientific text]. In *Problemy ekspressivnoy stilistiki*. Rostov-on-Don: Rostov State University, 1987. P. 7.
6. Utkina T. I. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsynskom diskurse* [Metaphor in popular scientific medical discourse]. PhD Dissertation. Perm, 2006. 210 p.
7. Khomutova T. N. *Funktsionirovaniye leksicheskikh sredstv khudozhestvennoy vyrazitelnosti v nauchno-populyarnom tekste* [Functioning of language expressive means in popular scientific text]. In *Vestnik SUSU*. 2014. No. 4. Pp. 45–51.
8. Kharchenko V. K. *Funktsii metafor* [Functions of metaphors]. Voronezh: Voronezh State University, 1992. 87 p.
9. Retsker Y. I. *Teoriya perevoda I perevodcheskaya praktika* [Theory and practice of translation]. Moscow : Mezhdunarodniye Otnosheniya, 1974. 237 p.
10. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern translation theory]. Moscow: ETS, 1999. 192 p.
11. Kazakova T. A. *Prakticheskiye osnovy perevoda* [Translation techniques]. St. Petersburg: Soyuz, 2001. 320 p.

Воронежский государственный университет
Яковлева И. Н., доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
E-mail: yakovleva@rgph.vsu.ru

Компания Аватера
Колесникова В. С., младший менеджер отдела контроля качества
E-mail: Vkolesnikova9@yandex.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Яковлева И. Н., Колесникова В. С. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно-популярном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2729>

Voronezh State University
Yakovleva I. N., Associate Professor of the Translation and Professional Communication Department
E-mail: yakovleva@rgph.vsu.ru

Awatera Company
Kolesnikova V. S., Junior Manager of Quality Control Department
E-mail: Vkolesnikova9@yandex.ru

Received: 12 September 2019
Accepted: 27 December 2019

For citation:

Yakovleva I. N, Kolesnikova V. S. Maintianing expressivness of metaphors when translating popular-scientific text. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2729>

УДК 811.134.2

ББК 81.472.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В. В. Корнева

Воронежский государственный университет

INFINITIVE SENTENCES IN THE RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES

V. V. Korneva

Voronezh State University

Аннотация: в статье рассматриваются структурно-семантические особенности предложений с независимым инфинитивом в русском и испанском языках. Выявляется их место в системе средств выражения побуждения, вскрываются причины эксплицитности/имплицитности адресата волеизъявления, анализируются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на степень развернутости структуры инфинитивных предложений и их семантику, описываются контекстные условия их использования, делаются выводы о функциональном потенциале инфинитива как субституте других глагольных форм в русском и испанском языках и о сходстве и различиях изучаемых конструкций в сравниваемых языках.

Ключевые слова: инфинитивное предложение, независимый инфинитив, побуждение, адресат волеизъявления, имплицитность, эксплицитность, функциональный субститут, русский язык, испанский язык.

Abstract: the article deals with the semantic characteristics of independent infinitive sentences in Russian and Spanish. The author defines their position in the system of means expressing incentive; affecting the degree of infinitive sentence structure's development. Contextual conditions of these sentences use are also described. The author makes a conclusion about the infinitive's functional potential as another verb form's substitute in Russian and Spanish.

Key words: infinitive sentence, independent infinitive, incentive, volitions addressee, implicitness, explicitness, functional substitute, Russian, Spanish.

Инфинитивные предложения как определенный тип односоставных предложений, главным членом которых является независимый инфинитив, давно привлекают внимание ученых (см., например, [1–3]). История их изучения в отечественной и зарубежной лингвистике связана с именами таких выдающихся ученых, как А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, К. М. Тимофеев, Е. М. Галкина-Федорук, В. В. Виноградов, Мейер Любке, С. Хили-и-Гайя, Э. Аларкос Льорах, Э. Мартинес Амадор, И. Боске и др. Тем не менее и в русистике, и в испанистике продолжают споры о семантико-синтаксических свойствах инфинитивных предложений (см., например, [4–8 и др.]).

Одна из причин повышенного внимания ученых к данному грамматическому явлению заключается в том, что разнообразные значения, присущие инфинитивным предложениям, не находят эксплицитного выражения. А. М. Ломов отмечает необычность семантико-функциональной модели, лежащей в основе инфинитивных предложений, а также нестандартный характер их формального выражения [9, с. 112]. На «нестандартный характер формального механизма» инфинитивных предложений указывают многие ученые. Однако их мнения относительно структурной основы данных предложений значительно расходятся. В частности, авторы «Русской грамматики» счи-

© Корнева В. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

тают, что в русском языке она представлена только одним словом – инфинитивом [5, с. 376], тогда как другие ученые утверждают, что в нее также входит существительное в дательном падеже [4, с. 249; 10, с. 104; 11, с. 149].

Еще большие разногласия наблюдаются при описании семантики инфинитивных предложений. Одни ученые выделяют в них четыре семантических варианта (см., например, [6]), другие – более восьми [5; 10]. При этом все сходится в том, что инфинитивные предложения выражают значение побуждения (см., например, [1; 2; 5; 6; 8; 10; 12–14]). Сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения инфинитивных предложений.

Целью нашего исследования является выявление формальных и семантических особенностей инфинитивных предложений в русском и испанском языках и их сопоставительный анализ. В рамках статьи мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

- какие значения могут выражать инфинитивные предложения в русском и испанском языках;
- каковы структурные особенности этих предложений в русском и испанском языках;
- какие лингвистические маркеры позволяют определить семантику данных конструкций;
- какие структурно-семантические соответствия изучаемых явлений наблюдаются в русском и испанском языках.

Как было сказано выше, инфинитивные предложения выражают значение волеизъявления, в связи с чем необходимо определить их место в системе побудительных предложений, назначением которых является побуждение адресата речи к совершению какого-либо действия [9, с. 222].

Общепризнанными видами побуждения являются приказ, просьба, совет, запрещение. Одним из формальных критериев их разграничения является интонация, на что указал еще А. М. Пешковский: «...мы должны отметить, что специальные оттенки создаются в нем (повелительном наклонении – В. К.) исключительно интонационными средствами. Собственного говоря, формы *иди, идите* и т. д., взятые вне интонации, равно способны выражать и приказ, и просьбу, и совет, и т. д. и, следовательно, не выражают ничего этого, а лишь простое побуждение к действию...» [10, с. 207].

В отечественной лингвистике в инфинитивных предложениях выделяют, прежде всего, значение приказа или запрещения (см., например, [1; 2; 5; 13–15]). Значение приказа обычно реализуется в утвердительных предложениях, а значение запрещения – в отрицательных. Ученые также указывают на большую степень категоричности инфинитива по сравнению с глаголами повелительного наклонения – специализированным средством выражения побужде-

ния. Инфинитив означает, по словам В. В. Виноградова, «безапелляционный приказ, категорическое постановление, распоряжение» [15, с. 490] (о лингвистических причинах категоричности инфинитива см.: [7]).

В русском языке, как и в испанском, подобная категоричность, безапелляционность приказа или запрещения присуща восклицательным предложениям. Например: *Молчать!* (1) *Прекратите!* (2)

В приведенных примерах инфинитивных предложений, несмотря на то, что они являются утвердительными, выражается значение запрещения, поскольку речь идет о побуждении не к реализации выраженного инфинитивом действия, а к его прекращению. В одних случаях значение запрещения эксплицировано (пример 2), в других оно формально не выражено и вытекает из семантики глагола (пример 1). Ср.:

Молчать! = *Не разговаривать!* = *Прекратите разговоры!* (3)

Замена инфинитива в наших примерах на глагол повелительного наклонения при сохранении коммуникативного (восклицательного) типа предложения ведет к снижению категоричности побуждения. Ср.:

Молчать! (1) и *Молчи(те)!* (4)

Прекратите! (2) и *Прекрати(те)!* (5)

Считается, что для выражения значений приказа или запрещения как категоричных видов побуждения достаточно минимального контекста – только сам инфинитив при наличии соответствующей восклицательной интонации, что, на первый взгляд, подтверждают приведенные выше примеры (1, 2). Однако так происходит далеко не всегда. Рассмотрим в качестве примера следующий отрывок из повести М. Булгакова «Собачье сердце»:

– *Шарику ничего не давать!* – загремела команда из смотровой. (6)

– *Усмотришь за ним, как же.*

– *Запереть!* (7)

В приведенном отрывке инфинитивные предложения существенно различаются. Во-первых, они выражают разные виды побуждения – запрещение (6) и приказ (7). Во-вторых, эти значения реализуются соответственно в отрицательной и утвердительной конструкции. В-третьих, инфинитивные предложения отличаются степенью развернутости своей структуры.

Последнее положение принципиально важно, поскольку оно позволяет определить правомерность утверждения о минимальной структуре инфинитивного предложения (см., например, [5]). С этой целью сравним примеры (1, 2, 6 и 7) и попытаемся ответить на вопрос, почему в одних случаях исследуемые нами конструкции представлены одним только инфинитивом (1, 2, 7), а в других наряду с главным членом

предложения – инфинитивом – присутствуют и другие второстепенные члены.

В предложении *Шарику ничего не давать!* (6) наличие дополнений обусловлено обязательной валентностью глагола *давать* – *давать кому что*. В случае их отсутствия предложение без опоры на предшествующий контекст и/или коммуникативную ситуацию становится семантически недостаточным. Ср.:

Шарику ничего не давать! и **Не давать!* (8)

Аналогичными причинами вызвано употребление второстепенных членов предложения и в следующих примерах:

Убрать эту пакость с шеи... (9)

Кто это тут вам папаша? Называть меня по имени и отчеству! (10)

В этих предложениях также реализуются валентности соответствующих глаголов: *убрать что откуда*, *называть кого как*, каждая из которых, будучи представлена определенной словоформой, является членом предложения. При их отсутствии инфинитивное предложение становится семантически неполным, а потому непонятным. Ср.:

Убрать эту пакость с шеи... (9) и **Убрать!* (11)

Называть меня по имени и отчеству! (10) и **Называть!* (12)

Тем не менее обязательная валентность глагола далеко не всегда реализуется в предложении. В частности, так происходит при использовании словоформ, зависимых от инфинитива, не в структуре предложения, а в предшествующем ему контексте, благодаря чему инфинитив выражает категорическое волеизъявление (приказ или запрещение). Ср.:

Убрать эту пакость с шеи... (9) и *Что это за пакость у вас на шее? Убрать!* (13)

В случаях такого рода правомерно говорить о расчлененной структуре инфинитивного предложения, в котором второстепенные члены находятся в препозиции относительно главного члена предложения – инфинитива, что возможно далеко не всегда. Ср.:

Кто это тут вам папаша? Называть меня по имени и отчеству! (10) и *Я вам не папаша. У меня есть имя и отчество. *Называть!* (14)

Сравним приведенные ранее примеры однословных инфинитивных предложений.

Молчать! (1) *Прекратить!* (2) *Запереть!* (7)

Эти предложения лишь на первый взгляд кажутся одинаковыми с точки зрения их формальной организации. На самом деле в их основе лежат две разные структуры. В примере (1) предложение семантически самодостаточно. Значение запрещения определенно-го действия осуществляется в нем путем замены обозначения этого действия его антонимом: *Молчать!* (1) = *Не разговаривать!* (3)

В примере (2) реализуется значение запрещения на продолжение действия, как правило, нежелательного с точки зрения говорящего, что уже предполагает экспликацию этого действия:

Прекратить! (2) = *Прекратить делать что!* (15)

Если это действие формально не выражено, оно однозначно извлекается из контекста. Ср.:

Что вы разговариваете / смеетесь / балуетесь? Прекратить! = *Прекратить разговаривать / смеяться / баловаться!* (16)

Вместо инфинитивной формы второго глагола возможно использование образованных от них акциональных имен. Ср.:

Прекратить разговаривать / смеяться / баловаться! (16) и *Прекратить разговор(ы) / смех / баловство!* (17)

Точно также неэксплицитированный объект действия в примере (7) при переходном инфинитиве *запереть кого / что* определяется предшествующим контекстом и не требует его специальной вербализации. Таким образом, инфинитивные предложения в примерах 2 и 7 имеют усеченную эллиптическую конструкцию. Эллипсис же, как известно, – отличительная черта устной речи.

Эллиптическими могут быть не только второстепенные члены предложения в виде словоформ и словосочетаний, как в примере (7), но и полнозначные глаголы в форме инфинитива (13), которые также являются распространителями инфинитива. В сочетании с главным членом – инфинитивом – они образуют перифразы, сходные по своей семантике с лексико-грамматической группой глаголов финитного способа действия.

Рассмотрим теперь, кому может быть адресовано волеизъявление в инфинитивном предложении и находит ли это отражение в его структуре. Мнение А. А. Шахматова на этот счет весьма определенно и категорично: «...рассмотрение всех случаев, где в безличном предложении главным членом является инфинитив, убеждает, что всюду инфинитив дополнен или может быть дополнен указанием на производителя действия» [2, с. 108]. Правда, он все же отмечает случаи, когда инфинитив дополнить указанием на лицо невозможно [Там же, с. 104]. Аналогичную точку зрения высказывает и А. М. Пешковский. Он, в частности, отмечает глагольный характер главного члена – инфинитива, и «...потому, – пишет он, – имеется, как норма, и член, обозначающий д е я т е л я. Член этот – д а т е л ь н ы й падеж существительного при инфинитиве» [10, с. 381].

Если исходить только из специализированных средств выражения побуждения – глаголов повелительного наклонения, то ответ на поставленный вопрос довольно прост: в русском языке глаголы повелительного наклонения имеют только формы ед. и

мн. числа, а выражаемое ими побуждение относится к собеседнику. Данным обстоятельством, собственно, и объясняется тот факт, что в силу очевидности субъекта потенциального действия – адресата волеизъявления – он, как правило, не находит эксплицитного выражения в предложении. Использование же личных местоимений при глаголах повелительного наклонения, как отмечал академик В. В. Виноградов, вызывает определенный стилистический эффект, они модифицируют значение побуждения – усиливают или снижают степень его категоричности в зависимости от занимаемого ими места в структуре предложения – препозитивного или постпозитивного относительно глагола-сказуемого. «...личные местоимения, присоединяясь к формам повелительного наклонения, выражают различия в их экспрессивных оттенках. Именно: присоединяясь спереди к форме повелительного наклонения, они усиливают категоричность приказа, совета, побуждения; присоединяясь сзади (если нет оттенка заклинания, брани или пожелания), смягчают тон приказа» [15, с. 484].

Однако побуждение может относиться не только к собеседнику – 2-му лицу ед. и мн. числа, но и к группе лиц, включая говорящего, т. е. к 1-му лицу мн. числа, а также к 3-му лицу ед. и мн. числа – неучастнику/неучастникам коммуникации. Смена адресата влечет за собой смену средств выражения побуждения. Глаголы изъявительного наклонения 1-го лица мн. числа (с частицей *давай* или без нее) указывают на приглашение к совместному действию), глаголы изъявительного наклонения 3-го лица ед. и мн. числа с частицей *пусть* адресуют побуждение неучастнику коммуникации. Ср.:

Помолчи! (ты) и *Помолчите!* (Вы, ты + ты, вы + вы) (18)

Помолчим! / *Давайте помолчим!* (мы) (19)

Пусть помолчит (он /она) (20)

Пусть помолчат (они)! (21)

Очевидно, под влиянием форм императива в глагольных предложениях, в которых побуждение адресовано участникам коммуникации, в том числе и самому говорящему, субъект потенциального действия, как правило, не эксплицитруется. Его репрезентация вызвана следующими факторами.

Во-первых, актуализацией семантики формы глагола изъявительного наклонения 1-го лица мн. числа с частицей *давай* – приглашением к совместному действию, что обычно осуществляется сочетанием местоимения *мы* с другими лексемами – *мы все*, *все вместе*, *мы все вместе*:

Давайте мы / мы все / все вместе / мы все вместе споем эту песню. (22)

Во-вторых, необходимостью номинации адресата в случае выражения побуждения 3-му лицу.

Таким образом, репрезентация адресата в побудительных предложениях может быть факультативной и обязательной. Она является факультативной во всех типах предложений, в которых побуждение касается участников коммуникации, а именно в глагольных предложениях с формами повелительного наклонения, с глаголами изъявительного наклонения 1-го лица мн. числа, а также в инфинитивных предложениях. И наоборот, репрезентация адресата – субъекта потенциального действия обязательна, если побуждение относится к неучастнику коммуникации.

Возможно и другое объяснение такому положению дел. Вполне правомерно, на наш взгляд, различать прямое побуждение, адресованное участникам коммуникации, главным образом собеседнику, и опосредованное, в котором две пропозиции и два разных субъекта: один из них формальный адресат – участник коммуникации, а другой – потенциальный адресат, который, не будучи участником коммуникации, должен осуществить предлагаемое говорящим действие. Ср.:

Что этот дуралей бормочет? ... Позвать Тредиаковского! (23)

Позвать Тредиаковского! (23) = *Скажите, чтобы пришел Тредиаковский.* (24)

Тем не менее ставить знак равенства между имплицитным адресатом в разных типах предложения нельзя. В частности, в предложениях с глаголами повелительного наклонения формально не выраженный субъект является более определенным, чем в инфинитивных предложениях. Ср.:

Молчи! (25), *Молчите!* (26) и *Молчать!* (1)

Однако и в глагольных предложениях статус адресата и характер отношений коммуникантов не всегда очевидны. Адресат является достаточно определенным лишь в случае употребления глагола повелительного наклонения в форме ед. числа, которая однозначно указывает и на количество адресатов (один), и на степень близости коммуникантов (о чем сигнализирует обращение к адресату на *ты*). При этом отношения коммуникантов менее определенные. Они могут быть как симметричными (друг говорит другу), так и несимметричными (старший младшему, начальник подчиненному и т. п.). Глагол повелительного наклонения в форме мн. числа нейтрализует указанные выше характеристики коммуникантов. Как и местоимение *вы*, эта форма может означать обращение либо к одному собеседнику на *вы*, либо к нескольким собеседникам на *ты* или на *вы*. Фактически отношения коммуникантов также никак не маркируются глагольной формой повелительного наклонения и могут быть и симметричными, и несимметричными. Контекст, как правило, снимает подобную неопределенность глагольной формы, однако принципиально важно то, что в предложении с глаголом повелитель-

ного наклонения многие параметры адресата, как, впрочем, и адресанта, не имеют формального выражения. Из всего диапазона возможных статусно-ролевых отношений коммуникантов в предложениях такого рода маркированной является лишь форма *ты*-обращения к одному адресату, которая может быть противопоставлена опять-таки либо одному адресату, либо нескольким, которые могут иметь или равный социальный статус, или более низкий.

В инфинитивных же предложениях и те немногие различия в представлении коммуникантов, которые отмечены в предложениях с глаголом повелительного наклонения в форме ед. числа, не находят формального выражения и полностью исчезают (см. примеры 27–29). Без опоры на коммуникативную ситуацию, на контекст неясно, кому адресовано волеизъявление говорящего – одному лицу или нескольким лицам. Но ясно только одно – безоговорочный приказ или запрещение возможны только в асимметричной коммуникативной ситуации при неравном статусе коммуникантов типа начальник – подчиненный. В этом отношении инфинитивные предложения оказываются более определенными, чем предложения с глаголом повелительного наклонения.

Ученые неоднократно обращали внимание на связь между определенностью/неопределенностью адресата волеизъявления и категоричностью побуждения в инфинитивных предложениях. На этом основании А. А. Шахматов выделял определенно-личные и неопределенно-личные инфинитивные предложения. В определенно-личных предложениях побуждение адресовано 2-му лицу ед. или мн. числа, т. е. одному или нескольким адресатам, причем оно выражает приказание более категорично по сравнению с формой повелительного наклонения. В неопределенно-личных же предложениях приказание адресовано «неопределенным лицам или вообще ко всякому, кого оно касается» [2, с. 81–83]. Эти идеи нашли дальнейшее отражение в трудах отечественных лингвистов. В частности, В. В. Виноградов отмечает способность инфинитива выразить побуждение, адресованное не только одному лицу, но и коллективу, массе, вводя тем самым понятие обобщенного субъекта [15].

Заметим, что имплицитность адресата действия в предложении отнюдь не препятствует его однозначной интерпретации. Ср.:

Убрать эту пакость с шеи... (4)

Кто это тут вам папаша? Называть меня по имени и отчеству! (5)

Что этот дуралей бормочет? ... Позвать Тре-диаковского! (23)

Утопить Трезорку! (27)

В примерах 4 и 5 адресатом говорящего является конкретное лицо – Шариков, к которому непосред-

ственно обращается профессор Преображенский, тогда как в примерах 23 и 27 адресатом побуждения является неопределенное лицо, кто-то из слуг капризного барина.

В иных коммуникативных условиях инфинитивные предложения зачастую носят обобщенный характер и адресованы неопределенному множеству лиц, как в следующих примерах. Ср.:

Не курить. (28) *По газонам не ходить.* (29)

Неопределенность же либо обобщенность адресата снижают категоричность волеизъявления. В приведенных примерах запрещение распространяется на всех лиц, которые находятся или могут находиться в каком-то определенном месте, т. е. оно касается как присутствующих, так и отсутствующих лиц, а категорически запрещать что-либо делать отсутствующим вряд ли возможно.

Следует также заметить, что это другой коммуникативный тип предложения – утвердительный, а не восклицательный. В восклицательном же предложении запрещение, как правило, имеет конкретного адресата (либо отдельное лицо, либо группу лиц), хотя он не всегда эксплицитно выражен в предложении.

Наряду с рассмотренными выше примерами, в которых адресат побуждения эксплицитно не выражен, в русском языке достаточно частотны инфинитивные предложения с обязательной репрезентацией субъекта действия в форме дательного падежа (об их семантике и происхождении см. [7]). Они построены по модели *кому делать что*:

Завтра утром на станцию уезжать пареньку. (30)

Косвенное дополнение в форме дательного падежа может быть выражено не только именем нарицательным, как в приведенном примере, но и именем собственным, а также личным местоимением 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа. Ср.:

Завтра утром на станцию уезжать мне /тебе/ ему/ ей/ нам /вам /им. (31)

Все эти конструкции имеют значение долженствования и соответствуют личным предложениям, в которых дополнение становится подлежащим, а инфинитив – финитной формой глагола (подробнее см. [4, с. 250; 9, с. 114–115; 7]). Ср.:

Вам не видать таких сражений. (32) = *Вы не увидите таких сражений* (33)

Конструкции, в которых есть косвенные формы личных местоимений 2-го лица ед. и мн. числа, можно выделить в отдельный разряд инфинитивных конструкций и считать их также одним из способов выражения побуждения в русском языке. В отличие от рассмотренных ранее инфинитивных конструкций, которые выражают значение категоричного волеизъявления (приказа или запрещения), конструкции типа *тебе / вам делать что* указывают на побуждение

косвенно, путем актуализации модального значения необходимости совершения названного инфинитивом действия. Ср.:

Тебе ходить. (34) – *Ты должен ходить.* (35) – *Ходи.* (36)

Инфинитив с частицей *бы* ученые склонны рассматривать как особую разновидность инфинитивных предложений (см., например, [7; 14, с. 170; 15, с. 491]), которые выражают разные модальные значения. Если адресатом является 2-е или 3-е лицо, которое всегда эксплицируется в структуре предложения, то инфинитив выражает значение совета:

Тебе / вам бы отдохнуть. (37)

Ему / ей / им бы отдохнуть. (38)

Совет является некатегоричным видом побуждения, однако в инфинитивном предложении с частицей *бы* он становится еще более мягким. Ср.:

Тебе бы отдохнуть. (39) и *Ты бы отдохнул.* (40)

Если же адресатом является сам говорящий, то реализуется значение желательности действия. В случаях такого рода субъект потенциального действия может быть как имплицитным, так и эксплицитным. Таким образом, обязательность/факультативность выражения адресата сигнализирует о разных видах модальности в инфинитивном предложении, а частица *бы* является маркером некатегоричности побуждения.

Отдохнуть бы! (41) = *Мне / нам отдохнуть бы!* (42)

Таким образом, главная особенность инфинитивных предложений (отсюда их второе название – дебитивные) в русском языке заключается в том, что в их основе лежит вербально не выраженное значение субъективно устанавливаемой необходимости, которая в конкретных коммуникативных условиях предстает в виде набора семантических вариантов. Основными из них являются значения приказа, запланированности, невозможности, объективной обусловленности, целесообразности и немотивированности, которые тоже могут варьироваться. Так, значение целесообразности нередко реализуется в виде значения совета или желательности, о которых говорилось выше (подробнее см. [1; 4, с. 245–249; 14; 15]). Критерием разграничения этих и других значений инфинитивных предложений могут служить такие факторы, как адресованность 1-му, 2-му или 3-му лицу, обязательная или факультативная эксплицитность адресата, а также наличие/отсутствие частицы *бы* и соответствующее интонационное оформление.

Перейдем к рассмотрению инфинитивных предложений в испанском языке, которые также могут выражать значение побуждения (см., например, [8; 14; 16–19]). Поскольку в случаях такого рода инфинитив является функциональным субститутым императива, то прежде всего отметим отличия испанских форм повелительного наклонения от русских. В ис-

панском языке дифференцируются не только формы ед. и мн. числа, но и форма обращения к собеседнику/собеседникам на *ты* или на *вы*. Благодаря этому парадигма повелительного наклонения в испанском языке является не двучленной, как в русском языке, а четырехчленной: *tú* (ты), *Usted* (вы), *vosotros/vosotras* (ты + ты), *Ustedes* (вы + вы). Отсюда возникает закономерный вопрос: субститутым каких форм императива может быть инфинитив в испанском языке?

Исследователи отмечают, что инфинитив нередко используется, особенно в неформальном регистре, в ситуации повседневного общения, для выражения побуждения вместо формы *vosotros / vosotras* (см., например, [13; 18–20]).

¡Entrar! (43) *¡Mirar!* (44) *¡Salir!* (45) *¡No fastidiar!* (46)

По мнению С. Хили-и-Гайя, объясняется это тем, что адресат 2-го лица мн. числа является менее определенным, чем адресат 2-го лица ед. числа, и что подобная неопределенность адресата в большей степени согласуется с категориальным значением инфинитива. Другая возможная причина – слабая позиция согласной на конце слова, что может привести к замене одной согласной на другую (*d – r*) (см. подробнее [13, с. 55]; см. также [3; 14; 17]).

Несмотря на восклицательную интонацию, испанский инфинитив выражает либо нейтральную, либо мягкую форму побуждения. Для выражения беспелляционного приказа одному или нескольким лицам в асимметричной ситуации общения в испанском языке используются формы императива, а не инфинитив, как в русском языке.

Ср.: *Molchamь!* и *¡Cállate!* (*tú*) *¡Cállese!* (*Usted*) *¡Cállaos!* (*vosotros*)

¡Cállense! (*Ustedes*) (47)

В отрицательных предложениях значение запрета или предостережения более категорично, чем в предложениях с глаголом сослагательного наклонения [21, р. 2339]. Ср.:

¡No fumar, ni gritar! (48) и *¡No fumeis, ni griteis!* (49)

Категорический отказ или решительное несогласие с чем-либо выражается отрицательной инфинитивной конструкцией с *ni*:

¡Ni pensarlo! ‘*He вздумай!*’ (50)

¡Ni soñar! ‘*И ни мечтай!*’ (51)

Императивные инфинитивные предложения, которые также выражают приказ или запрещение, но адресованы неопределенному множеству лиц – всем, а не отдельным конкретным лицам, не столь категоричны. Сфера их употребления, как и в русском языке – объявления и плакаты в общественных местах, разного рода инструкции, в том числе инструкции по заполнению бланков. Ср.:

No fumar. (52) = Не курить. (53)

Firmar y remitir a la dirección indicada. = Подписать и отправить по указанному адресу. (54)

Наряду с однословным инфинитивом в испанском языке есть изосемичная инфинитивная конструкция с предлогом *a*, которая адресована одному или нескольким лицам (*tú* и *vosotros/vosotras* при условии обращения к ним на ты [18, p. 2339; 19, p. 81]).

¡*A dormir!* (55) ¡*A estudiar!* (56) *A esperar!* (57)

Конструкции такого рода оказывают большее воздействие, чем иные формы выражения приказа или просьбы (см., например, [8, p. 3151; 13, с. 55; 17, p. 401; 18, p. 2339]). Доказательством этого может служить тот факт, что категоричность побуждения в предложении с однословным инфинитивом можно смягчить, добавив вежливое выражение *por favor* 'пожалуйста', а в предложении *a* + инфинитив оно не допустимо. Ср.:

¡*Comer, por favor!* (58) и ¡**A comer, por favor!* (59)

Инфинитивные предложения с предлогом *a* отличаются также тем, что, как уже говорилось, они адресованы не только группе людей, но и одному лицу [19, p. 81; 20, p. 2339]. Объединяют же их условия употребления: неформальный регистр общения и близость коммуникантов [20, p. 81].

Кроме значения приказа, конструкции такого рода передают также ярко выраженный призыв (приглашение) к совершению действия, приятного с точки зрения говорящего:

¡*A distraerse! Estamos en Carnaval!* (60) (цит. по [8, p. 3151]).

Данные предложения следует отличать от других, в которых инфинитив также употребляется с предлогом *a*:

El marido a ganar dinero y ella a despilfarrarlo en trapos (61) (цит. по [19, p. 689]).

Теоретически возможная замена инфинитива на финитный глагол ведет к искажению семантики исходной конструкции:

El marido a ganar dinero y ella a despilfarrarlo en trapos = *El marido gana dinero y ella lo despilfarra en trapos.* (62)

Как справедливо отмечает М. Мольо, инфинитивная конструкция (61) не изофункциональна конструкции с финитным глаголом (62), поскольку в последней отсутствует модальное значение, а потому ее семантическим эквивалентом является предложение с модальным глаголом долженствования:

El marido debe ganar dinero y ella lo despilfarra en trapos. (63)

Будучи синонимичными, данные конструкции отличаются тем, что в примере с независимым инфинитивом формально не выраженным является однозначно интерпретируемое носителем испанского языка дополнительное значение – значение критиче-

ского отношения говорящего к описываемому положению дел.

Следует также отметить тот факт, что конструкции типа ¡*A trabajar!* и *El marido a ganar dinero...* омонимичны лишь на первый взгляд. Первая конструкция представлена простым нераспространенным предложением и репрезентирует одну пропозицию, тогда как вторая суть сложносочиненное предложение, в котором противопоставлены две пропозиции, два разных действия и два разных субъекта действия.

Семантическим эквивалентом данных конструкций в русском языке является сложносочиненное предложение с противительным союзом *а*, в котором, в отличие от испанского языка, употребляется не инфинитив, а транспонированная форма императива. Ср.:

El marido a ganar dinero y ella a despilfarrarlo en trapos =

Муж зарабатывай деньги, а она спускает их на тряпки. (64)

К слову сказать, в русском языке есть подобная конструкция, о чем писал В. В. Виноградов [15, p. 491].

Что касается других модальных значений, выражаемых русскими инфинитивными предложениями, то в испанском языке они репрезентируются двусоставными конструкциями с модальными глаголами.

Инфинитив в испанском языке может быть функциональным субститутотом не только повелительного наклонения, но и изъявительного наклонения и кондиционала. Наблюдается это в ответных репликах, в которых в зависимости от реализуемой семантики инфинитив может быть фрагментарным или ретроспективным [17, p. 2333], как в примерах:

A. – ¡*Y tú qué haces?*

– *Pues, limpiar un poco.* (65) [8, p. 3151].

Лицо деятеля, которым может быть и 2-е, и 3-е лицо, а также время названного инфинитивом действия, однозначно восстанавливаются из контекста, а потому они не эксплицируются. Ср.:

¡*Y ella qué hace?*

Pues, limpiar un poco. (66)

– ¡*Me trajiste el libro?*

– *No. Habérmelo dicho.* (67)

В примере (67) употреблен перфектный инфинитив в функции кондиционала, а потому он выражает значение необходимости действия, не совершенного в прошлом, и содержит скрытый упрек собеседнику или 3-му лицу.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке инфинитив может быть функциональным субститутотом повелительного наклонения для выражения практически всех значений побуждения, тогда как в испанском языке его возможности ограничены.

Отчасти это объясняется тем, что разные виды побуждения, особенно просьба и запрос информации, в испанском языке гораздо чаще репрезентируются не императивом, а другими языковыми средствами (см., например, [20, p. 314]). В целом же в испанском языке для выражения побуждения чаще всего используются косвенные речевые акты, что в свою очередь обусловлено большей значимостью категории вежливости в испанской лингвокультуре (см., например, [22; 23]). Кроме того, испанский инфинитив может брать на себя функции изъявительного наклонения и кондиционала и выражать реальную и ирреальную модальность.

В заключение отметим, что инфинитивные предложения и в русском, и испанском языках выражают разные виды побуждения. Полными структурно-семантическими эквивалентами в сравниваемых языках, как в случае выражения некатегоричного волеизъявления, они являются довольно редко. Гораздо чаще при внешнем совпадении конструкций они отличаются прагматическими свойствами. Для испанского языка характерно более дифференцированное указание на адресата волеизъявления (как правило, он является определенным), и одни и те же значения побуждения имеют менее категоричный характер по сравнению с русским языком. Употребление инфинитивных предложений в испанском языке ограничено функционально. Они присущи в основном разговорному стилю речи, а некоторые из них имеют определенный ареал распространения.

Русские инфинитивные предложения имеют более широкий диапазон семантического варьирования, они способны выражать всю палитру модальных значений, что находит отражение в их поверхностной структуре, в обязательности/факультативности экспликации субъекта потенциального действия, богатстве интонационного оформления. Имплицированный адресат (субъект) в русском языке часто бывает неопределенным. В русском языке, в отличие от испанского, в инфинитивных конструкциях возможно не только прямое, но и косвенное выражение значения побуждения, в основе которых лежат разные модели предложения. Сфера функционирования русских инфинитивных предложений гораздо шире. Они используются в разных ситуациях общения.

Испанский язык оказывается богаче в другом отношении – в нем появляются варианты – не только независимый инфинитив, но и сочетание инфинитива с предлогом *a*, которые различаются по своим прагматическим свойствам, по степени категоричности волеизъявления.

Критерием разграничения разных видов побуждения, а также омонимичных конструкций с инфинитивом является контекст в широком смысле слова, структурные особенности инфинитивного предложе-

ния, наличие в нем обязательных и факультативных компонентов и, конечно же, интонация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка : сб. ст. / под ред. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 257–301.
2. Шахматов А. А. Синтаксис современного русского языка. М. : УРСС, 2001.
3. Martínez Amador E. M. Diccionario Gramatical y de dudas del idioma. Barcelona : Editorial Ramón Sopena, S.A., 1985. 704 p.
4. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.
5. Русская грамматика. Т. II. М. : Наука, 1980. 714 с.
6. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М. : Высш. школа, 1979. 114 с.
7. Кретов А. А. Русские надлично-дебитивные предложения // Сборник статей по языкознанию. К 70-летию профессора В. В. Щеулина. Ч. II. Липецк : ЛГПИ, 1997. С. 84–91.
8. RAE. Nueva Gramática de la Lengua Española. Madrid : Editorial Espasa Calpe, S.A., 2009. 3352 p.
9. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный словарь-справочник. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 400 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1956. 511 с.
11. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград : Наука, 1990. С. 142–156.
12. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М. : МГУ, 1958.
13. Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. Barcelona : Editorial Bibliograf, S.A., 1967. 347 p.
14. Валгина Н. С. Современный русский язык : синтаксис. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2003. 416 с.
15. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.
16. Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español. Madrid : Gredos, 1982.
17. Matte Bon F. Gramática Comunicativa del Español. Tomo 1. Madrid : Edelsa, S.A., 2002. 386 p.
18. Hernanz M. Ll. El infinitivo // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. En 3 vol. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F. Lázaro Carreter. V. 2. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2000. Pp. 2197–2356.
19. Molho M. Sistemática del verbo español. Madrid : Gredos, 1975. 779 p.
20. Matte Bon F. Gramática Comunicativa del Español. Tomo 2. Madrid : Edelsa, S.A., 2003. 369 p.
21. Hernanz M. Ll. El infinitivo en español. Belaterra, 1982. 345 p.

22. Корнева В. В. Косвенные речевые акты совета в испанском и русском языках // Германские, романские и русский язык в сопоставительном аспекте : сб. науч. ст. Воронеж : ВГУ, 1998. С. 102–110.

23. Корнева В. В. Выражение категоричного волеизъявления в русском и испанском языках // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков : тез. докл. науч. конф. Воронеж : ВГУ, 1998. С. 65–66.

ИСТОЧНИКИ

1. Булгаков М. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1985. 222 с.

2. Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные рассказы. М. : Худож. лит., 1975. 234 с.

REFERENCES

1. Timofeev K. A. Ob osnovnykh tipakh infinitivnykh predlozhenij v sovremennom russkom literaturnom yazyke [On basic types of infinitive sentences in the modern Russian language]. In *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka*: Sb. statej / Pod red. V. V. Vinogradova. M., 1950. Pp. 257–301.

2. Shakhmatov A. A. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. M. : URSS, 2001. 621 s.

3. Martínez Amador Emilio M. *Diccionario Gramatical y de dudas del idioma*. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, S.A., 1985. 704 p.

4. Lomov A. M. *Tipologiya russkogo predlozheniya* [The typology of Russian sentence]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1994. 280 p.

5. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. II. Moskva: Nauka, 1980. 714 s.

6. Skoblikova E. S. *Sovremennij russkij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya* [The modern Russian language. Syntax of the simple sentence]. Moscow: Vyssh. shkola, 1979. 114 p.

7. Kretov A. A. Russkie nadlichno-debitivnye predlozheniya [Russian spurapersonal debitive sentences]. In *Sbornik statej po yazikoznaniyu. K 70-letiyu professora V.V. Shcheulina* [Festschrift for 70th anniversary of Prof. V.V. Shcheulin] Ch. II. Lipetchk: LGPI, 1997. Pp. 84–91.

8. *RAE. Nueva Gramática de la Lengua Española*. Madrid: Editorial Espasa Calpe, S.A., 2009. 3885 p.

9. Lomov A. M. *Russkij sintaksis v alfavitnom poryadke: Ponyatijnyj slovar'-spravochnik* [Russian syntax from A to Z: A Dictionary of basic concepts]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2004. 400 s.

10. Peshkovskij A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian syntax from the academic perspective]. 7th ed. Moscow: Izd-vo min-va Prosveshheniya RSFSR, 1956. 511 s.

11. Tsejtlin S. N. Neobkhodimost' [Necessity]. In *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional grammar theory. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 142–156.

12. Galkina-Fedoruk E. M. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in the Russian language]. Moscow: MGU, 1958.

13. Gili y Gaya S. *Curso superior de sintaxis española*. Barcelona: Editorial Bibliograf, S.A., 1967. 347 p.

14. Valgina N. S. *Sovremennij russkij yazyk: Sintaksis* [Modern Russian: Syntax]. 4-e izd., ispr. Moscow: Vyssh. shk. Sovremennij russkij., 2003. 416 s.

15. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. Grammatical theory of a Word]. 4-e izd. Moscow: Rus. yaz., 2001. 720 p.

16. Alarcos Llorach E. *Estudios de gramática funcional del español*. Madrid: Gredos, 1982.

17. Matte Bon F. *Gramática Comunicativa del Español*. Tomo 1. Madrid: Edelsa, S.A., 2002. 386 p.

18. Hernanz M. Ll. El infinitivo. In *Gramática Descriptiva de la Lengua Española*. En 3 vol. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F. Lázaro Carreter. V. 2. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2000. Pp. 2197–2356.

19. Molho M. *Sistemática del verbo español*. Madrid: Gredos, 1975. 779 p.

20. Matte Bon F. *Gramática Comunicativa del Español*. Tomo 2. Madrid: Edelsa, S.A., 2003. 369 p.

21. Hernanz Ll. M. *El infinitivo en español*. Belaterra, 1982. 345 p.

22. Korneva V. V. Kosvennye rechevye akty soveta v ispanskom i russkom yazykakh [Implicit speech acts in the Spanish and Russian languages]. In *Germanские, романские i russkij yazyk v sopostavitel'nom aspekte* [Germanic, Romance and the Russian Languages in Comparison and Contrast]. Voronezh, 1998. Pp. 102–110.

23. Korneva V. V. Vyrazhenie kategorichnogo voleizъяvleniya v russkom i ispanskom yazykakh [Expression of adamant stated wish in the Russian and Spanish Languages]. In *Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo izucheniya germanskikh, romanskikh i slavyanskikh yazykov: tezisy dokladov nauchnoj konferentsii*. Voronezh: VGU, 1998. Pp. 65–66.

SOURCES

1. Bulgakov M. *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Moskva: Khud. lit-ra, 1985. 222 p.

2. Saltykov-Shchedrin M. E. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Moskva: Khud. lit-ra, 1975. 234 p.

*Воронежский государственный университет
Корнева В.В., доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой романской филологии
E-mail: kornevavalentina@mail.ru*

*Voronezh State University
Korneva V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of
the Romance Philology Department
E-mail: kornevavalentina@mail.ru*

*Поступила в редакцию 25 ноября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.*

*Received: 25 November 2019
Accepted: 27 December 2019*

Для цитирования:

Корнева В. В. Инфинитивные предложения в русском и испанском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>

For citation:

*Korneva V. V. Infinitive sentences in the Russian and Spanish languages. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2020. No. 1. Pp. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>*

УДК 811.11-112

ББК 81.2Нем

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

FUNCTIONS OF MODAL COMPONENTS IN GERMAN FICTION

A. V. Averina

Moscow Region State University

Аннотация: в качестве объекта исследования настоящей статьи выступают модальные маркеры в немецком языке, предмет исследования – функции модальных маркеров в немецком художественном тексте. Цель работы – раскрыть функциональное назначение модальных маркеров в художественном тексте и описать их влияние на общую тональность текста. В качестве материалов исследования послужили фрагменты, отобранные из немецкоязычных художественных текстов. В качестве методов исследования были использованы описательный метод и метод текстового анализа. Было показано, что в художественном тексте модальные маркеры группируются с оценочными элементами, создавая модально-оценочную рамку высказывания, создающую эмоционально-оценочный фон текста и позволяющую переводить читателя из реального мира в мир иллюзий и представлений. Маркеры ирреальной модальности в тексте могут быть использованы для более точного отображения каких-то деталей, например, для описания действующих лиц, их внутренних переживаний или же просто для передачи психологической атмосферы. Если весь текст представляет собой скрытое сравнение (текстовая метафора), то предложения в форме *Indikativ* маркируют нереальную, или контрфактическую модальность. Напротив, предложения в форме *Konjunktiv* позволяют максимально приблизить происходящее в воображении автора с реальной действительностью. В целом было установлено, что маркеры эпистемической модальности, эвиденциальности и контрфактичности, использованные в художественном произведении, участвуют в создании образа автора и персонажей. В комбинации с оценочными элементами они позволяют описать внутренний мир автора как создателя произведения, отражают его ценностные установки и показывают его отношение к своим героям.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эвиденциальность, контрфактическая модальность, образ автора, текстовая метафора, художественный текст.

Abstract: the object of the current article is modal components in German, its subject is their functions in German fiction. The aim of the article is to describe functions of modal structures in the fiction texts and their influence on the common mood of the text. Text fragments from German fiction are used as the source of data for the study. The main methods used in the research are descriptive method and textual analysis. It was shown that modal structures group with evaluative words building a modal-evaluative frame of the utterance which creates emotional-evaluative background of the whole text and brings the reader from the real world into the world of illusion. The components of unreal modality can be used in the text to provide an effective description of some details, e.g. to describe the characters of the novel, their deep emotions or psychological atmosphere. If the whole text is an implicit comparison (textual metaphor), the indicative sentences encode unreal modality. On the contrary, the sentences in the Subjunctive mood allow bringing closer imaginary events to the reality. It is shown that the epistemic and evidential structures as well as sentences in the Subjunctive mood create the image of the author

© Аверина А. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

and the characters. In combination with evaluation elements they contribute to the description of the inner world of the author as a creator of an artistic work, they reflect the writer's values and show their attitude to the characters.

Key words: epistemic modality, evidentiality, unreal modality, author's figure, textual metaphor, fiction text.

Способы выражения модальных значений в немецком языке уже были детально рассмотрены в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. В этой связи можно отметить работы А. В. Авериной [1], Р. Д. Шакировой [2], В. Абрахама [3], Г. Дивальд [4], Э. Лайсс [5], Т. Фритца [6; 7] и других ученых. Довольно сложная задача – описать модальность текста. О. И. Москальская в этой связи справедливо замечает, что перед грамматикой текста стоит задача «посмотреть на модальность высказывания с позиций целого текста, осмыслить более общие закономерности, которые не даны на уровне предложения» [8, с. 117].

Тексты по своему стилю, жанру и целевому назначению неоднородны. Соответственно, каждый тип текста обладает своими лексическими, грамматическими и композиционными особенностями. Модальность текста получит полное описание тогда, когда будет рассмотрена актуализация нескольких видов модальных значений в различных типах текстов с учетом целевого предназначения текста, в результате чего станет понятной интенция автора и функции модальных конструкций, ведь совершенно по-разному можно интерпретировать сомнение героя художественного произведения в прямой речи и сомнение автора газетного комментария – в первом случае речь может идти о психологическом состоянии персонажа, возможно, таким образом находит выражение его духовный поиск, а во втором не исключена авторская оценка фактичности ситуации с целью убеждения читателя в истинности той или иной позиции и даже воздействия. По-разному могут быть интерпретированы и модальные слова с семантикой эпистемической модальности/эвиденциальности. Немалую роль в восприятии текста играет еще эксплицитность/имплицитность выражения модальности. Модальность может быть выражена посредством сочетания модальных предикатов с местоимениями (указание на модусный субъект), через использование модальных слов и модальных частиц, а может и вовсе не иметь никакого выражения и получает интерпретацию только с учетом контекстуального окружения.

Модальные значения неоднородны, и для расшифровки модальности целостного текста каждое из них выступает как ключ к разгадке его общей тональности. Настоящая статья еще не претендует на комплексное описание модальности художественного текста – цель ее состоит в том, чтобы рассмотреть возможности выражения модальных значений на уровне текста и раскрыть их функциональное назначение.

В качестве *материалов исследования* послужили фрагменты, отобранные из немецкоязычных художественных текстов. Это отрывки, взятые из произведения П. Зюскинда «Das Parfum», М. Фриша «Homo faber», Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns», С. Цвейга «Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau», Э. Кэстнера «Das Eisenbahngleichnis», Б. Брехта «Wenn die Hai-fische Menschen wären». Отдельные примеры были взяты из произведений Э. М. Ремарка. В качестве *методов исследования* были использованы описательный метод и метод текстового анализа.

Виды субъективных модальных значений в немецком языке

Мы предлагаем говорить о «внутренней модальности», когда имеется в виду объективно существующая возможность, и «внешней модальности», когда речь идет об оценке говорящим вероятности происходящего, сравним:

(1) *Er kann schwimmen.*

(2) *Ich vermute, dass er schwimmen kann.*

В первом случае речь идет об объективно существующей возможности – говорящий показывает, что пропозициональный субъект (*er*) способен на то, чтобы плыть. Этот факт существует сам по себе и не зависит от знаний/сомнений говорящего, т. е. это то, что Ш. Балли в свое время обозначил термином «диктум» [9]. В отечественной лингвистике существует понятие, введенное Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [10, с. 211] – *модализованная пропозиция*, когда модальность, присоединяясь к пропозиции, может участвовать в речевых актах различных типов: сообщениях, вопросах, пожеланиях и т. п. Совсем иного плана эпистемическая модальность, или модальность предположения (пример (2)) – здесь выражается субъективное отношение говорящего к факту – он не уверен, что обстоятельство имеет место и высказывает свое мнение относительно его фактичности. Главное предложение в (2) – это модусная часть (модус (термин Ш. Балли [9]) – отношение говорящего к содержанию высказывания, придаточное предложение – это диктумная часть.

Можно говорить о существовании целого спектра модальных значений. Применительно к внутренней модальности (модализованной пропозиции) мы выделяем следующие.

1. *Волюнтаривная модальность*, когда говорящий или пропозициональный субъект выражает свое желание, например:

(3) *Die Dame will auch einen Korn [11].*

2. *Алетическая модальность* «связана с субъективными потенциями реального мира» [10, с. 216], речь идет о потенциальной возможности, характерной для того или иного субъекта, например:

(4) *Ich kann wirklich nicht fahren* [11].

3. *Деонтическая модальность* отражает определенные требования к поведению, может содержать некую систему правил или норм, например:

(5) *Lilly brach auf. Sie musste ihren Bräutigam abholen* [11].

4. *Нефактическая модальность* [12, S. 174] предполагает указание на нефактичность (нереальность) ситуации, ее неосуществленность или невозможность получить определенную реализацию, сравним:

(6) *Sie wäre mit einem Schrei in Ohnmacht gefallen* [11].

5. *Контрфактическая модальность* [12, S. 174] отражает ситуацию, в которой тот или иной факт не может иметь места, например:

(7) *Sie starrte auf meinen Schnaps, als wäre er ein verfaulte Fisch* [11].

К «внешней» модальности относятся эпистемическая и эвиденциальная, т. е. оценка говорящим/пропозициональным субъектом степени вероятности высказывания (эпистемической модальности), либо об указании на источник информации (эвиденциальности). Речь идет о той информации, которая дополнительно сообщается к описываемому положению дел. Эти два вида значений, которые мы относим к модальным, имеют различные формы своего выражения: они могут пересекаться, а могут выступать независимо друг от друга. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

(8) *Ich fragte ihn, ob er einen Pneumothorax gemacht hätte. Er sagte, das ginge nicht mehr* [13].

(9) *Wahrscheinlich ist sie in ein, zwei Stunden wieder da* [13].

В высказывании (8) сочетание местоимения *er* и глагола говорения позволяет указать на источник информации – речь идет об эвиденциальных значениях, эпистемическая семантика не прослеживается. В следующем предложении (9) модальное слово *wahrscheinlich* использовано для передачи предположения со стороны говорящего.

Вопрос о том, относится ли категория эвиденциальности к системе модальности, до сих пор не имеет однозначного ответа. Сама по себе категория эвиденциальности включает в себя значения, сопряженные с модальными, так как говорящий может высказывать суждения, опираясь на собственные наблюдения. Мы полагаем, что довольно проблематично говорить о принадлежности/непринадлежности категории эвиденциальности к системе модальных значений применительно ко всем языкам в целом. По наблюдениям В. А. Плунгяна, есть языковые системы,

в которых эвиденциальные показатели не имеют модальной нагрузки (тибетские и калифорнийские типы, см.: [14, с. 325]), а есть системы, в которых эвиденциальность входит в сферу модальных значений. Немецкий язык не обладает эвиденциальными показателями, аналогичными тибетским и калифорнийским типам языков. Существующие указания на источник сообщаемой информации в большей или меньшей степени сопряжены с эпистемическими значениями.

Таким образом, модальность трактуется нами как категория, которая отражает «преломление отрезка действительности через сознание говорящего» [15, с. 113], модальность может быть внутренней, когда говорящий / действующее лицо оценивает объективную возможность существования ситуации, и внешней, связывающей пропозицию с говорящим и отражая его отношение к происходящему. К внутренней можно отнести «онтологическую возможность» (термин Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [10, с. 210]), или потенциальность, речь идет о модализованной пропозиции; к системе внутренней модальности можно отнести такие виды модальных значений, как деонтическая, алетическая и волеятативная модальность. К внешней модальности в немецком языке представляется целесообразным отнести эвиденциальные и эпистемические значения, поскольку зачастую они выступают во взаимодействии друг с другом. В настоящей статье будут рассмотрены функции маркеров алетической, эпистемической, эвиденциальной и контрфактической модальности в художественном тексте.

Модальные маркеры в художественном тексте

Функциональное назначение конструкций с семантикой эпистемической модальности в текстах художественного стиля варьируется в зависимости от композиционно-речевой формы и типа повествователя. Ранее нами уже было показано, что в композиционно-речевой форме «рассуждение» эти структуры служат для передачи внутренних колебаний и поиска героев. В повествовании выражается оценка возможности, правильности действий персонажей; вероятности наступления события / возможности существования того или иного факта. В композиционно-речевой форме «описание» конструкции с семантикой эпистемической модальности позволяет передать душевное состояние и переживания героев в определенный момент времени [1]. Немалую роль играет при этом характер оценки, т. е. эксплицитность/имплицитность ее выражения, а также форма речи – монолог или диалог. Так, в прямой речи часто прослеживается поиск причин событий или мотивы действий персонажей. Это можно проследить на примере новеллы С. Цвейга «Страх»: герои пытаются

ся понять причину страха тех, кого преследуют – то ли это страх наказания, то ли это попросту страх быть раскрытым:

(10) „[...] *Diese kleine Angst vor dem Wort finde ich kläglicher als jedes Verbrechen*“.

„*Meinst du ... dass es immer ... immer nur Angst ist ... die die Menschen hindert? Könnte es nicht... Könnte es nicht Scham sein... die Scham, sich auszusprechen... sich auszukleiden vor all den Menschen?*“ [...]

„*Scham, sagst du ... das ... das ist ja auch nur eine Angst ... aber eine bessere ... eine, nicht vor der Strafe, sondern ... ja, ich verstehe...*“

Er war aufgestanden, merkwürdig erregt, und ging auf und ab. Der Gedanke schien in ihm irgend etwas getroffen zu haben, das jetzt aufzuckte und sich stürmisch erregte. Plötzlich blieb er stehen.

„*Ich gebe zu... Scham vor den Menschen, vor den Fremden... vor dem Pöbel, der aus der Zeitung fremdes Schicksal frisst wie ein Butterbrot... Aber deshalb könnte man doch sich wenigstens jenen bekennen, denen man nahesteht...*“

„*Vielleicht*“ – *sie musste sich abwenden, weil er sie so ansah und sie ihre Stimme zittern spürte* – „*vielleicht... ist die Scham am größten ... denen gegenüber, denen man sich ... am nächsten fühlt*“ [...].

„*Du meinst also... du meinst...*“ – *und mit einem Male wurde seine Stimme anders, ganz weich und dunkel...* „*du meinst... dass Helene ... jemand anderem ihre Schuld leichter gestanden hätte ... der Gouvernante vielleicht ... dass sie ...*“

„*Ich bin überzeugt davon* [16].

В приведенном отрывке использованы конструкции с семантикой предположения в речи Ирены, в высказываниях ее мужа, а также в авторских комментариях. Герои пытаются понять причину поведения маленькой дочки и осторожно приводят возможные аргументы – это своего рода поиск истины и попытка выяснять для самих себя, что может заставить человека говорить не правду, а ложь. Использование конструкции с глаголом *scheinen* в высказывании автора позволяет передать его оценку внутреннего состояния персонажа. Это создает особый эффект – из контекста можно проследить психологическое напряжение участников разговора, внутреннее ожидание мужа Ирены и боязнь Ирены сказать правду о самой себе, страх говорить открыто о своих поступках. Как видно из данного отрывка, автор использует сочетание глаголов мнения с личными местоимениями, т. е. это эксплицитные модальные маркеры, позволяющие описать ситуацию, в которой герои обмениваются мнениями, а читатель наблюдает за их психологическим состоянием.

Имплицитная модальность может иметь место в художественном тексте для создания некоторой интриги или передачи психологического напряжения

одного из героев. Можно также заметить, что скептицизм, т. е. высокая степень сомнения, может усиливаться за счет включения в текст дополнительных оценочных элементов. Так, например, конструкция *sollen + Infinitiv*, используемая для указания на источник информации, одновременно может кодировать и высокую степень сомнения говорящего. Это можно проследить на примере отрывка из романа П. Зюскинда «Парфюмер»: один из героев романа Балдини, разочарованный своими неудачами на старости лет, подвергает критике всю эпоху, в которой он живет, показывая тем самым, что все, что сейчас в настоящее время происходит, лишено разумного начала, грешно, нелепо и плохо. Это внутренняя речь персонажа, в которой модальный глагол *sollen* позволяет автору нарисовать образ брюзгливого потерпевшего поражение парфюмера, не имеющего никаких шансов на успех в современном мире. Скептицизм, который просматривается в речи персонажа, выраженный модальным глаголом *sollen* во вторичном значении, подчеркивается большим количеством оценочной лексики (*geschnüffelt, herumexperimentiert, lächerlich* и т. д.):

(11) *Das Unglück des Menschen rührt daher, dass er nicht still in seinem Zimmer bleiben will, dort, wo er hingehört. Sagt Pascal. Aber Pascal war ein großer Mann gewesen, ein Frangipani des Geistes, ein Handwerker recht eigentlich, und ein solcher ist heute nicht mehr gefragt. Jetzt lesen sie aufwieglerische Bücher von Hugenotten oder Engländern. Oder sie schreiben Traktate oder sogenannte wissenschaftliche Großwerke, in denen sie alles und jedes in Frage stellen. Nichts mehr soll stimmen, alles soll jetzt plötzlich anders sein. In einem Glas Wassers sollen neuerdings ganz kleine Tierchen schwimmen, die man früher nicht gesehen hat; die Syphilis soll eine ganz normale Krankheit sein und keine Strafe Gottes mehr; Gott soll die Welt nicht an sieben Tagen erschaffen haben, sondern in Jahrmillionen, wenn er es überhaupt war; die Wilden sind Menschen wie wir; unsere Kinder erziehen wir falsch; und die Erde ist nicht mehr rund wie bisher, sondern oben und unten platt wie eine Melone – als ob es darauf ankäme! In jedem Bereich wird gefragt und gebohrt und geforscht und geschnüffelt und herumexperimentiert. Es genügt nicht mehr, dass man sagt, was ist und wie es ist – es muss jetzt alles noch bewiesen werden, am besten mit Zeugen und Zahlen und irgendwelchen lächerlichen Versuchen* [17].

Конструкция *sollen + Infinitiv*, используемая во вторичном значении в приведенном фрагменте, маркирует три дейктичных плана: (1) указание Ориго-Наблюдателя на источник информации; (2) сомнение Ориго-Наблюдателя в истинности информации и (3) сомнение повествователя в фактичности отображенных в представлении персонажа явлений реальной действительности. Последний, третий план возника-

ет за счет включения дополнительных оценочных слов во внутреннюю речь героя.

Использование дополнительных экспрессивных маркеров в сочетании с указанием на источник информации создает модально-оценочную рамку высказывания (подробнее см. [18]). Термин «эмоционально-оценочная рамка» был предложен в работе В. Г. Гака [19]. Эмоционально-оценочная рамка – это некий психологический кадр высказывания, который может находить свое выражение разными средствами и в разных местах высказывания или текста [19, с. 290]. Как правило, эмоционально-оценочные элементы группируются чаще в начале высказывания (или сверхфразового единства) или в конце его, они могут охватывать речь с обеих сторон. Тем самым происходит усиление иллокутивной силы высказывания. Как отмечает В. Г. Гак, эмотивная сила высказывания увеличивается за счет интенсивности и аргументации. Мы оперируем термином «модально-оценочная рамка», поскольку эмоции как выражение некоего отношения можно расценивать в какой-то мере и как определенный способ выражения модальности. Модальные маркеры выступают зачастую в комбинации друг с другом, в сочетании с другими оценочными показателями (слова с аксиологической семантикой, повторы, персонификации), что, в совокупности, усиливает эмоциональность высказывания. Это можно проследить и на примере отрывков из новеллы С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»:

(12) *Und ich hoffe, Sie glauben mir, wenn ich Ihnen sage, dass ich vielleicht eine Stunde lang, eine unendliche Stunde, während tausend und tausend kleine Wellenschläge des unsichtbaren Meeres die Zeit zerrissen, auf dieser Terrasse ungeschlüssig umherwanderte; so sehr erschütterte und hielt mich dies Bild der vollkommenen Zernichtung eines Menschen* [20].

(13) *ich hätte die halbe Nacht noch so wartend gestanden oder vielleicht hätte mich schließlich klügere Selbstsucht bewogen, nach Hause zu gehen, ja ich glaube sogar, dass ich bereits entschlossen war, dieses Bündel Elend in seiner Ohnmacht liegenzulassen – aber da entschied ein Übermächtiges gegen meine Unentschlossenheit* [20].

В приведенных отрывках главная героиня новеллы повествует о событиях прошлых лет, когда она пыталась помочь избавиться от своей страсти к азартным играм молодому человеку. Модальное слово *vielleicht* в сочетании с предикатами эмоциональной установки *glauben* и *hoffen*, конструкция в форме *Konjunktiv II* и использование оценочных маркеров погружают читателя в мир ее переживаний.

В некоторых случаях маркеры эпистемической оценки могут маркировать в художественном тексте онтологическую возможность, т. е. они передают не

оценку фактичности ситуации, а позволяют представить ситуацию как модализованную пропозицию, т. е. как один из существующих в объективной реальности возможных путей развития событий. В свою очередь, это позволяет понять внутренний мир персонажа. Рассмотрим это на примере отрывка из романа М. Фриша «Homo faber»:

(14) *Ich glaube nicht an Fügung und Schicksal, als Techniker bin ich gewohnt mit den Formeln der Wahrscheinlichkeit zu rechnen. Wieso Fügung? Ich gebe zu: Ohne die Notlandung in Tamaulipas (26. III.) wäre alles anders gekommen; ich hätte diesen jungen Hencke nicht kennen gelernt, ich hätte vielleicht nie wieder von Hanna gehört, ich wüsste heute noch nicht, dass ich Vater bin. Es ist nicht auszudenken, wie anders alles gekommen wäre ohne diese Notlandung in Tamaulipas. Vielleicht würde Sabeth noch leben. Ich bestreite nicht: Es war mehr als ein Zufall, dass alles so gekommen ist, es war eine ganze Kette von Zufällen. Aber wieso Fügung? Ich brauche, um das Unwahrscheinliche als Erfahrungstat-sache gelten zu lassen, keinerlei Mystik; Mathematik genügt mir.*

Mathematisch gesprochen:

Das Wahrscheinliche [...] und das Unwahrscheinliche (dass bei 6 Würfeln mit demselben Würfel einmal 6 Einsen vorkommen) unterscheiden sich nicht dem Wesen nach, sondern nur der Häufigkeit nach, wobei das Häufigere von vornherein als glaubwürdiger erscheint. Es ist aber, wenn einmal das Unwahrscheinliche eintritt, nichts Höheres dabei, keinerlei Wunder oder Derartiges, wie es der Laie so gerne haben möchte. Indem wir vom Wahrscheinlichen sprechen, ist ja das Unwahrscheinliche immer schon inbegriffen und zwar als Grenzfall des Möglichen, und wenn es einmal eintritt, das Unwahrscheinliche, so besteht für unsereinen keinerlei Grund zur Verwunderung, zur Erschütterung, zur Mystifikation [21].

В представленном фрагменте, содержащем размышления главного героя о причинах случившейся трагедии, модальные маркеры позволяют автору создать образ технократа, лишённого каких-либо предубеждений и эмоций, не верящего в судьбу и пытающегося объяснить происшедшее с научной точки зрения. Изображение событий как редкого совпадения обстоятельств и их оценка с позиции теории вероятности позволяет очертить образ главного героя: он повествует обо всем отстраненно, исключает свою личностную вовлеченность, смотрит на все взглядом стороннего наблюдателя. Если проанализировать набор языковых элементов с семантикой модальности, то можно обратить внимание на преимущественное использование существительных в сложноподчиненных с придаточными условными и причинными. Это позволяет, во-первых, приблизить сам стиль изложения к научному, а во-вторых, отсутствие

грамматических модальных маркеров служит дополнителем штрихом к портрету главного героя.

Большим выразительным потенциалом обладают показатели нереальной модальности, маркирующие события, не существующие в объективной действительности. Рассмотрим в этой связи небольшой отрывок из зарисовок Бертольдта Брехта «*Wenn die Haifische Menschen wären*»:

(15) *Wenn die Haifische Menschen wären, würden sie im Meer für die kleinen Fische gewaltige Kästen bauen lassen, mit allerhand Nahrung drin, sowohl 5 Pflanzen als auch Tierzeug. Sie würden sorgen, dass die Kästen immer frisches Wasser hätten, und sie würden überhaupt allerhand sanitäre Maßnahmen treffen. Wenn zum Beispiel ein Fischlein sich die Flosse verletzen würde, dann würde ihm sogleich ein Verband gemacht, damit es den Haifischen nicht wegstürbe vor der Zeit. Damit die Fischlein nicht trübsinnig würden, gäbe es ab und zu große Wasserfeste; denn lustige Fischlein schmecken besser als trübsinnige. Es gäbe natürlich auch Schulen in den großen Kästen. In diesen Schulen würden die Fischlein lernen, wie man in den Rachen der Haifische schwimmt. Sie würden zum Beispiel Geographie brauchen, damit sie die großen Haifische, die faul irgendwo liegen, finden könnten. Die Hauptsache wäre natürlich die moralische Ausbildung der Fischlein. Sie würden unterrichtet werden, dass es das Größte und Schönste sei, wenn ein Fischlein sich freudig aufopfert, und dass sie alle an die Haifische glauben müssten, vor allem, wenn sie sagten, sie würden für eine schöne Zukunft sorgen* [22].

В приведенном фрагменте использование формы *Konjunktiv* позволяет говорящему представить тоталитарное общество как некую фиктивную модель, существующую в его фантазии, а не в реальной действительности. Примечательно, однако, что при всей нефактичности образной картины автор прибегает к подробному описанию деталей и аргументации действий вымышленных героев. Понятно, что ситуация данного рода не существует в действительности – выразительный эффект достигается за счет текстовой метафоры. В тексте находит реализацию скрытое сравнение, а реалистичность описания и отсутствие оценочных слов максимально приближает происходящее в объективной действительности с вымышленной моделью. Если интерпретировать текст с учетом исторических событий и политической ситуации в Германии, то можно найти и скрытую эпистемичность – через текстовую метафору автор указывает на фактичность, т. е. истинность существования данной ситуации.

В художественных текстах авторы зачастую прибегают к контрфактичности, или ирреальной модальности для более точного отображения каких-то деталей, при описании действующих лиц, их внутренних

переживаний или же просто для передачи психологической атмосферы. Такого рода «вкрапления» встречаются и тогда, когда сам по себе текст выдержан в форме *Indikativ* и отображает реальные события:

(16) *Ich hörte, wie er den Hörer auf den Tisch legte, durchs Zimmer ging, und wieder hörte ich im Hintergrund dieses böse Zischen. Es hörte sich an, als wäre eine ganze Schlangenfamilie miteinander in Streit geraten: zwei männliche Schlangen und eine weibliche* [23].

В приведенном фрагменте, взятом из романа Г. Белля «*Ansichten eines Clowns*», главный герой передает свое отношение к одному из действующих лиц и его семейству. Использование формы *Konjunktiv* в сравнительной конструкции позволяет максимально точно приблизить реальную ситуацию к воображаемой.

Можно говорить и об альтернативных способах выражения контрфактичности и эпистемичности в художественном тексте. Так, зачастую предложения в форме *Indikativ* могут передавать нереальную модальность, т. е. указывать на события, не имеющие места в действительности. Рассмотрим фрагмент из стихотворной притчи Э. Кестнера «*Das Eisenbahngleichnis*» [24]¹. В ней он сравнивает жизнь людей с путешествием на поезде. В предложениях использована форма *Indikativ*; несмотря на то, что здесь нет сослагательного наклонения, сравнительных оборотов, описанные события не имеют места в объективной действительности. Это текстовая метафора, в которой Э. Кестнер сравнивает жизнь людей с путешествием, цели которого никто не знает:

(17)

Wir sitzen alle im gleichen Zug
und reisen quer durch die Zeit.
Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir fahren alle im gleichen Zug
und keiner weiß, wie weit.
Ein Nachbar schläft; ein anderer klagt;
ein dritter redet viel.
Stationen werden angesagt.
Der Zug, der durch die Jahre jagt,
kommt niemals an sein Ziel.
Wir packen aus, wir packen ein.
Wir finden keinen Sinn.
Wo werden wir wohl morgen sein?
Der Schaffner schaut zur Tür herein
und lächelt vor sich hin [...].

В приведенном фрагменте предложения, маркирующие реальную модальность, использованы для выражения контрфактической, нереальной модальности. Этот переход возможен благодаря тому, что

¹ Аналогичные мотивы прослеживаются в рассказе Ф. Дюрренматта «*Der Tunnel*» [25].

целый текст представляет собой скрытое сравнение (предложениям соответствует глубинная структура *als wäre..., als ob...*).

Еще один альтернативный скрытый способ выражения сомнения – использование глаголов мнения с местоимениями 3-го лица: указание на кого-либо как на источник информации служит маркировкой недоверия, т. е. указывает на нефактичность ситуации. Рассмотрим в этой связи фрагмент из романа Г. Бёлля «*Die Ansichten eines Clowns*»:

(18) *Ich habe mich mit Marie darüber unterhalten, ob ein Tier wohl Feierabend haben könnte, eine Kuh, die wiederkäut, ein Esel, der dösend am Zaun steht. Sie meinte, Tiere, die arbeiten und also Feierabend hätten, wären eine Blasphemie. Schlaf wäre so etwas wie Feierabend, eine großartige Gemeinsamkeit zwischen Mensch und Tier, aber das Feierabendliche am Feierabend wäre ja, dass man ihn ganz bewusst erlebt* [23].

В приведенном отрывке представлены различные взгляды на отдых героев романа: позиция Марии и главного героя, от лица которого ведется повествование. Сочетание личного местоимения *sie* с глаголом мнения *meinen*, а также использование формы *Konjunktiv II* позволяют выразить эпистемическую оценку – сомнение повествователя в истинности убеждений Марии.

Как видно из проведенного анализа, средства, выражающие совершенно различные модальные значения, на уровне текста могут функционировать как функциональные синонимы: форма *Indikativ* не всегда служит для отображения реальности, а эвиденциальные показатели в комбинации с местоимением 3-го лица позволяют расценивать позицию другой стороны как неистинную. Это становится возможным потому, что за текстом всегда стоит автор. Модальность текста – это своего рода авторская модальность. Она совмещает в себе аксиологическую оценку, различные виды субъективных модальных значений, модус реальности/ирреальности. Если на уровне предложения оценочность не входит в сферу модальных значений, то на уровне текста в сочетании с эвиденциальными показателями она может кодировать эпистемичность, т. е. оценку фактичности. В тексте воображаемый мир может быть описан посредством использования формы *Indikativ*, а реальные события – через использование формы *Konjunktiv*: автор соотносит существующую в его воображении модель с событиями реальной действительности, в результате чего ирреальная модальность способна маркировать реально происходящие события, а напротив, реальный модус позволяет отразить фиктивный мир.

Анализ фактического материала позволил сделать следующие выводы.

В художественном тексте модальные маркеры группируются с оценочными элементами, создавая

эмоционально-оценочный фон текста и переводя читателя из реального мира в мир иллюзий и представлений. Модальные маркеры могут быть использованы для более точного отображения каких-то деталей, например, для описания действующих лиц, их внутренних переживаний или для передачи психологической атмосферы.

На уровне текста модальные значения могут быть выражены немаркированными средствами: контрфактическая модальность может быть передана конструкциями в форме *Indikativ*; напротив, реальность может быть описана посредством использования формы *Konjunktiv*, а показатели эпистемической модальности могут быть использованы для передачи алетических значений.

В целом можно заключить, что маркеры алетической и эпистемической модальности, эвиденциальности и контрфактичности, использованные в художественном произведении, участвуют в создании образа автора и персонажей. В комбинации с оценочными элементами они позволяют описать внутренний мир автора как создателя произведения, отражают его ценностные установки и показывают его отношение к своим героям, способствуя выражению текстовой или авторской модальности. Именно на текстовом уровне возникает ситуация, когда показатели какого-либо одного модального значения способны маркировать другие модальные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверина А. В.* Эпистемическая модальность как языковой феномен. М. : УРСС, 2010. 192 с.
2. *Шакирова Р. Д.* Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вят. гос. гуманитар. ун-та. Филология и искусствоведение. 2010. № 2 (2). С. 89–93.
3. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeit in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier : Focus, 2011. S. 125–147.
4. *Diewald G.* Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. S. 77–110.
5. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität : Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.
6. *Fritz Th. A.* Grundlagen der Modalität // Aspekte der Verbalgrammatik (Germanistische Linguistik 154). Wiesbaden 2000a. S. 85–104.
7. *Fritz Th. A.* Wahr-Sagen : Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen (= Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft 16). Hamburg : Buske, 2000b. 231 S.
8. *Москальская О. И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и фа-

культетов иностранных языков). М. : Высшая школа, 1981. 183 с.

9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стер. М. : URSS, 2001. 416 с.

10. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 545 с.

11. *Remarque E. M.* Drei Kameraden. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2007. 345 S.

12. *Diewald G.* Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1999. 464 S.

13. *Remarque E. M.* Die Nacht von Lissabon. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 S.

14. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС, 2000. 384 с.

15. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис : учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1986. 220 с.

16. *Zweig S.* Angst. Novelle. Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH&Co., 2001. 63 S.

17. *Süskind P.* Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich : Diogenes Verlag, 1994. 319 S.

18. *Averina A.* Modalpartikeln als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens // *Lebende Sprachen* 64 (1). Berlin : De Gruyter, 2019. S. 1–15.

19. *Гак В. Г.* Языковые преобразования : виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Изд. 2-е, испр. М. : Либроком, 2010. 768 с.

20. *Zweig S.* Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. Wien : Herbert Rechner Verlag, 2014. 119 S.

21. *Frisch M.* Homo faber. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 203 S.

22. *Brecht B.* Wenn die Haifische Menschen wären // *Geschichten*. Bibliothek Suhrkamp, Band 81. Frankfurt am Main, 1962. S. 185–187.

23. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 237 S.

24. *Kästner E.* Das Eisenbahngleichnis. URL: <https://www.deutschelyrik.de/das-eisenbahngleichnis.html>

25. *Dürrenmatt F.* Der Tunnel. Erzählung. URL: <https://www.deutschunddeutsch.de/contentLD/GD/GT64tTunnel.pdf>

REFERENCES

1. *Averina A. V.* *Epistemicheskaya modalnost' kak yazykovoj fenomen* [Epistemic modality as a linguistic phenomenon]. М.: URSS, 2010. 192 p.

2. *Shakirova R. D.* Inferencial'naya evidencial'nost' i jejo raznovidnosti v sovremennom nemeckom yazyke [Inferential evidentiality and its types in the modern German] // *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i isskustvovedenije*. 2010. № 2 (2). Pp. 89–93.

3. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung [About indestructability in the

modern researches of modality] // *Modalität und Evidentialität*. Focus: Trier 2011. Pp. 125–147.

4. *Diewald G.* Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität [Modus and modal verbs – categorization options in the kernal area of modality] // *Funktionen der Modalität*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. Pp. 77–110.

5. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemicität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik [Lexical versus grammatical epistemicity and evidentiality: protective speech for clear distinction between lexis and grammar] // *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. Pp. 149–169.

6. *Fritz Th. A.* Grundlagen der Modalität [Fundament of modality] // *Aspekte der Verbalgrammatik (Germanistische Linguistik 154)*. Wiesbaden 2000a. Pp. 85–104.

7. *Fritz Th. A.* *Wahr-Sagen: Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen (= Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft 16)* [Saying the truth: Future, modality and speaker relation in German]. Hamburg: Buske, 2000b. 231 p.

8. *Moskal'skaya O. I.* *Grammatika teksta (posobie po grammatike nemeckogo jazyka dlya institutov i fakultetov inostrannykh jazykov)* [Text grammar]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 183 p.

9. *Bally Sh.* *Obshchaya lingvистика i voprosy francuzskogo jazyka* [Die allgemeine Sprachwissenschaft und Fragen des Französischen]. 2nd edition, ster. Moscow: URSS, 2001. 416 p.

10. *Bulygina T. V., Shmelyv A. D.* *Jazykovaja konceptualizacija mir (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world]. Moscow: Jazyki russkoj kultury, 1997. 545 p.

11. *Remarque E. M.* *Drei Kameraden* [Three comrades]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2007. 345 p.

12. *Diewald G.* *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität* [Modal verbs in German. Grammaticalization and polyfunctionality]. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999. 464 p.

13. *Remarque E. M.* *Die Nacht von Lissabon* [The night in Lissabon]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 p.

14. *Plungyan V. A.* *Obschschaja morfologija. Vvedenie v problematiku* [The general morphology. Introduction]. Moscow: URSS, 2000. 384 p.

15. *Gak V. G.* *Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. Syntaksis* [The theoretical grammar of French. Szntax]. Moscow: Vyshaja shkola, 1986. 220 p.

16. *Zweig S.* *Angst. Novelle* [Fear. Novel]. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH&Co., 2001. 63 p.

17. *Süskind P.* *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders* [Perfumer. The story of a murderer]. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 p.

18. *Averina A.* Modalpartikeln als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens [Modal particles as components of modal-evaluative frame] // *Lebende Sprachen* 64 (1). Berlin: De Gruyter, 2019. Pp. 1–15.

19. Gak V. G. *Jazykovye preobrazovanija: Vidy jazykovych znachenij. Faktory i sfery realizacii jazykovych preobrazovanij* [Language transformations: Types of language meanings. Factors and spheres of realization of language transformations]. Izd. 2-e, ispr. M.: Librokom, 2010. 768 p.

20. Zweig S. *Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau* [Twenty four hours from the live of one woman]. Wien: Herbert Rechner Verlag, 2014. 119 p.

21. Frisch M. *Homo faber* [Homo faber]. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 203 S.

22. Brecht B. Wenn die Haiifische Menschen wären [If the sharks were people] // *Geschichten. Bibliothek Suhrkamp*, Band 81. Frankfurt am Main, 1962. S. 185–187.

23. Böll H. *Ansichten eines Clowns* [Through the eyes of clown]. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 237 S.

24. Kästner E. *Das Eisenbahngleichnis* [A parabel about a locomotive]. Available at: <https://www.deutschelyrik.de/das-eisenbahngleichnis.html>

25. Dürrenmatt F. *Der Tunnel* [The tunnel]. Available at: <https://www.deutschunddeutlich.de/contentLD/GD/GT64fTunnel.pdf>

Московский государственный областной университет

Аверина А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии

E-mail: Anna.averina@list.ru

Moscow State Region University

Averina A. V., Doctor of Philology, Professor of the Germanic Philology Department

E-mail: Anna.averina@list.ru

Поступила в редакцию 23 сентября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Received: 23 September 2019

Accepted: 27 December 2019

Для цитирования:

Аверина А. В. Функции модальных маркеров в немецком художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

For citation:

Averina A. V. Functions of modal components in german fiction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. В. Аксенова

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

VARIABILITY OF TERMINOLOGICAL DEFINITION IN ENGLISH LINGUISTIC AND INNOVATIVE TECHNICAL DISCOURSE

T. V. Aksenova

Ogarev Mordovia State University

Аннотация: большое количество современных гуманитарных исследований посвящено проблеме дискурса и рассмотрению языковых явлений в их речевом проявлении. В частности, интерес для изучения представляет собой научный дискурс как сфера терминопорождения. На сегодняшний день вопрос терминологической и дефиниционной вариативности является актуальным в ряде исследований, однако до настоящего момента не проводился сравнительно-сопоставительный анализ специфики и причин вариативности в разных типах дискурса. Целью данного исследования является рассмотрение англоязычного лингвистического и инновационно-технического типов дискурса как особой среды терминообразования и выявление характерных особенностей вариативности терминологической дефиниции в обоих типах дискурса. В статье проводится анализ словарных и контекстуальных дефиниций наиболее употребительных терминов англоязычного лингвистического и инновационно-технического типов дискурса. В целях достижения наиболее эффективных результатов в качестве материалов исследования были выбраны описательный и сопоставительно-стилистический метод, а также метод контекстуального и лингвостилистического анализа. Были рассмотрены дефиниции терминов в универсальных и специализированных толковых словарях, а также в текстах научных работ. Отмечено, что дефиниционная вариативность наблюдается в обоих типах дискурса. Были выявлены различия между словарными и контекстуальными терминологическими дефинициями, а также между словарными статьями в универсальных и специализированных словарях. Кроме того, описываются специфические особенности вариативности в анализируемых типах дискурса. В заключение делаются выводы о причинах возникновения вариативности в англоязычном лингвистическом и инновационно-техническом типах дискурса. Отмечаются перспективы исследования в данном направлении.

Ключевые слова: дефиниция, вариативность, лингвистический дискурс, инновационно-технический дискурс, нанотехнологии.

Abstract: a large number of modern humanitarian studies are devoted to the problem of discourse and the consideration of linguistic phenomena in their speech manifestation. In particular, the scientific discourse as a sphere of term formation is of interest for study. To date, the issue of terminological and definitional variability has been relevant in a number of studies, but until now a comparative analysis of the specificity and causes of variability in different types of discourse has not been carried out. The purpose of this study is to consider the English-language linguistic and innovative-technical types of discourse as a special environment for term formation and to identify the characteristic features of definitional variability in both types of discourse. The article analyzes the dictionary and contextual definitions of the most common terms in the English-language linguistic and innovative-technical types of discourse. In order to achieve the most effective results, the descriptive and comparative-stylistic method, as well as the method of contextual and stylistic analysis, were chosen. Definitions

of terms were considered in universal and specialized explanatory dictionaries, as well as in the texts of scientific papers. Definitional variability is observed in both types of discourse. Differences are identified between vocabulary and contextual terminological definitions, as well as between vocabulary entries in universal and specialized dictionaries. In addition, the specific features of variability in the analyzed types of discourse are described. Conclusions are drawn about the causes of variability in the English-language linguistic and innovative-technical types of discourse. The author also outlines the perspectives of research.

Key words: definition, variability, linguistic discourse, innovative technical discourse, nanotechnology.

В настоящее время значительное количество научных работ посвящено понятиям речи и дискурса в связи с тем, что исследователи все чаще обращаются к парадигмальному рассмотрению языковых явлений. На сегодняшний день существует большое количество критериев классификации дискурса, в частности, по принадлежности к определенному профессиональному сообществу [1]. В рамках данной типологии выделяется научный дискурс, который послужил материалом данного исследования, поскольку именно в научном дискурсе наблюдаются процессы терминообразования.

Научный дискурс характеризуется информативностью, логичностью и точностью изложения [2, с. 128], в том числе и в терминологических дефинициях, являющихся одним из ключевых компонентов научного текста. Однако зачастую в словарях и научных работах наблюдается дефиниционная вариативность, рассмотрению которой был посвящен ряд научных работ [3; 4].

Изучая вариативность терминологической дефиниции в англоязычном инновационно-техническом дискурсе [5], мы задались вопросом, является ли подобное явление характерным для иных дисциплинарных областей. В качестве примера был выбран лингвистический дискурс, поскольку он относится к принципиально иной области знания – гуманитарной. Рассматриваемые типы дискурса отличаются друг от друга по ряду параметров. Во-первых, это предмет исследования. Инновационно-технический дискурс фиксирует результаты познания объектов реальной действительности, в то время как в центре внимания лингвистического дискурса находится язык как система знаков, вербализуемая в устной или письменной форме. Во-вторых, вышеуказанные типы дискурса отличаются продолжительностью существования и, как следствие, степенью изученности дисциплинарной области. Ввиду этого полагаем, что за терминологической вариативностью в обоих случаях кроются разные причины, которые будут освещены в рамках данной работы.

Аналізу подверглись как словарные, так и контекстуальные дефиниции наиболее употребительных терминов англоязычного сегмента лингвистического и инновационно-технического дискурса. Исследование проводилось путем описательного и сопоставительно-стилистического метода, а также

метода контекстуального и лингвистического анализа.

В качестве примера терминологической вариативности в англоязычном лингвистическом дискурсе был выбран термин *discourse*, поскольку, несмотря на длительность его активного функционирования в научном диалоге, ученые так и не сошлись в едином мнении относительно его дефиниционных характеристик.

Термин *discourse* имеет множество лингвистических определений, в основе которых лежит стремление ученых уточнить традиционные представления о речи, тексте и диалоге. История представленной точки зрения связана с именем американского ученого З. Харриса, который в 1952 г. ввел терминологическое сочетание «дискурс-анализ». Под ним исследователь подразумевал формальный метод, заключающийся в выявлении частотности употребления значимых единиц в тексте [6, р. 1]. При этом под дискурсом З. Харрис понимал «последовательность предложений, произнесенную (или написанную) одним (или более) человеком в определенной ситуации» («the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation») [6, р. 3]. Со времени первого появления термина «дискурс» в лингвистическом дисциплинарном контексте он приобрел большое количество оттенков значения. В том числе в современной лингвистике дискурс часто понимается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7, с. 8], как речь, «погруженная в жизнь» [8, с. 136–137].

В результате анализа англоязычных словарных дефиниций термина *discourse* необходимо отметить, что в целом они варьируются в зависимости от того, является ли толковый словарь универсальным (предназначенным для широкого круга читателей) или специализированным (для представителей определенной сферы знания). Так, в универсальных словарях приводится несколько (от 2 до 5) дефиниций, из которых в ряде изданий одна имеет пометку *Linguistics*. В качестве доказательства вариативности словарной дефиниции приведем примеры лингвистических определений термина *discourse* из универсальных словарей:

Linguistics. any unit of connected speech or writing longer than a sentence [9];

a *linguistic* unit (such as a conversation or a story) larger than a sentence [10];

Linguistics. A connected series of utterances; a text or conversation [11].

Данные дефиниции имеют схожие компоненты (*unit, connected, longer/larger than a sentence, conversation*), однако в целом, транслируя одно значение, имеют разную лексическую оболочку. Во всех приведенных выше примерах акцент делается на устную или письменную форму речи, а также на протяженность отрезка, рассматриваемого как дискурс. В других словарных определениях из англоязычных универсальных словарей можно встретить несколько иную трактовку понятия *discourse*:

In *linguistics*, discourse is natural spoken or written language in context, especially when complete texts are being considered [12];

linguistics written or spoken language, especially when it is studied in order to understand how people use language [13].

Вышеуказанные дефиниции дополняются экстралингвистическим компонентом, т. е. в определение включается понятие контекста и упоминаются обстоятельства, в которых используется тот или иной речевой фрагмент. Следует отметить, что в универсальных словарях, широко охватывающих значения термина, а следовательно, в большинстве случаев не указывающих отдельные нюансы его семантики, таких примеров значительно меньше (около 20 %).

Говоря о специализированных словарях, следует отметить их особенность актуализации терминологической дефиниции: она значительно обширнее дефиниции, представленной в универсальном словаре, за счет включения полных предложений, призванных подробнее характеризовать определяемую лексическую единицу:

discourse, generic term for various types of text. The term has been used with various differences in meaning... [14];

discourse, any coherent succession of sentences, spoken or (in most usage) written. Thus this entry in the dictionary is an example of discourse [15].

Помимо этого, часто термин *discourse* определяется через его противопоставление термину *text*, так, к примеру:

Discourse is linguistic communication seen as a transaction between speaker and hearer, as an interpersonal activity whose form is determined by its social purpose. *Text* is linguistic communication (either spoken or written) seen simply as a message coded in its auditory or visual medium [16].

Discourse analysis focusses on the structure of naturally occurring spoken language, as found in such

«discourses» as conversations, interviews, commentaries, and speeches. *Text* analysis focusses on the structure of written language, as found in such «texts» as essays, notices, road signs, and chapters [17].

Посредством противопоставления двух понятий, которые сближаются в ряде теорий, дефиниция термина в специализированных словарях становится еще более протяженной, но в то же время охватывает больше дефиниционных нюансов.

Вследствие этого можно говорить о том, что специализированные лингвистические словари отличаются большей вариативностью по сравнению с универсальными толковыми словарями, во-первых, за счет развернутого характера словарных статей, а во-вторых, из-за различия в авторской точке зрения на описываемый феномен. В этом проявляется их сходство с контекстуальными дефинициями, представленными в статьях, которые, в свою очередь, еще более многообразны и имеют свою специфику.

В ряде случаев авторы прибегают к цитированию словарных дефиниций, например, С. Миллз в книге с одноименным названием «Discourse» приводит дефиниции базового термина из Collins Concise English Dictionary, Longman Dictionary of the English Language и Collins Robert Concise French Dictionary с целью продемонстрировать эволюцию данного понятия:

...if we take even the simplest route through its [the general use of the term] history we can see a shifting from the highlighting of one aspect of usage to another [18].

Еще в одном примере цитирования словарной дефиниции автор ссылается на Oxford Concise Dictionary of Linguistics, но при этом слова «in other words» – «другими словами» – подчеркивают тот факт, что словарная дефиниция используется лишь в качестве подтверждения позиции автора:

In other words *discourse* is 'any coherent succession of sentences, spoken or written' (Matthews, 2005:100) [19].

Собственно авторская дефиниция, приведенная в начале работы, значительно более развернутая:

Discourse is the creation and organization of the segments of a language above as well as below the sentence. [...] the adduced meaning is always beyond the sentence. The term discourse applies to both spoken and written language... [...] Discourse cannot be confined to sentential boundaries. It is something that goes beyond the limits of sentence [19].

Данная контекстуальная дефиниция значительно объемнее определений, представленных в словарях, поскольку сложность и неоднозначность понятия *discourse* практически невозможно передать в коротком текстовом отрезке. Формат научной статьи позволяет автору уделить внимание большому количеству значений рассматриваемого термина, а также подчер-

кнуть, во-первых, организацию дискурса, во-вторых, его протяженность, в-третьих, письменную или устную форму речи и, наконец, в-четвертых, смысл, который выходит далеко за рамки предложения.

Иногда авторы в локальном контексте своей работы приводят определения дискурса как лексемы естественного языка и как лингвистического термина, тем самым наглядно показывая разницу между ними:

«*discourse*» with a little «d», to me, means connected stretches of language that make sense, so «*discourse*» is a part of «*Discourse*» [20].

Таким образом, при рассмотрении дефиниций термина *discourse* из различных источников (универсальных толковых словарей, специализированных лингвистических словарей и научных статей) можно прийти к выводу, что им свойственна вариативность, причем чаще всего она наблюдается в специализированных словарях и тексте научных статей. Причиной тому, в первую очередь, служит различие авторских точек зрения на феномен дискурса. В ходе развития научной мысли понятие дискурса эволюционировало, приобретая новые оттенки значения, однако при этом в лингвистической практике закрепилось и первоначальное понимание дискурса, что привело к множественности его значений и вариативности терминологической дефиниции.

В рамках англоязычного инновационно-технического дискурса для дефиниционного анализа был выбран термин *nanotechnology*, который, наряду с термином *discourse* в лингвистике, является одним из наиболее употребительных в своей области знания. История существования термина *nanotechnology* несколько короче, чем термина *discourse*. Впервые он был введен в употребление японским исследователем Н. Танигучи в 1974 г. и означал манипуляции с материалами, размер которых менее одного микрона («the processes of separation, consolidation, and deformation of materials by one atom or one molecule» [21]). С того времени определение нанотехнологий в основном осталось неизменным. Что примечательно, и в универсальных, и в специализированных словарях одним из ключевых аспектов дефиниции выступает размер объектов и манипуляции с ними на атомном или молекулярном уровнях:

the manipulation of materials on an atomic or molecular scale especially to build microscopic devices (such as robots) [10];

the branch of technology that deals with dimensions and tolerances of less than 100 nanometres, especially the manipulation of individual atoms and molecules [11];

the engineering of functional systems at the molecular scale [22];

the understanding and control of matter at the nanoscale, at dimensions between approximately 1 and 100

nanometers, where unique phenomena enable novel applications [23].

Вышеприведенные примеры, взятые из универсальных и специализированных словарей, доказывают тот факт, что термин *nanotechnology* не имеет ключевых дефиниционных отличий. Вариативность затрагивает упоминание размеров объектов: в ряде случаев данная информация опускается, однако всегда фигурирует атомный или молекулярный уровень. Наблюдаются отличия в родовом понятии дефиниенса (определяющей части) (*manipulation, engineering, understanding and control*). Кроме того, в ряде дефиниций фигурирует дополнительная информация, а именно цель нанотехнологий (*to build microscopic devices*) или специфика материалов на наноуровне (*where unique phenomena enable novel applications*). Однако следует подчеркнуть, что, в отличие от термина *discourse*, дефиниционная вариативность термина *nanotechnology* в словарях в основном относится к плану выражения, нежели к плану содержания, что свидетельствует о единодушии исследователей в вопросах понятия нанотехнологий.

Переходя к контекстуальным дефинициям термина *nanotechnology*, стоит отметить еще одно существенное отличие лингвистического от инновационно-технического дискурса: это распределение текстов согласно собственно научному и научно-популярному подстилям. Область nanoисследований является одним из передовых научных направлений на сегодняшний день, что делает ее интересной для широкой публики. Этим, на наш взгляд, объясняется большое количество научно-популярной литературы на эту тему. В то же время объектом изучения лингвистики являются язык и речь, существующие многие сотни лет, и лингвистические исследования в основном направлены на развитие методологии анализа уже существующего феномена, а не на изобретение и создание новых объектов. Очевидно, что меньшее количество людей заинтересовано в подобных исследованиях нематериального проявления механизма мышления, что находит отражение в значительно меньшем количестве научно-популярных лингвистических текстов. Таким образом, вариативность контекстуальной дефиниции термина *nanotechnology* преимущественно рассматривалась в сравнении собственно научного и научно-популярного подстилей.

В первую очередь, необходимо сказать, что в текстах собственно научного подстиля термин *nanotechnology* крайне редко сопровождается дефиницией (7 % случаев), поскольку принадлежит к числу базовых и не нуждается в пояснении экспертам данной области. Тем не менее можно встретить подобные примеры:

Nanotechnology is a rapidly advancing and truly multidisciplinary field involving subjects such as physics, chemistry, engineering, electronics and biology. Its aim is to advance science at atomic and molecular level in order to make materials and devices with novel and enhanced properties. The potential applications are exceptionally diverse and beneficial, ranging from self-cleaning windows and clothes to ropes to tether satellites to the earth's surface, to new medicines [24].

Данная дефиниция указывает на базовые характеристики термина, отмечаемые и в словарях: уровень манипуляции с объектами (*atomic and molecular level*) и цель нанотехнологий (*to make materials and devices with novel and enhanced properties*). Вместе с тем автор расширяет определение, упоминая смежные научные дисциплины (*physics, chemistry, engineering, electronics and biology*) и потенциальную область применения достижений науки (*from self-cleaning windows and clothes to ropes to tether satellites to the earth's surface, to new medicines*). В этом случае определения термина *nanotechnology* структурно сходны с определениями термина *discourse*: они указывают основные характеристики понятия и более подробно описывают отдельные его нюансы.

Что касается научно-популярного подстиля, то в нем базовые термины инновационно-технического дискурса, в том числе *nanotechnology*, практически всегда сопровождаются дефиницией (95 % случаев):

Nanotechnology is a field of research and innovation concerned with building 'things' ... on the scale of atoms and molecules. A nanometre is one-billionth of a metre: ten times the diameter of a hydrogen atom. The diameter of a human hair is, on average, 80,000 nanometres [25];

Nanotechnology is the study and manipulation of matter at incredibly small sizes, generally between one and 100 nanometers. To put this in perspective, a piece of paper is about 100,000 nanometers thick [26].

В целом, дефиниции термина *nanotechnology* в научно-популярном стиле по затрагиваемым характеристикам практически не отличаются от словарных или собственно научных дефиниций. Основное отличие заключается в пояснении размеров наноуровня и сравнении их с такими осязаемыми объектами, как человеческий волос или бумага. Для экспертов в области нанотехнологий подобное уточнение было бы излишне, как, впрочем, и определение нанотехнологий в целом.

В ряде случаев авторы научно-популярного текста используют неформальный стиль речи, чтобы сделать текст более привлекательным для читателя, не имеющего отношения к инновационным технологиям:

Nanotechnology is the application of these nanostructures into useful nanoscale devices. ... To explain that, it's important to understand that the nanoscale isn't just small, it's a special kind of small [27].

Nanotechnology is the study of what happens when things get very, very small – only a few atoms in size [28].

Так, в обоих примерах авторы подчеркивают размер наноуровня с помощью элементов разговорного стиля (*isn't just small, it's a special kind of small; when things get very, very small*).

Подводя итог анализу дефиниций термина *nanotechnology* в словарях и тексте научных работ, можно сказать, что их вариативность преимущественно затрагивает форму, посредством которой актуализуется определение. Авторы могут дополнять дефиницию информацией, которая при этом не меняет ее сути, либо прибегать к неформальному стилю речи с целью привлечения более широкой аудитории.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы относительно вариативности терминологической дефиниции в англоязычном лингвистическом и инновационно-техническом дискурсе. Во-первых, выбор ключевых терминов обеих областей знания позволил проанализировать большое количество примеров их определений как в словарях (универсальных и специализированных), так и в тексте научных работ. Во-вторых, независимо от продолжительности функционирования термина его дефиниция вариативна. В-третьих, дефиниционная вариативность терминов *discourse* и *nanotechnology* различна. В лингвистическом дискурсе речь в основном идет о парадигмальных отличиях, т. е. дефиниция отражает принципиальные отличия в авторских точках зрения на характеризуемый феномен. В случае с инновационно-техническим дискурсом наблюдаются изменения в плане выражения соответственно целевой аудитории. Большое количество текстов области нанотехнологий написано в научно-популярном стиле, что приводит к значительным различиям в плане выражения, однако это практически не затрагивает план содержания.

Говоря о перспективах исследования, следует отметить, что сложно прогнозировать поведение терминологической дефиниции в обоих типах дискурса применительно к менее распространенным или вновь появляющимся терминам. Вследствие этого представляет интерес их сравнительно-сопоставительный анализ, а также рассмотрение терминологической вариативности в дискурсах, смежных с лингвистической и инновационно-технической областями знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова С. А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 345–349.
2. Зорина Ю. В. К вопросу о некоторых специфических чертах научного дискурса // Международный на-

учно-исследовательский журнал. 2018. № 8 (74). С. 128–131.

3. Григорьев Г. В., Ручкина Е. М., Васильев Л. Г. Состояние развития понятийно-структурной организации терминологии через призму парадигматических отношений и вариативности терминологических дефиниций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 244–251.

4. Кантышева Н. Г. Дефиниционная и контекстуальная многозначность термина «номенклатура» // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 83–92.

5. Свойкин К. Б., Яшина Т. В. Инновационно-техническая терминология в аспекте субтекста адресации // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3 (19). С. 141–145.

6. Harris Z. Discourse analysis // *Language*. 1952. V. 28, № 1. Pp. 1–30.

7. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 5–11.

8. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

9. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com>

10. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com>

11. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>

12. Collins. Pioneers in dictionary publishing since 1819. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

13. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>

14. Bussmann H. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. Taylor & Francis e-Library, 2006. 1335 p. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/142124/Routledge_Dictionary_of_Language_and_Linguistics.pdf

15. Matthews P. H. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford University Press, 2007. 443 p.

16. Hawthorn J. *A Concise Glossary of Contemporary Literary Theory*. Arnold, London, 1992. 288 p.

17. Crystal D. *The Cambridge Encyclopaedia of Language*. Cambridge University Press, 1987. 472 p.

18. Mills S. Discourse. Taylor & Francis e-Library, 2001. 188 p. URL: <https://analepsis.files.wordpress.com/2011/08/discourse-sara-mills.pdf>

19. Sharma V. K., Sharma M. K. Linguistic discourse analysis: Introduction and structure // Call for papers. 2010. URL: <http://call-for-papers.sas.upenn.edu/node/39688>

20. Gee J. P. Literacy, discourse and linguistics // *Journal of Education*. 1989. Vol. 171, No. 1. Pp. 5–14.

21. Taniguchi N. On the Basic Concept of «Nano-Technology» // Proc. Intl. Conf. Prod. Eng. Tokyo. Part II. Japan Society of Precision Engineering, 1974. URL: <http://library.thinkquest.org/05aug/01179/norio.html>

22. What is nanotechnology? // Center for Responsible Nanotechnology. URL: <http://www.crnano.org/whatis.htm>

23. National Nanotechnology Initiative. URL: <http://www.nano.gov/>

24. From Nautilus to nanobo(a)ts: the visual construction of nanoscience // AzoNano. URL: <https://www.azonano.com/article.aspx?ArticleID=1466>

25. What is nanotechnology and what can it do? // AzoNano. URL: <https://www.azonano.com/article.aspx?ArticleID=1134>

26. ChemicalSafetyFacts.org. URL: <https://www.chemicalsafetyfacts.org/nanotechnology/>

27. Ratner M. Ratner D. *Nanotechnology: A gentle introduction to the next big idea*. Prentice Hall, New Jersey, 2002. 133 p.

28. What is nanotechnology? // Science Friday. URL: <https://www.sciencefriday.com/educational-resources/what-is-nanotechnology/>

REFERENCES

1. Danilova S. A. Tipologiya diskursa [Typology of discourse]. In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. 2015. № 1. Pp. 345–349.

2. Zorina Yu. V. K voprosu o nekotorykh spetsificheskikh chertakh nauchnogo diskursa [To the question of some specific features of scientific discourse]. In *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2018. № 8 (74). Pp. 128–131.

3. Grigor'ev G. V., Ruchkina E. M., Vasil'ev L. G. Sostoyanie razvitiya ponyatiyno-strukturnoj organizatsii terminologii cherez prizmu paradigmaticeskikh otnoshenij i variativnosti terminologicheskikh definitzij [The state of development of the conceptual and structural organization of terminology through the prism of paradigmatic relations and variability of terminological definitions]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2019. Vol. 12, No. 4. Pp. 244–251.

4. Kantysheva N. G. Definiionnaya i kontekstual'naya mnogoznachnost' termina «nomenklatura» [Definitional and contextual polysemy of the term “nomenclature”]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Modern Humanitarian Research. Humanitates]. 2015. Vol. 1. № 4 (4). Pp. 83–92.

5. Svojkin K. B., Yashina T. V. Innovatsionno-tehnicheskaya terminologiya v aspekte subteksta adresatsii [Innovative technical terminology in the aspect of the subtext of addressing]. In *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education]. 2014. № 3 (19). Pp. 141–145.

6. Harris Z. Discourse analysis. In *Language*. 1952. Vol. 28. № 1. Pp. 1–30.

7. Karaulov Yu. N., Petrov V. V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa [From text grammar to cognitive theory of discourse]. In *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. Pp. 5–11. (In Russ.).

8. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse] In *Lingvističeskij ehntsiklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Ehntsiklopediya, 1990. Pp. 136–137.
9. Dictionary.com. Available at: <https://www.dictionary.com>
10. Merriam-Webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com>
11. English Oxford Living Dictionaries. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com>
12. Collins. Pioneers in dictionary publishing since 1819. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>
13. Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com>
14. Bussmann H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. Taylor & Francis e-Library, 2006, 1335 p. Available at: https://www.e-reading.club/bookreader.php/142124/Routledge_Dictionary_of_Language_and_Linguistics.pdf
15. Matthews P. H. Oxford Concise Dictionary of Linguistics. Oxford University Press, 2007, 443 p.
16. Hawthorn J. A Concise Glossary of Contemporary Literary Theory. Arnold, London, 1992, 288 p.
17. Crystal D. The Cambridge Encyclopaedia of Language. Cambridge University Press, 1987, 472 p.
18. Mills S. Discourse. Taylor & Francis e-Library, 2001, 188 p. Available at: <https://analepsis.files.wordpress.com/2011/08/discourse-sara-mills.pdf>
19. Sharma V. K. Linguistic discourse analysis: Introduction and structure. In *Call for papers, 2010*. Available at: <http://call-for-papers.sas.upenn.edu/node/39688>
20. Gee J. P. Literacy, discourse and linguistics. In *Journal of Education*. 1989. Vol. 171. No 1. Pp. 5–14.
21. Taniguchi N. On the Basic Concept of «Nano-Technology». In *Proc. Intl. Conf. Prod. Eng. Tokyo*. Part II. Japan Society of Precision Engineering, 1974. Available at: <http://library.thinkquest.org/05aug/01179/norio.html>
22. What is nanotechnology? In Center for Responsible Nanotechnology. Available at: <http://www.crnano.org/whatis.htm>
23. National Nanotechnology Initiative. Available at: <http://www.nano.gov/>
24. From Nautilus to nanobo(a)ts: the visual construction of nanoscience. In AzoNano. Available at: <https://www.azonano.com/article.aspx?ArticleID=1466>
25. What is nanotechnology and what can it do? In AzoNano. Available at: <https://www.azonano.com/article.aspx?ArticleID=1134>
26. ChemicalSafetyFacts.org. Available at: <https://www.chemicalsafetyfacts.org/nanotechnology/>
27. Ratner M. Nanotechnology: A gentle introduction to the next big idea. Prentice Hall, New Jersey, 2002. 133 p.
28. What is nanotechnology? In Science Friday. Available at: <https://www.sciencefriday.com/educational-resources/what-is-nanotechnology/>

Мордовский государственный университет имени
Н. П. Огарёва

Аксенова Т. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии

E-mail: tatiana.aksenova88@mail.ru

Поступила в редакцию 31 августа 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Аксенова Т. В. Вариативность терминологической дефиниции в англоязычном лингвистическом и инновационно-техническом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2732>

Ogarev Mordovia State University
Aksenova T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology

E-mail: tatiana.aksenova88@mail.ru

Received: 31 August 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Aksenova T. V. Variability of terminological definition in english linguistic and innovative technical discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2732>

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Овчинникова

Воронежский государственный университет

PHRASE AND SENTENCE PREMODIFIERS IN MODERN ENGLISH

N. I. Ovchinnikova

Voronezh State University

Аннотация: настоящая работа посвящена изучению фразеологических и сентенциальных атрибутов, которые представляют сравнительно новое и малоизученное явление в английском языке. Их использование демонстрирует современные тенденции в развитии языка, такие как стремление к экономической экспрессии и эмоционально маркированному описанию ситуации. Изучаемые сложные синтаксические конструкции со специфическим графическим оформлением на письме являются своеобразными единицами косвенной номинации признака, отражающими индивидуальное, субъективно-эмоциональное восприятие предметов и ситуаций. На материале корпусных данных, полученных из современной художественной литературы на английском языке, выявляются способы осложнения премодификационных сочетаний, когда атрибутивную функцию выполняют словосочетание или целое предложение. В ходе исследования анализируются основные структурно-семантические и комбинаторные особенности рассматриваемых конструкций. Доминирующим типом являются фразеологические атрибуты, компоненты которых связаны сочинительной связью и реализуют синонимичные или антонимичные отношения. Они обладают разной степенью устойчивости и могут быть фиксированными и грамматически свободными, выражающими оригинальный предмет авторской мысли. Количество контекстов с сентенциальными атрибутами значительно уступает количеству фразео-атрибутивных словосочетаний. Показано, что они представляют некий аналог прямой речи персонажа и дают автору возможность более точно и экспрессивно передать чувства героя, поскольку для оценки эмоционального состояния в описании вводятся воображаемые слова человека.

Ключевые слова: фразеологические атрибуты, сентенциальные атрибуты, премодификационные словосочетания, сочинительные и подчинительные словосочетания, биномы.

Abstract: this paper is devoted to the study of phrase and sentence attributes, which represent a relatively new phenomenon in modern English and have not been thoroughly analysed. Their use demonstrates current trends in language development, such as the desire for economical expression and emotionally marked description of the situation. The studied complex syntactic constructions with nonstandard spelling are peculiar units of indirect nomination of a characteristic, reflecting the individual, subjective emotional perception of objects and situations. The corpus data obtained from modern English fiction reveals the ways to complicate premodifying combinations when the attributive function is performed by phrases or even sentences. In the course of the study, the main structural-semantic properties and combinatory features of the constructions under consideration are studied. The dominant type is coordinative phrase premodifiers, which realize synonymous or antonymous relations. They have various degrees of stability and can be fixed and grammatically free, expressing the author's attitude towards the subject. The number of contexts with sentence premodifiers is significantly inferior to the number of phrase attributes. It is shown that they represent a certain analogue of the character's direct speech and allow the author to convey the feelings of the hero more accurately and expressively, since imaginary words of a person are introduced into the description of the emotional state.

Key words: phrase attributes, sentence premodifiers, premodifying phrases, coordinate and subordinate phrases, binominals.

Современный английский язык стремится к экономии языковых средств, и эта тенденция охватывает не только лексический, но и синтаксический уровни. Он является высоковалентным, поэтому элементы языка с легкостью могут вступать в разнообразные связи друг с другом. Стараясь подобрать наиболее точные и емкие средства выражения смыслов, говорящий избегает длинных фраз, предпочитая им более компактные синтаксические структуры.

Ярким примером подобных тенденций развития современного английского языка являются рассматриваемые в данной работе атрибутивные словосочетания, где в функции препозитивного определения выступает словосочетание и даже целое предложение, или так называемые дефисные композиты: *Their day-after-day complaints; She said it in a I-will-miss-hanging-out-with-you manner*. Они представляют собой максимально сжатые и неделимые лексико-грамматические комплексы с особым графическим написанием через дефис, «спрессованные» в одно смысловое целое. Как отмечают авторы отечественных грамматик английского языка, в условиях препозитивного замыкания определения между детерминативом и существительным создаются возможности для использования широкого спектра средств модификации имени, вплоть до предикативных единиц, «стянутых» в слово [1, с. 201]. Употребление таких эмоционально-маркированных структур нашло отражение в устном разговорном языке, хотя они и плохо различимы на слух, так как не обладают особым интонационным рисунком. Атрибутивные дефисные композиты стали широко использоваться авторами современных художественных произведений для передачи индивидуальных особенностей персонажа, лаконичного уточнения разнообразных оттенков значений. Они также характерны для новостного дискурса, поскольку апеллируют к образным ассоциациям и способны к небанальному отражению ситуации, что свойственно, например, масс-медийному дискурсу по предвыборной тематике: *Do-or-die moment for Republicans* [2, с. 146].

Материалом настоящего исследования послужили контексты в количестве 500 единиц, собранные из произведений современной англоязычной художественной литературы. Изучаемые сложные синтаксические конструкции со специфическим графическим оформлением на письме являются своеобразными единицами номинации, отражающими индивидуальное, субъективно-эмоциональное восприятие предметов, событий, ситуаций и их качеств. Они служат средством косвенной номинации признака, являющимся непрямым, опосредованным выражением содержательных звеньев предложения, например, в русском языке: Принеси чем отрезать (нож, ножницы) [3, с. 64]. Особый интерес для изучения представляют

разнообразные оттенки значений, которые несут в себе сложные структуры, стянутые в одно слово. Английские грамматисты отмечают, что они могут служить для выражения шутливо-ироничного отношения автора к своему герою или ко всей ситуации (have an air of the outrageous and improvised): *He was being the boss again, using the it's-my-money-now-do-as-you-are-told voice*; или презрительного отношения: *Miss what's-her-name* [4, p. 1337].

Премодификационные сочетания являются особым «экологически чистым» языковым механизмом, где проявляется творчество носителей языка, стремление в одной лексической единице глубоко и многосторонне описать явления окружающей действительности. Вполне ожидаемо, что такие возможности не в полной мере осваиваются неносителями языка, хотя и в русском языке тенденция к употреблению сложных определительных конструкций с написанием через дефис проявляется все чаще: *Чуть ли не половину мастерской занимал невероятный, обеденно-рабоче-раскройно-чертежный стол, на котором и за которым у обитателей этого дома была сосредоточена изрядная часть жизни* [5].

При изучении атрибутивных сочетаний перед исследователем остро встает вопрос о трудности перевода подобных структур. Основная проблема заключается в том, как доподлинно передать смысл определения, сохранив оттенок разговорности и многообразие компонентов, входящих в его состав. Если с переводом таких простых определений, как комбинация «существительное + существительное», трудностей практически не возникает, то процесс перевода стянутых словосочетаний или предложений на русский язык вызывает сложности, например: *He is a quick-to-take-offence man* – Он человек, который легко обижается; *set-the-Thames-afire gentlemen* – Господа, которые хотят удивить мир. Перевод подобных структур на русский язык довольно часто осуществляется путем введения придаточного определительного. Корректный описательный перевод зачастую не имеет формальной близости с оригиналом, однако в целом он создает определенную степень эквивалентности, раскрывает информативное содержание специфических национальных конструкций.

Полученные в результате данного исследования контексты можно условно разделить на две неравновеликие группы: фразеосочетания (90 % единиц) и стянутые предложения (10 % единиц) в атрибутивной позиции.

В рамках первой группы примеров компоненты словосочетаний в функции препозитивного определения реализуют два типа синтаксической связи и могут быть подразделены на сочинительные (55 % единиц) и подчинительные (45 % единиц).

Элементы сочинительных словосочетаний традиционно связаны сочинительными союзами *and*, *or* или *but*. В рамках сочинительных сочетаний были обнаружены фразеотрибуты с разной степенью устойчивости: фиксированные и грамматически свободные, являющиеся оригинальным предметом авторской мысли. Компоненты подобных словосочетаний могут реализовывать синонимичные или антонимичные отношения. Доминирующим типом фразеотрибутов являются коллокации, т. е. лексически неделимые, устойчивые в своем составе и структуре, целостные по значению словосочетания, воспроизводимые в виде готовых речевых единиц. Лексическое значение таких словосочетаний, равно как и особое графическое оформление с написанием через дефис, закрепилось в словарях и стало языковой нормой: *a black-and-white photograph, film; It was definitely going to happen, one of those sooner-or-later events*. Такие устойчивые сочетания называются лингвистами по-разному: фразеологическими биномами [6, p. 233] или «сиамскими близнецами» [7, с. 92].

Первое место по частотности употребления занимают конструкции, состоящие из лексических синонимов, двух полнозначных слов со сходной семантикой, связанных сочинительным союзом *and*. Они, как правило, переводятся на русский язык либо простым определением: *The wink-and-handshake deal* – устная договоренность; либо синонимичными прилагательными: *She had some kind of shabby-and-worn-out clothes on* – потертая и изношенная одежда.

Интересна группа биномов, компоненты которых связаны антонимичными отношениями. Находясь в одной стяжательной конструкции, они представляют собой единое целое, но имеют противоположное значение и выражают разделительные или противительные отношения: *That was a life-or-death attempt* – чрезвычайно отчаянная попытка; *I said an unbelievable-but-true thing* – нечто невероятное, но правдивое.

Среди проанализированных примеров частотны биномы, построенные по принципу аллитерации, придающей сочетанию особую звуковую выразительность, в основном с антонимичным значением элементов: *It was not a routine, dusk-and-dawn talk of trusted relationship; I felt the fight-or-flight reflex*. В данных контекстах повторение согласных звуков [d] или [f] придает словосочетаниям особое звучание и экспрессию. Подобные сочетания-повторы усиленного характера на основе аллитерации или ассонанса встречаются и в русской разговорной традиции, например, всем известные выражения «фокус-покус», «тяп-ляп», «умница-разумница».

Подчинительные фразеотрибуты можно классифицировать, опираясь на следующие критерии: 1) по ядерному элементу словосочетания (субстантивные,

глагольные, адъективные, адвербиальные и предложные словосочетания); 2) по степени слияния компонентов словосочетания (свободные и фразеологически несвободные словосочетания).

Подавляющее большинство подчинительных словосочетаний является субстантивными (64 % контекстов) и представляют комбинацию *noun-of-noun*. Кроме того, большинство таких словосочетаний фразеологизированы: *word-of-mouth news* – неподтвержденная информация, слухи, *a spur-of-the-moment thing* – спонтанное решение.

Интересны подчинительные адъективные словосочетания, которые составляют сравнительно небольшую (15 % контекстов), но разнообразную по формам группу. Фразеосочетания могут формироваться прилагательными в положительной степени с предложным дополнением: *ready-to-eat chicken dishes*, а также прилагательными в сравнительной степени в рамках сравнительного оборота с оценочной семантикой: *He was one of those larger-than-life figures*.

Фразеотрибуты, как правило, вводят разнообразные характеристики внешнего вида (улыбка, выражение лица), голоса, поведения, манер персонажа и преимущественно имеют в правостороннем окружении существительные *look* – взгляд и *face expression* – выражение лица. *He gave her a naughty-boy look* – автор передает семантику вызова, дерзости, используя уже имеющийся в сознании читателя образ «naughty boy».

Премодификационные сочетания с использованием целого предложения – менее частотное, но интереснейшее явление в современном английском языке. И если фразеотрибуты в большинстве своем представляют устойчивые сочетания слов, ставшие общеупотребительными, то для синтаксических атрибутов характерен более разговорный, сленговый оттенок. Такие предложения являются предметом авторской мысли и могут противоречить установленным языковым нормам как в лексическом, так и в грамматическом плане, сохраняя при этом свой уникальный, иногда ироничный, выразительный характер. Однако в последнее время, по свидетельству Р. Кверка, некоторые из сочетаний становятся настолько частотными в употреблении, что переходят в разряд фразеологически устойчивых. Например, *do-it-yourself shop (DIY)* – сделай сам, утратило свой оригинальный оттенок и стало общепринятым [4, p. 1338].

Число собранных примеров с синтаксическими атрибутами (10 % случаев) значительно уступает количеству фразеотрибутивных словосочетаний. В результате анализа подобных структур было выявлено, что они представляют некий аналог прямой речи персонажа. Это позволяет автору более точно и экспрессивно передать чувства героя, поскольку для

оценки эмоционального состояния в описание вводятся воображаемые слова человека. В позиции субъекта рассматриваемых конструкций, как правило, используется личное местоимение 1-го лица: *I have a nasty churning in my stomach. That kind of I-don't-want-to-go-to-school sensation* – такое чувство, что я не хочу идти в школу.

Собранные синтаксические атрибуты можно подразделить по цели высказывания. Наиболее частотными из рассмотренных контекстов являются утвердительные предложения (81 % примеров). *We made an odd couple – with long well's pressed and pleated khaki pants and my I-keep-meaning-to-do-laundry blue jeans*. Императивные предложения с семантикой побуждения к какому-либо действию, просьбы или приказа, а также вопросительные предложения гораздо менее распространены: *He paused and looked at him with stop-playing-tricks-with-me look; How-did-you-know-that voice*.

В изучаемых конструкциях могут быть выражены различные модальные оттенки значений, например, возможности/невозможности: *I couldn't handle her I-can't-make-my-daughter's-dreams-come-true sad face*; или уверенности/неуверенности: *His progressive the-young-must-be-right attitude*.

Изучаемые синтаксические атрибуты характеризуют взгляд, выражение лица, голос, манеры и чувства человека, и в своем правостороннем окружении зачастую имеют лексемы – *look, voice, manner*. *She still has that don't-you-touch-me look; Don't-argue-with-me voice*. Интересно, что в препозиции таких композитов в основном используются детерминанты существительных – указательные и притяжательные местоимения *that, her, his*, указывающие на то, что такая манера поведения характерна для персонажа: *The girl was wearing her nothing-really-matters face* – ее типично безразличное выражение лица.

Таким образом, изучение фразеологических и синтаксических атрибутов в английском языке может дать более глубокое понимание современных динамических тенденций в области синтаксиса, реализующихся в процессе речевой деятельности говорящего или пишущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1981. 285 с.
2. Николаева О. В. Прагматический потенциал атрибутивных композитов в американском масс-медийном дискурсе по предвыборной тематике // Филологи-

ческие науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 9 (63) : в 3 ч. Ч. 3. С. 146–149.

3. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.

4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. New York : Longman Inc., 1985. 1779 p.

5. Чекулаева Т. А. Атрибутивные конструкции с внутренней предикацией в современном английском языке. URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Philologia/43964.doc.htm

6. Benor S. B., Levy R. The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials // Language 82. Edinburgh : University of Edinburgh, 2006. Pp. 233–278.

7. Лукьянченко Е. А. Феномен фразеологических биномов в английском языке и их передача на русский язык // Филологические науки в МГИМО. М., 2011. № 45 (60). С. 92–94.

REFERENCES

1. Ivanova I. P., Burlakova V. V., Pocheptsov G. G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka: uchebnik dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Theoretical grammar of modern English: textbook for students of institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 285 p.

2. Nikolaeva O. V. *Pragmaticheskij potentsial atributivnykh kompozitov v amerikanskom mass-medijnom diskurse po predvybornoj tematike* [Pragmatic potential of attributive composites in the American mass media discourse on electoral topics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. № 9 (63). Part 3. Pp. 146–149.

3. Lomov A. M. *Tipologiya russkogo predlozheniya* [Typology of Russian sentences]. Voronezh: Izdatelstvo VSU, 1994. 280 p.

4. Quirk R. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. New York: Longman Inc., 1985. 1779 p.

5. Chekulaeva T. A. *Atributivnye konstruksii s vnutrennej predikatsiej v sovremennom anglijskom yazyke* [Attributive constructions with inner predication in modern English]. Available at: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Philologia/43964.doc.htm

6. Benor S. B., Levy R. *The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials*. Language 82. Edinburgh: University of Edinburgh, 2006. Pp. 233–278.

7. Luk'yanchenko E. A. *Fenomen frazeologicheskikh binomov v anglijskom yazyke i ikh peredacha na russkij yazyk* [The phenomenon of phraseological binomials in the English language and their transfer to the Russian language]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. № 45 (60). Moscow: MGIMO-Universitet, 2011. Pp. 92–94.

Воронежский государственный университет
Овчинникова Н. И., кандидат филологических
наук, доцент кафедры английской филологии
E-mail: nata_o@inbox.ru

Voronezh State University
Ovchinnikova N. I., Candidate of Philology, Associate
Professor of the English Philology Department
E-mail: nata_o@inbox.ru

Поступила в редакцию 16 сентября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Received: 16 September 2019

Accepted: 27 December 2019

Для цитирования:

Овчинникова Н. И. Фразеологические и синтаксические атрибуты в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 77–81. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2733>

For citation:

Ovchinnikova N. I. Phrase and sentence premodifiers in modern English. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 77–81. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2733>

АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА

Ю. В. Акимцева

Тулский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

А. Ю. Исаева

Тулский государственный университет

ANALYSIS OF LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH POSTMODERN NOVEL

Yu. V. Akimtseva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

A. Yu. Isaeva

Tula State University

Аннотация: термин «постмодернизм» за последнее время приобретает новые коннотации в связи с выросшим интересом к данному феномену. Такой интерес объясняется несколькими факторами. Во-первых, влияние постмодернизма на языковую систему и сознание играет одну из ключевых ролей в формировании картины мира, во-вторых, постмодернизму свойственно объединение культурных кодов и текстов разных эпох, что позволяет расширить ранее устаревшие представления о мире. Не менее важным фактором является изменение традиционных понятий о целостности, законченности, структуре текста и новый взгляд на формирование критериев и норм текста. Эти факторы занимают центральную позицию в постмодернизме и создают асистематическое представление о литературном направлении. Данная статья посвящена анализу лингвостилистических особенностей англоязычного постмодернистского романа на материале произведения И. Макьюэна «Искушение». Постмодернистский роман является своеобразным литературным направлением, обладающим нетрадиционным подходом к построению художественного текста, что проявляется в применении различных стилистических и лингвистических приемов. В отличие от других литературных направлений постмодернизм воссоздает современную картину мира с ее культурно-бытовыми особенностями. Рассмотрение лингвостилистической специфики постмодернистского романа позволяет выявить характерные черты постмодернизма не только как литературного направления, но и лингвистического. Изучение лингвостилистических черт постмодернистского романа позволяет выделить основные принципы построения художественного произведения, а именно деконструкцию, интертекстуальность, гипертекстуальность, иронию, многоуровневость текста, языковую игру, плюрализм, неопределенность. Эти принципы лежат в основе любого постмодернистского романа и представляют собой своеобразный симбиоз концепции автора, направленный на взаимодействие с читателем.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, постмодернизм, постмодернистский роман, И. Макьюэн, сознание, текст, межпарадигмальное мышление.

Abstract: the term «postmodernism» has recently acquired new connotations in connection with the increased interest in this phenomenon. There are several reasons for this interest. Firstly, the influence of postmodernism on the language system and consciousness plays a key role in shaping the picture of the world, and secondly,

postmodernism is characterized by the union of cultural codes and texts of different eras, which allows to expand previously outdated ideas about the world. No less important factor is the change of traditional concepts of integrity, completeness, structure of the text and a new view on the formation of criteria and norms of the text. These factors occupy a central position in postmodernism and create an unsystematic representation of the literary direction. This article is devoted to the analysis of linguistic and stylistic features of the English postmodern novel by the material of I. McEwan's work «Atonement». Postmodern novel is a kind of literary direction, which has an unconventional approach to the construction of literary text, which is manifested in the use of various stylistic and linguistic techniques. Unlike other literary trends, postmodernism recreates the modern picture of the world with its cultural and everyday features. Consideration of the linguistic and stylistic specificity of the postmodern novel reveals the characteristic features of postmodernism not only as a literary direction, but also as a linguistic one. The study of the linguistic and stylistic features of the postmodern novel allows us to identify the basic principles of construction of a work of fiction, particularly deconstruction, intertextuality, hypertextuality, irony, multi-level text, language play, pluralism, uncertainty. These principles are the basis of any postmodern novel and represent a kind of symbiosis of the author's concept aimed at interaction with the reader.

Key words: *linguostylistic features, postmodernism, postmodern novel, I. McEwan, consciousness, text, inter-paradigm thinking.*

Постмодернизм является литературным направлением с характерным интеллектуальным стилем, отличающимся высоким рефлексивным потенциалом. Несмотря на тот факт, что данное литературное направление зародилось в начале 1980-х гг., постмодернизм сумел занять свою нишу в лингвистике, литературоведении, социологии, философии. В связи с этим постмодернизм неоднократно становится темой многих научных исследований, позволяющих раскрыть сложность и противоречивость данного литературного феномена [1–5].

Возникший интерес к постмодернизму объясняется его несоответствием традиционным устоям формирования художественного текста. Другими словами, постмодернизм представляет собой анти-традиционное направление в литературе с измененным осознанием быта и культуры [3, с. 194]. Одной из основных черт постмодернизма является отрицание идеологических установок модерна [5]. В современном обществе постмодернизм отражает постиндустриальный мир, в центре которого находится эпоха массовой культуры с ее потребительскими ценностями.

Фактическим материалом исследования послужил знаменитый роман И. Макьюэна «Искушение», принесший всемирную известность британскому писателю. Данное произведение представляет особую ценность для литературного направления периода постмодернизма.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении лингвистических особенностей англоязычного постмодернистского романа на материале произведения И. Макьюэна «Искушение». Считается, что именно этот постмодернистский роман является визитной карточкой писателя, что обусловлено стилистикой текста, заметно отличающейся от его предыдущих работ. Данный аспект и связанная с ним актуальность определили выбор темы исследования.

Для реализации поставленной цели использовались такие методы исследования, как имманентный анализ, интертекстуальный анализ, семантико-стилистический анализ.

Существует большое количество трактовок постмодернизма, что подтверждает его неоднозначность. Прежде чем изучить лингвистические особенности данного литературного течения, рассмотрим основные интерпретации постмодернизма с позиции различных научных отраслей.

Философская точка зрения о постмодернизме прослеживается в трудах итальянского философа Умберто Эко, считающего, что постмодернизм выражает духовное состояние, некую художественную волю. Системность и иерархичность уступает место воссозданной многомерной реальности, которая вербализуется различными языковыми средствами [6, с. 90].

Лингвистический постмодернизм представляет собой направление, возникшее в результате другого видения структуралистских и постструктуральных традиций в лингвистике XX в. Голландский представитель постмодернизма Д. Фоккема полагает, что постмодернизм обладает достаточно исключительным и неординарным взглядом на мир [7]. В связи с этим вводится принцип нонииерархии. Данный принцип находится в основе всех структурообразований постмодернистских объектов, любого постмодернистского кода. Постмодернистский код характеризуется как система селективного выбора семантических и синтаксических средств. В отличие от других кодов постмодернистский код частично игнорирует правила других кодов. В процессе осмысления принципа постмодернистского кода Д. Фоккема применяет термин нонселекции, реализующейся на всех уровнях анализа, т. е. на лексемном уровне, уровне семантических полей, фразовых и текстовых структур [Ibid., p. 80].

Французский представитель лингвистического постмодернизма Ж. Деррида формирует концепцию

деконструкции, основными категориями которой являются сознание и текст.

Ключевыми понятиями лингвистического постмодернизма являются постмодерн, деятельность, языковое сознание, культура, язык. Как отмечает Ж. Деррида, под постмодерном подразумевается социокультурная ситуация потери согласованности и организованности между разнородными явлениями. Под деятельностью понимается единство дискурсивных практик. Центральной проблематикой данного направления является вопрос о языке и языковом характере мышления. Постмодернистское направление формирует новую систему ценностей, где культура представляет собой систему знаков; языковое сознание характеризуется как психический инструмент осмысления знаков. Язык представляет собой механизм ориентирующего характера, акцент в котором приходится на текст. Возникает новое понятие «нарративизация», связанное со способностью личности к описанию себя, своего опыта. При этом такое описание характеризуется связностью и построением согласно жанрам построения текста [8, р. 5]. В дальнейшем ученый Ж. Лакан создает теорию о текстуализации языкового сознания. Ж. Лакан выдвигает идею о взаимосвязи «воображаемого» и «символического». Согласно его теории, существует три уровня формирования сознания: воображаемое, символическое и реальное. «Воображаемое» реализуется на доязыковом этапе, «символическое» связано с предметами и их взаимосвязью. Наиболее трудным для понимания является «реальное», поскольку его деятельность осуществляется за пределами языка [9]. Впоследствии эта теория была поддержана М. Фуко, полагающим, что три вышеназванных уровня сознания являются операционными дискурсивными системами, названными «эпистемами» [10].

К основным характерным чертам постмодернистского периода можно отнести следующие аспекты:

- разное восприятие (читатель не всегда способен воспринять авторский смысл без искажения);
- диссимметрия языка;
- интерлокуция;
- интерсубъективность;
- межпарадигмальное мышление;
- синергетический плюрализм [9].

Рассмотрев вышеперечисленные характеристики постмодернистского периода, отметим, что центральную позицию занимает мысль о межпарадигмальном мышлении, в сильной позиции которого находится нелинейность, неоднозначность, метафоричность, незавершенность, диалогичность, гипертекстуальность, интертекстуальность.

Выявленные характеристики влияют на особенности постмодернистского романа, поскольку они лежат в основе каждого художественного произведе-

ния этого периода. Характерные черты постмодернистского периода формируют правила построения художественного произведения.

Постмодернистские художественные произведения всегда привлекают внимание ученых, поскольку представляют собой некий диалог бессознательного с сознательным, взаимодействие автора и читателя.

Необходимо отметить, что постмодернизм воспроизводит тексты «вне времени». При этом автор такого текста исполняет не главную роль, но в то же время невидимо для читателя создает некие шифры (коды), которые необходимо расшифровать для осознания происходящих событий в произведении.

Ранее было отмечено, что для постмодернистских романов характерны такие черты, как интертекстуальность, гипертекстуальность, диалогичность, неоднозначность, незавершенность. Таким образом, при реализации практической части исследования возникает вопрос о наличии или частичном отсутствии вышеуказанных отличительных признаков стандартного постмодернистского произведения в романе И. Макьюэна «Искупление».

При анализе англоязычного постмодернистского романа «Искупление» были выявлены следующие лингвостилистические особенности.

1. Интертекстуальность.

По утверждению М. М. Бахтина, интертекстуальность представляет собой диалог текстов, цитаты которых образуют единое целое [11, с. 104]. В анализируемом произведении данный прием проявляется в использовании аллюзии, цитации, аппликации, пародии и многих других языковых средств выразительности.

Так, например, автор применяет аллюзию на одного из героев У. Шекспира из «Двенадцатой ночи»:

*“At the outer reaches of the desk, various photographs: the cast of **Twelfth Night** on the college lawn, himself as **Malvolio**, cross-gartered”* [12, р. 82].

Один из главных героев, Робби, будучи влюбленным в Сесилию, полностью меняется. Им овладевают ранее неизвестные ему чувства, которые видоизменяют внутреннее состояние героя и заставляют его совершать опрометчивые поступки, приводящие впоследствии к судьбоносному конфликту, в результате чего меняется жизнь героя.

2. Многоуровневость текста.

Многоуровневость текста распознать достаточно непросто. Считается, что не каждый читатель способен выявить такой прием в тексте. Текст состоит из трех составляющих: художественных приемов (метафора, метонимия, символ, эпитет), образов (герои непосредственно), целостного континуума (сюжетно-композиционный, пространственно-временной и архитектурный).

В письмах главных героев прослеживаются отсылки на персонажей других романов «Тристан и

Изольда» («Tristan and Iseult», VIII в.), «Троил и Крессида» («Troilus and Cressida», 1602–1609). Робби ассоциирует себя с Прометеем, а Сесилия – с Гримальдой. Таким образом, читатель, зная эти легенды, декодирует послание автора.

3. Ирония как концептуальная категория художественного текста.

Ирония как языковое и концептуальное явление реализуется в тексте в качестве стилистического приема, а также на текстовом уровне. При рассмотрении иронии как концептуальной категории отмечается, что данному явлению характерна авторская концепция, которая реализуется на уровне языка и сознания. При этом отличительной чертой концептуальной иронии является соотношение языкового и экстралингвистического уровней [13, с. 27].

“Poor vain and vulnerable Lola with the pearl-studded choker and the rose-water scent, who longed to throw off the last restraints of childhood, who saved herself from humiliation by falling in love, or persuading herself she had, and who could not believe her luck when Briony insisted on doing the talking and blaming. And what luck that was for Lola – barely more than a child, prised open and taken – to marry her rapist” [12, p. 324].

Брайони, одна из главных героинь, говорит о свадьбе Лолы и насильника, однако посредством иронии автору удается реализовать игру с читателем, идея которой заключается в раскрытии авторской концепции только лишь под конец романа. Именно в конце романа читатель узнает, что в действительности муж Лолы не является насильником, и фальшивые обвинения выгодны для Брайони.

4. Фрагментарность.

Постмодернистское направление отличается наличием обособленных фрагментов текста, которые необходимо соединить воедино как пазл, чтобы увидеть полную картину мира.

Роман «Искупление» состоит из трех глав, которые разделяются на многочисленные фрагменты, каждый из которых ведется от лица главных героев, что позволяет воспринимать произведение как единое целое.

5. Неопределенность.

Почти весь сюжет романа строится на неопределенных ситуациях, выводах героев. Так, например, Брайони, полностью не уверенная в том, что Робби насилует Лолу, дает ложные показания, что приводит к трагедии.

6. Игра.

Автор постмодернистского направления применяет игру как метод смещения стилей, эпох, посредством которого выражается авторская задумка. Так, в процессе чтения романа «Искупление» возникает мысль, что повествование ведется от третьего лица, однако в конце произведения полученная Брайони критика от рецензента на ее книгу разрушает эту

мысль. Таким образом, И. Макьюэн применяет различные литературные формы, создающие эффект непредсказуемости.

В процессе анализа романа И. Макьюэна «Искупление» четко прослеживается характерная атмосфера эпохи постмодернизма. Художественный текст является отражением антитрадиционных установок постмодернистского направления. Тем не менее, несмотря на использование сходных характерных приемов для построения постмодернистской новеллы, а также на наличие присущих всем романам этого направления свойств, художественное произведение И. Макьюэна «Искупление» обладает и несколькими отличительными признаками, которые определяют научную новизну предпринятого исследования.

Прежде всего, речь идет о комбинировании разнотипной стилистической составляющей, которая проявляется при введении персонажей романа, а также при пространственно-временных отношениях в тексте.

Кроме того, в отличие от характерной для всех постмодернистских романов черты незавершенности, художественный текст И. Макьюэна «Искупление» представляет собой логически завершенное произведение с присущей ему когерентностью и когезией. Особенно ярко выражается авторская интеллектуальная стилистика текста.

Важно отметить, что англоязычный роман «Искупление» обладает аналитичностью и широким семантическим контекстом, благодаря чему формируется целостная осмысленная структурная система, реализующая авторскую концепцию, что выделяет данное произведение среди других работ постмодернистского направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипенко Л. Г. Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода к лингвистике и литературному творчеству // Язык и текст. 2018. Т. 5. № 2. С. 14–23.
2. Афанасьева Т. Ю. Постмодерн – художественный стиль или философия? // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 12 (52). С. 156–163.
3. Маньковская Н. Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. № 1. С. 192–230.
4. Чотчаева М. Ю., Сосновский В. Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгей. гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. С. 177–182.
5. Маслаков С. В. Постмодерн как социокультурный проект // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 1–3.
6. Коваленко Ю. С., Чернухин А. Ю. Философия и эстетика постмодернизма в романе У. Эко «Имя Розы» // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам LXV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016.

№ 10 (65). С. 89–100. URL: <https://sibac.info/conf/philolog/lxv/62020>

7. Fokkema D. The Semantic and Syntactic organization of Postmodernist Text // *Approaching Postmodernism*. Amsterdam-Philadelphia, 1986. Pp. 80–98.

8. Lewis Ph. The Post-Structuralist Condition // *Diacritics*. 1982. № 12. Pp. 8–9.

9. Алефиренко Н. Ф. Русистика и современный «лингвистический постмодернизм» // *Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г.: в 2 ч. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. С. 3–16.*

10. Vallois N. Michel Foucault and the history of economic thought // *OEconomia*. 2015. 5 (4). Pp. 461–490.

11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Худож. лит., 1979. 412 с.

12. McEwan I. *Atonement*. Vintage, 2002. 375 p.

13. Петрова О. Г. Типы иронии в художественном тексте : концептуальная и контекстуальная ирония // *Известия Саратов. ун-та. Серия Филология. Журналистика*. 2011. № 3. С. 25–29.

REFERENCES

1. Antipenko L. G. *Estestvennonauchnaya otsenka postmodernistskogo podkhoda k lingvistike i literaturnomu tvorchestvu* [Natural science assessment of the postmodern approach to linguistics and literary creativity] // *Yazyk i tekst*. 2018. Tom 5. № 2. Pp. 14–23.

2. Afanas'eva T. Yu. *Postmodern-khudozhestvennyy stil' ili filosofiya?* [Postmodern-art style or philosophy?] // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2008. № 12(52). Pp. 156–163.

3. Man'kovskaya N. B. *Postmodernizm v estetike* [Postmodernism in aesthetics] // *Filosofskaya antropologiya*. 2018. № 1. Pp. 192–230.

Тулский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Акимцева Ю. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии
E-mail: mirada91@gmail.com

Тулский государственный университет

Исаева А. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: isaeva_anastasia91@mail.ru

Поступила в редакцию 4 октября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Акимцева Ю. В., Исаева А. Ю. Анализ лингвостилистических особенностей англоязычного постмодернистского романа // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2734>

4. Chotchaeva M. Yu., Sosnovskiy V. T. *Postmodernizm v kul'ture i literature sovremennosti* [Postmodernism in the culture and literature of modern times] // *Vestnik Adigeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2017. Pp. 177–182.

5. Maslakov S. V. *Postmodern kak sotsiokul'turniy proekt* [Postmodern as a socio-cultural project] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. № 2. Pp. 1–3.

6. Kovalenko Yu. S., Chernukhin A. Yu. *Filosofiya i estetika postmodernizma v romane U. Eko "Imya Rozy"* [The philosophy and aesthetics of postmodernism in U. Eco's novel "The Name of the Rose"] // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb.st. po mater. LXV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. №10(65)*. Novosibirsk: SibAK, 2016. Pp. 89–100. Available at: <https://sibac.info/conf/philolog/lxv/62020>

7. Fokkema D. *The Semantic and Syntactic organization of Postmodernist Text* // *Approaching Postmodernism*. Amsterdam-Philadelphia. 1986. Pp. 80–98.

8. Lewis Ph. *The Post-Structuralist Condition* // *Diacritics*. 1982. № 12. Pp. 8–9.

9. Alefirenko N. F. *Rusistika i sovremenniy «lingvisticheskiy postmodernizm»* [Russian Studies and Modern "Linguistic Postmodernism"] // *Russkij yazyk: sistema i funkcionirovanie (k 70-letiyu filologicheskogo fakul'teta): sb. materialov IV Mezhdunar. nauch. konf., g. Minsk, 5–6 maya 2009 g.: v 2 ch. Minsk: RIVSH, 2009. Ch. 1. Pp. 3–16.*

10. Vallois N. *Michel Foucault and the history of economic thought*. *OEconomia*, 5(4). 2015. Pp. 461–490.

11. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1979. 412 p.

12. McEwan I. *Atonement*. Vintage. 2002. 375 p.

13. Petrova O. G. *Tipy ironii v khudozhestvennom tekste: kontseptual'naya i kontekstual'naya ironiya* [Types of irony in a fiction text: conceptual and contextual irony] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 2011. № 3. Pp. 25–29.

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Akimtseva Yu. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the English Philology Department
E-mail: mirada91@gmail.com

Tula State University
Isaeva A. Yu., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department
E-mail: isaeva_anastasia91@mail.ru

Received: 4 October 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Akimtseva Yu. V., Isaeva A. Yu. Analysis of linguistic and stylistic features of the english postmodern novel. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2734>

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ МАРКЕТПЛЕЙСЫ
КАК ПРОСТРАНСТВО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПОПУЛЯРНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ США)**

А. С. Аверин

Воронежский государственный университет

**ENGLISH-LANGUAGE MARKETPLACES AS THE FIELD
OF POPULAR LEGAL DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF THE USA BANKRUPTSY LAW)**

A. S. Averin

Voronezh State University

Аннотация: в статье рассматривается такое современное англоязычное пространство развертывания популярно-юридического дискурса, как правовые сайты – маркетплейсы, а также анализируется специфика текстов, содержащихся на таких интернет-ресурсах. Объем онлайн-коммуникации, в том числе по правовым вопросам, постоянно растет, что требует внимания со стороны ученых-лингвистов. Целью исследования является установление языковой специфики текстов с англоязычных сайтов – маркетплейсов, а также выявление характера данного дискурса. Используются методы анализа, синтеза, сопоставительный, конструктивный, дистрибутивный. Автор проводит типологию западных юридических сайтов на основе характера коммуникации между авторами текстов и их адресатами. Одним из типов таких интернет-ресурсов являются маркетплейсы. Рассматриваются их примеры и специфика с позиции лингвистических особенностей содержащихся там текстов. Также проанализированы некоторые аспекты темы, связанные с удобством поиска нужных текстов на конкретных сайтах (интерфейс и рубрикация). Отмечены некоторые недостатки структурирования корпуса текстов на некоторых сайтах, что делает поиск нужной информации более длительным. В ходе работы было исследовано 30 текстов с 3 сайтов. В статье приводятся примеры некоторых из них с детальным разбором языковых особенностей и назначения. Автор фиксирует ряд признаков, позволяющих однозначно отнести рассмотренные тексты именно к популярно-юридическому дискурсу. Обращается внимание на практическую полезность и физическую и смысловую доступность таких текстов для пользователей Интернета. Также отмечается определенный уровень коммерциализации процесса коммуникации в рамках изучаемых сайтов. Результаты работы могут быть использованы при написании популярно-юридических текстов, создании тематических сайтов и в дальнейших разработках по данному вопросу. Сделаны выводы об удобстве коммуникации юристов и людей, не обладающих правовыми знаниями посредством сайтов – маркетплейсов, о специфике такого дискурса, а также перспективах дальнейших исследований в данном направлении.
Ключевые слова: юридический дискурс, популярный юридический дискурс, коммуникация, Интернет, дискурсология.

Abstract: the author studies a contemporary English-language field of popular legal discourse called marketplace websites. He also analyzes the features of the texts from such sources. The websites are classified by the type of communication between the texts' authors and readers. A number of legal marketplace websites are analyzed from the point of it's textual content. The purpose of the research is to study legal marketplace websites and their texts and outline the features of such websites discourse. In the course of the research different methods were used

such as analysis and synthesis, comparative method, constructive and distributive methods. The author also paid attention to the convenience of searching for the necessary legal texts within the websites. Some of the sites are not effective from the point of arranging the texts by topic, subtopic and areas of law. This makes finding the required information and communicating more difficult. Fifty texts from three websites were analyzed in the course of the research. Several texts are examined in this article to illustrate the purposes and language features of the texts. The author describes a number of characteristics which give the texts a special discursive character. Marketplace websites contain texts which are useful and accessible for internet users. A particular level of commercialization of such discourse was discovered. The results of the research can be applied in the course of writing popular legal texts, arranging websites content and conducting other research. The author made a number of conclusions about convenience of communication between lawyers and lay people via marketplace websites and also about its specific discourse.

Key words: *legal discourse, popular legal discourse, communication, internet, discourse studies.*

В одном из выступлений основатель компании Amazon Джефф Безос рассказал о начале своей карьеры. По его словам, в 1996 г. и в последующие несколько лет Интернет в США и западных странах лишь начинал развиваться, но этот процесс шел фантастическими темпами – минимум 200 % в год. Инвесторы, соглашавшиеся с ним работать, первым делом задавали один и тот же вопрос: «Что такое Интернет?». Однако уже через 10 лет многие граждане западных стран думали над другими вопросами: как они жили без Интернета раньше; как жить, если его не будет. Сегодня миллиарды людей на всей планете воспринимают всемирную сеть как некую вторую реальность, параллельную социальной и физической. Такой масштабный и глубокий сдвиг социальной и ментальной реальности должен всесторонне изучаться всеми науками, так или иначе связанными с обществом, человеком и коммуникацией. Лингвистика – не исключение. Социальные контакты любого характера получают некий цифровой аналог в сети Интернет, который как минимум дублирует традиционное общение лицом к лицу (а как максимум заменяет и вытесняет его). Процесс, затрагивающий всю систему, не может не менять ее отдельные элементы. Речь идет о взаимодействии индивидов по поводу разрешения юридических вопросов. На момент окончания второго десятилетия XXI в. коммуникация между профессиональными юристами и их клиентами все чаще осуществляется в сети Интернет. В 2017 г. Mark A. Cohen в статье «It's Time For A Digital Legal Marketplace» писал: «A new digital marketplace is also emerging. It is changing the way legal services are bought and sold» [1]. Незаметно для многих выросла целая индустрия онлайн-юриспруденции. Данное утверждение особенно актуально для англоязычного Интернета, где крупные правовые порталы ежедневно посещают тысячи пользователей. Основной продукт таких сайтов – информация, организованная в формате разъяснительных текстов по правовым темам. Сегодня научный анализ англоязычных популярных правовых текстов должен ориентироваться на онлайн-дискурс как равнозначный более привыч-

ным и традиционным (например, газетному, телевизионному дискурсам).

В качестве материала исследования использованы тексты с трех наиболее посещаемых сайтов – маркетплейсов по юридической тематике. Также были проанализированы некоторые посещаемые англоязычные сайты, содержащие популярно-юридические тексты, но не относящиеся к маркетплейсам. Всего было проанализировано 30 текстов по вопросу банкротства физических лиц в США. В настоящей статье приведены в качестве примеров и проанализированы несколько наиболее типичных из них с целью максимально наглядно проиллюстрировать специфику изучаемого дискурса.

В ходе работы с материалом использовались общенаучные и частнонаучные методы. К первым относятся анализ и синтез. Метод анализа применялся для детального изучения образцов материала (текстов подлежащего рассмотрению дискурса). С помощью синтеза делались выводы о сходствах, различиях и особенностях тех или иных составных элементов материала. Из числа частнонаучных методов использовались сопоставительный, конструктивный, диспутный.

Начнем более подробное рассмотрение темы с анализа англоязычных сайтов, содержащих популярные тексты по правовой тематике. Проведенное исследование показало, что можно говорить как минимум о двух типах онлайн-платформ. В качестве основания деления выступает критерий характера коммуникации между автором дискурса (общедоступного текста на сайте) и его конечными адресатами. В первом случае создатель текста порождает дискурс по определенной теме, не отвечая конкретному субъекту на конкретный вопрос. Во втором случае речь идет о разъяснении конкретной ситуации, которое будет полезно для широкого круга лиц.

Первый тип: информационные сайты, на которых размещены разъяснительные юридические тексты, не отвечающие на конкретный вопрос конкретного пользователя. Такие тексты можно условно называть статьями разъяснительного характера (наподо-

бие газетных). Рассматриваемые сайты, как правило, имеют тематические разделы в соответствии с отраслями права и видами правоотношений. Один из примеров таких сайтов – Justia.com [2]. На нем не предоставляются тексты консультационного характера в качестве ответов на каждый заданный клиентами вопрос. По объему и разнообразию разделов данный сайт может быть назван интернет-порталом. Посетитель выбирает категорию пользователя и получает доступ к каталогу необходимой информации соответствующего уровня сложности и детализации. На первой странице сайта можно выбрать информационные блоки «Для бизнеса», «Для студентов-юристов», «Для физических лиц», «Найти юриста» и др. Выбираем заголовок «Для физических лиц» (“Individuals”). Информация в пределах данной части сайта организована по основным отраслям права. Выбираем «Банкротство», находим нужный заголовок с тематикой проблемы (например, «Альтернативы банкротству»). Страница начинается с разъяснительного текста о банкротстве в целом, содержащего информацию по следующим вопросам:

- в чем суть банкротства физического лица и когда его можно применять;
- какие результаты может принести банкротство;
- чем отличаются разные виды банкротства физических лиц;
- каковы альтернативы банкротству.

Далее можно выбрать более узкие темы. Например, банкротство по ст. 7, банкротство по ст. 13 и т. д. (что именно имеется в виду, авторы и администрация сайта не уточняют). Все тексты, содержащиеся в указанных разделах, не являются ответами на конкретные вопросы определенного пользователя. Они в целом разъясняют тематику правоотношений, связанных с банкротством. Данный сайт может характеризоваться как один из наиболее удобных с точки зрения поиска необходимой информации. Особенно эффективно структурирование материалов по принципу субъекта поиска (например, «Law students», «Business», «Individuals» и др.).

Рассмотрим еще один пример сайта первого типа (Freeadvice.com) [3]. В поисковой системе Google он предлагается в качестве первого поискового результата по запросу «free legal advice». На главной странице сайта располагается заголовок «Helping 20 Million Americans a Year for 20 Years. FREE!». Также на первой странице предлагается заполнить форму вопроса юристу. Ниже приводятся категории, соответствующие наиболее актуальным в практическом смысле отраслям и подотраслям права. При выборе одной из них пользователь переходит на страницу, где перечисляются подотрасли в рамках выбранной отрасли. Для примера выбираем Bankruptcy и переходим на страницу с более узкими темами (Business

Bankruptcy, Consumer Bankruptcy, Credit Problems и др.) и выбираем рубрику Consumer bankruptcy (Банкротство потребителя) [4]. Открывшаяся страница еще более детально рубрицирует вопросы в рамках избранной тематики. Например, виды банкротства, процедуры банкротства, банкротство и кредит. Выбираем рубрику Bankruptcy Procedure, переходим на страницу, где приводится еще более детальный список вопросов по тематике «What is involved in the bankruptcy process». Например, «The Bankruptcy Means test». Таким образом, данный сайт предлагает посетителю четыре уровня конкретизации тематики его вопросов, что упрощает поиск нужных ответов и позволяет представить и осознать всю картину правовой системы в целом. На сайте FreeAdvice.com не указывается, какой юрист отвечал на конкретный вопрос, не приводятся его имя, фамилия, фотография. Также нет возможности вступить с ним в переписку для дальнейшего сотрудничества (найма в качестве представителя в суде, например). Приводится лишь общая фраза перед текстом каждого вопроса на сайте: «By Free Advice staff». Это все, что можно узнать об авторе ответа. Недостаточно продуманное структурирование и рубрикация корпуса текстов конкретного сайта является существенным препятствием для правовой коммуникации его пользователей. Поиск нужного текста осуществляется лицами, не имеющими профессиональных юридических знаний. В силу этого они могут испытывать затруднения в отнесении интересующего их вопроса к той или иной рубрике, теме (отрасли права, подотрасли права).

Второй тип юридических сайтов с разъяснительными (популярными) текстами можно условно назвать онлайн-приемными, где профессиональные юристы консультируют всех желающих на безвозмездной основе. Как правило, сайты рассматриваемого типа реализованы в формате маркетплейса. Что имеется в виду? Технический директор IT-компании «Lodoss» А. Репьев определяет маркетплейсы как «торговые интернет-площадки, которые выступают посредником между покупателем и продавцом» [5]. Самые известные примеры маркетплейсов – Aliexpress, «Ваш репетитор», «Яндекс-маркет» (с 2019 г. называется «Беру»). В нашем случае речь идет о маркетплейсах услуг. Создатели таких сайтов не являются профессиональными юристами и не имеют отношения ни к специалистам, консультирующим на их сайте, ни к посетителям, задающим вопросы. Юристы регистрируются на сайте и дают ответы в надежде привлечь потенциального клиента, а посетители получают бесплатную письменную консультацию и возможность выбора специалиста. Как показал проведенный анализ, на большинство вопросов отвечает несколько юристов. Соответственно, созданные ими правовые тексты различаются по содержа-

нию, глубине рассмотрения проблемы, стилю, объему. Все это определенным образом характеризует конкретного специалиста в глазах клиента. Как известно, речь выступает одним из факторов идентификации человека как своего или чужого. Именно поэтому критерием для выбора клиентом своего будущего адвоката может выступать не только и не столько профессионализм, продемонстрированный в ответе. Важную роль может сыграть стиль изложения правовой информации. Имеется в виду степень понятности и неформальности изложения, обращение и отношение юриста к автору вопроса. Существенное значение может иметь оперативность ответа на вопрос, наличие или отсутствие фотографии юриста и другие факторы. Итак, сущностным признаком юридического маркетплейса является порядок создания разъяснительного дискурса: на вопрос конкретного пользователя отвечают практикующие юристы, стремящиеся привлечь клиентов. При этом администрация сайта является по отношению к их коммуникации третьей стороной, никак в ней не участвуя. Примеры таких сайтов: avvo.com, HG.org. Рассмотрим один из самых популярных юридических ресурсов англоязычного Интернета HG.org [6]. На главной странице сразу бросается в глаза небольшой рекламный баннер, содержащий заявление «Need a lawyer? Let HG.org help you today?» («Нужен юрист? Сайт HG.org поможет вам прямо сейчас»). Там же предлагается найти юриста в соответствующем Штате США по необходимой сфере права. В верхней части страницы выбираем пункт меню «Legal articles». В рубрике «Банкротство» выбираем «Debt relief». Кликаем название рубрики и переходим к списку статей (которые никак не упорядочены). После названия каждой статьи приводятся первые слова текста и ссылка на страницу юридической фирмы, предоставившей текст. Выбираем одну из приведенных в начале ссылок: «3 misconceptions around bankruptcy» [7]. Данная статья является ответом на вопрос конкретного юриста конкретному пользователю. В конце текста указывается компания, где работает автор статьи Eric Reed, а также его контакты (телефон, сайт). При этом по сравнению с другими ресурсами аналогичной тематики рубрикация статей на сайте HG.org достаточно поверхностная и не слишком удобная. Строго говоря, речь идет лишь об одном уровне рубрицирования – делении статей по отраслям права (семейное право, уголовное право, трудовое право и т. д.). Если открыть общую страницу со всеми материалами по тематике «банкротство», можно увидеть список почти из 500 статей, которые никак не систематизированы. Причем не указано, о каком именно банкротстве идет речь – физического или юридического лица (что имеет первостепенное значение при выборе материалов пользователями). Итак, рассмотренный сайт

HG.org имеет все признаки юридического маркетплейса:

– администрация сайта предоставляет площадку коммуникации юристов и пользователей (потенциальных клиентов), не являясь участником такого взаимодействия;

– авторы ответов на вопросы и разъяснительных текстов – профессиональные юристы, заинтересованные в качественной консультационной помощи пользователям сайта для дальнейшего привлечения клиентов и продвижения бренда компании или пиара себя как специалиста;

– адресаты дискурса – индивиды, нуждающиеся в безвозмездном получении знаний юридического характера по интересующим их практическим ситуациям.

Перед рассмотрением конкретных текстов обратимся к содержанию понятия *популярный юридический дискурс*. Считаем возможным также называть его популярно-юридический дискурс, популярный правовой дискурс, популярно-правовой дискурс. На наш взгляд, реальных смысловых изменений при перемене слова «юридический» на «правовой» не происходит, равно как и при вариациях «популярно-юридический» и «популярный юридический». В науке юридический дискурс определяется по-разному. Многие дефиниции выглядят и звучат объемно и масштабно (например: «мы рассматриваем юридический дискурс как особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и/или встречаются в рамках пересечения данного дискурса с другими типами дискурса (исторического, политического, педагогического, военного, дискурсом СМИ, художественным дискурсом и др.)» [8]). Очевидно, что если к такому определению добавить еще и смысловой элемент, отвечающий за популярный характер юридического дискурса, определение станет слишком громоздким. Поэтому ограничимся лишь описанием основных сущностных элементов, образующих указанное понятие.

1. Предмет коммуникации (вопросы юридического характера).

2. Цель взаимодействия (разъяснить профессиональные правовые вопросы лицам, не обладающим соответствующими познаниями).

3. Ряд типичных языковых характеристик (отсутствие канцеляризм, профессиональных терминов и т. д.).

Перейдем к рассмотрению ряда примеров разъяснительных (популярных) юридических текстов, содержащихся на юридических маркетплейсах. Типичным образцом искомых интернет-ресурсов является названный выше HG.org. Нами были выбраны для исследования 30 статей. Каждая из них начинается с краткого вступления, описывающего содержание текста в одном-двух предложениях. Справа от вводной части каждой статьи располагается фотография – логотип юридической фирмы, чьи сотрудники являются авторами текста. После текста приводится адрес сайта фирмы, контактный телефон, имя и фамилия автора, а также заявление об отказе от ответственности (Disclaimer). Приведем текст данного примечания сразу на русском языке в переводе автора настоящей работы: «Отказ от ответственности: несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точности данного текста, он не носит характер юридической консультации, поскольку конкретные практические ситуации различны и должны обсуждаться с экспертом и/или юристом. Для получения конкретных технических или юридических консультаций по предоставленной информации и смежным темам, пожалуйста, свяжитесь с автором». С одной стороны, такое примечание является защитой от потенциальных исков тех, кто может подать в суд на автора в случае неудачных юридических действий на основе данной статьи. С другой – посетителю сайта лишний раз напоминают, что заменить дорогостоящие услуги юриста изучением популярно-юридических статей не получится. В отличие от многих аналогичных сайтов, на данном интернет-ресурсе не приводятся фотографии или личные контактные данные авторов статей, а также отзывы об их работе или сведения о штате, в котором они практикуют. В целом можно говорить о том, что метатекст публикаций на данном сайте ориентирует посетителя на восприятие разъяснительного дискурса как первого шага к найму юриста. Тексты скорее позволяют понять правовые аспекты ситуации, в которой оказался пользователь, сформировать общее осознание происходящего с юридической точки зрения, составить первичный план действий, наметить первые шаги по решению проблемы. Однако при необходимости и наличии времени и целеустремленности с помощью подобных статей и сайтов можно выстроить полноценную линию защиты, представлять свои интересы в суде и без опыта юридической работы. Рассмотрим для примера уже упоминавшийся выше разъяснительный текст «3 Misconceptions Around Bankruptcy» («3 заблуждения, связанных с банкротством»). Текст написан достаточно простым и доступным для понимания языком, но при этом отсутствуют жаргонизмы, просторечные выражения и в целом выдержан официально-деловой стиль («Bankruptcy protection can

help those who are struggling with debt come out on the other side»). Сложные профессиональные термины заменены объяснениями их содержания («Although bankruptcy is a matter of public record, it's unlikely that your family, friends and neighbors will access the news. Unlike foreclosures, your local paper will not announce your bankruptcy» – «Хотя банкротство является публичным процессом, маловероятно, что ваша семья, друзья и соседи получат доступ к информации о вашем деле. В отличие от продажи находящегося в ипотечном залоге дома, ваша местная газета не будет объявлять о вашем банкротстве»). Для удобства понимания использованы вводные слова, передающие логику закона и рассуждений автора («...although bankruptcy is a matter of public record...» – здесь и далее в цитатах-примерах курсив наш. – А. А.). Текст несовершенен с точки зрения некоторых лингвистических параметров (сказывается то, что он написан юристами, а не профессионалами в сфере создания дискурса – филологами, журналистами). Например, имеют место тавтологии («Although bankruptcy is a matter of public record, it's unlikely that your family, friends and neighbors will access the news. Unlike foreclosures, your local paper will not announce your bankruptcy»). В исследуемом тексте встречаются фразы, направленные не просто на объяснение, но и на успокоение и моральную поддержку людей, попавших в сложную финансовую ситуацию. Например: «If you file for Chapter 13 bankruptcy, you'll learn to adopt positive money management habits. This is because Chapter 13 bankruptcy requires the person who files to repay their debts over a period of three to five years. With these skills in your back pocket, you're likely to handle your finances responsibly as time goes on» («Если вы подадите заявление о банкротстве в порядке главы 13, вы научитесь полезным привычкам управления капиталом. Это связано с тем, что при банкротстве в соответствии с главой 13 лицо, которое подает документы, должно погасить свои долги в течение трех-пяти лет. Обладая этими навыками, вы, скорее всего, будете ответственно обращаться со своими финансами»). Отметим, что данный текст является одним из наиболее грамотно написанных, полезных и эффективных из всех проанализированных как на сайте HG.org, так и на других интернет-площадках.

Рассмотрим еще один текст из раздела «Банкротство» – «Chapter 7 Bankruptcy Could Alleviate Medical Debt» («Банкротство физического лица по процедуре главы 7 может уменьшить долги по медицинскому обслуживанию») [9]. Достаточно эффективно разъяснена выгода процедуры банкротства по главе 7: «Chapter 7 bankruptcy makes it possible for debtors to have a significant amount of their debts discharged. It is possible to have medical debts discharged in Chapter 7 bankruptcy, provided that you meet the criteria for filing»

(«Банкротство по процедуре главы 7 позволяет должникам погасить значительную сумму своих долгов. Возможно погашение задолженности по медицинским расходам при банкротстве по главе 7, при условии, что вы соответствуете критериям для подачи заявки»). Существенный недостаток анализируемого текста, равно как и многих других в разделе «Банкротство» – не объясняется значение фраз «Chapter 7 bankruptcy» и «Chapter 13 bankruptcy». Для человека, не обладающего юридическими познаниями, не понятно даже само подразделение института банкротства физического лица на 2 вида: по главе 7 и по главе 13, не говоря уже о содержательных отличиях этих процедур. Вернемся к анализу текста. Существенно упрощает восприятие наводящий вопрос, служащий в структуре текста в качестве подзаголовка смысловой части: «What Are the Criteria for Making a Chapter 7 Bankruptcy Filing?». Далее разъясняются критерии, которым должен соответствовать гражданин, желающий пройти через процедуру признания банкротом. Снова встречаем тавтологию, которая, однако, заставляет воспринимать предложения как предельно простые для понимания: «In order to file, you must pass a *means test*. This *means test* is based on your household income and outgoings». Далее приводятся варианты развития событий, альтернативные банкротству по главе 7: «There are several options available to you if you are struggling with overwhelming medical debt. You may be able to negotiate with creditors or modify repayment plans» («Есть несколько вариантов, доступных для вас при невозможности выплачивать долги по медицинскому обслуживанию. Вы можете договориться с кредиторами или изменить план погашения долга»). Предложение построено блестяще с позиции его разъяснительной направленности. С одной стороны, сложный аспект избежания процедуры банкротства изложен доступным языком, с другой – ничего не упущено и смысл передан полностью. Статья завершается предложением «However, if you decide that Chapter 7 bankruptcy could be the best option for you, it is important to prepare sufficiently and plan ahead» («Однако если вы решите, что банкротство по главе 7 может быть лучшим вариантом для вас, важно серьезно подготовиться и подготовить план заранее»). Вводное слово *however* облегчает восприятие с точки зрения логики изложения материала, а смысловая структура предложения дает понять, что «все только начинается»: если вы подходите для подачи заявления на банкротство по главе 7, это лишь первый шаг. Далее предстоит серьезная работа по подготовке к оформлению и подаче документов. Здесь также можно усмотреть скрытое побуждение к найму юриста. Однако до открытого рекламирования дело не доходит. В ходе исследований различных категорий популярно-юридических тек-

стов мы неоднократно сталкивались с прямым склонением читателя к найму юриста – автора ответа на вопрос. Такие тексты не запрещены и они не теряют своей разъяснительной направленности, но, на наш взгляд, прямая реклама в разъяснительной статье своих услуг не идет автору на пользу, равно как и не улучшает сам текст (который является ни чем иным как письменной консультацией по правовому вопросу). Можно говорить о том, что рассмотренные тексты достаточно эффективны с точки зрения первичной правовой помощи лицам, не обладающим юридическими познаниями и стремящимся понять ситуацию, в которой они оказались и выходы из нее. Итак, плюсы онлайн-консультирования по юридическим вопросам (для клиента) очевидны. Приведем их список.

1. Консультация бесплатна.
2. Не нужно тратить время и деньги, чтобы доехать до офиса специалиста.
3. Можно быстро без затрат и усилий получить мнения и консультации *нескольких* специалистов по своему вопросу.
4. Удобно сравнивать разных юристов в деле.
5. Ответ дается в письменном виде, хранится на сайте, он доступен и сегодня, и через неделю, и через год. Его невозможно забыть либо неправильно истолковать.

6. Практически полная анонимность.

Далее рассмотрим достоинства такой платформы коммуникации, как юридические маркетплейсы *для профессиональных юристов*.

1. Можно проводить консультирование в любое время и находясь в любом месте. Нужен только компьютер и Интернет.
2. Клиенты фактически сами находят специалиста.
3. Объяснение в письменном виде более эффективно и доступно для восприятия.

Такой формат коммуникации, как юридический сайт – маркетплейс, становится все более популярным и эффективным средством взаимодействия между профессиональными юристами и лицами, не имеющими правовых знаний. Такие сайты позволяют эффективно и массово продуцировать, распространять и сохранять тексты популярного юридического дискурса. При этом указанные тексты характеризуются рядом специфических особенностей и носят ярко выраженный разъяснительный (популярный) характер, благодаря чему они достаточно эффективны для решения задачи коммуникации в рамках рассматриваемых интернет-платформ. Тексты, содержащиеся на страницах таких сайтов, являются практически полезными для лиц, не обладающих юридическими знаниями и попавших в сложные правовые ситуации. Как минимум они эффективны в качестве первичной правовой помощи и могут сориентировать пользова-

теля в отношении начальных шагов по решению проблемы. При этом такие тексты доступны широкому кругу лиц и в смысле физической возможности ознакомления, и в значении понятности и практической применимости. Однако многие сайты достаточно навязчиво рекламируют юридические услуги и превращают разъяснительные тексты в рекламно-побудительные. Также имеются проблемы со структурированием корпуса текстов многих интернет-порталов по темам, что затрудняет поиск нужной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cohen M. A.* It's Time For A Digital Legal Marketplace // *Forbes*. 2017. 07.01. URL: <https://www.forbes.com/sites/markcohen1/2017/01/07/its-time-for-a-digital-legal-marketplace/#5115e2b91f3e>
2. *Justia.com*. URL: <https://www.justia.com>
3. *Freeadvice.com*. URL: <https://www.freeadvice.com/>
4. *Bankruptcy*. URL: <https://bankruptcy-law.freeadvice.com/bankruptcy-law/>
5. *Репьев А.* Сколько стоит разработать маркетплейс, и каких ошибок важно избегать. URL: <https://www.cossa.ru/trends/225416/>
6. *HG.org*. URL: [HG.org](https://www.hg.org/)
7. 3 misconceptions around bankruptcy. URL: <https://www.hg.org/legal-articles/3-misconceptions-around-bankruptcy-51442>
8. *Косоногова О. В.* Характеристики юридического дискурса : границы, содержание, параметры // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Краснодар, 2015. Т. 7. № 1. С. 61–68.

Воронежский государственный университет
Аверин А. С., соискатель кафедры перевода и профессиональной коммуникации
E-mail: aaa7355@rambler.ru

Поступила в редакцию 20 сентября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Аверин А. С. Англоязычные юридические маркетплейсы как пространство функционирования популярного юридического дискурса (на материале текстов о банкротстве физических лиц США) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 87–93. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2736>

9. Chapter 7. Bankruptcy Could Alleviate Medical Debt. URL: <https://www.hg.org/legal-articles/chapter-7-bankruptcy-could-alleviate-medical-debt-51444>

REFERENCES

1. *Mark A. Cohen.* It's Time For A Digital Legal Marketplace. *Forbes*. 07.01.2017. Available at: <https://www.forbes.com/sites/markcohen1/2017/01/07/its-time-for-a-digitallegalmarketplace/#5115e2b91f3e>
2. *Justia.com*. Available at: <https://www.justia.com>
3. *Freeadvice.com*. Available at: <https://www.freeadvice.com/>
4. *Bankruptcy*. Available at: <https://bankruptcy-law.freeadvice.com/bankruptcy-law/>
5. *Repiyov A.* Skolko stoit razrabotat marketplace i kakih oshibok vazhno izbegat [How much does it cost to develop a marketplace and what mistakes to avoid]. 2018. 15. 08. Available at: <https://www.cossa.ru/trends/225416/>
6. *HG.org*. Available at: [HG.org](https://www.hg.org/)
7. 3 misconceptions around bankruptcy. Available at: <https://www.hg.org/legal-articles/3-misconceptions-around-bankruptcy-51442>
8. *Kosonogova O. V.* Kharakteristiki juridicheskogo diskursa: granitsy, sodержaniye i parametry [Legal discourse characteristics: limits, content, parameters]. *Krasnodar: Istorycheskaya i sotsyalno-obrazovatel'naya mysl*. 2015. V. 7. No 1. P. 66.
9. Chapter 7. Bankruptcy Could Alleviate Medical Debt. Available at: <https://www.hg.org/legal-articles/chapter-7-bankruptcy-could-alleviate-medical-debt-51444>

Voronezh State University
Averin A. S., Post-graduate Student of the Translation and Professional Communication Department
E-mail: aaa7355@rambler.ru

Received: 20 September 2019
Accepted: 27 December 2019

For citation:

Averin A. S. English-language marketplaces as the field of popular legal discourse (on the material of the USA bankruptcy law). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 87–93. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2736>

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОШЛОГО В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

Т. В. Дубровская, Э. И. Юськаева
Пензенский государственный университет

PRAGMALINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING THE COMMON PAST IN BRITISH POLITICAL SPEECH

T. V. Dubrovskaya, E. I. Yuskaeva
Penza State University

Аннотация: статья является частью исследования, направленного на изучение способов дискурсивного конструирования британской национальной идентичности. В настоящей статье мы ставим задачу выявить прагмалингвистические средства конструирования коллективного прошлого как компонента идентичности в британском Брексит-дискурсе. В качестве материала использованы тексты выступлений британских политиков, доступные для скачивания на официальных сайтах кампаний «Vote Leave» и «Britain Stronger in Europe». Задача исследования решается посредством методик критического дискурс-анализа. В результате выделены две ключевые стратегии конструирования коллективного прошлого: стратегия объединения государств и стратегия дистанцирования государств. Установлены различия в конструировании коллективного прошлого противниками и сторонниками Брексита. Если в выступлениях противников конструируется общее с Европой прошлое, то в выступлениях сторонников под коллективным прошлым подразумевается общее прошлое британской нации. Спектр прагмалингвистических средств, используемых в рамках указанных стратегий, включает отсылки к значимым событиям и датам истории, лексику с темпоральной семантикой и семантикой единения, грамматические маркеры прошлого, метафоры и идиомы, инклюзивные именные сочетания, лексические маркеры положительной и отрицательной оценки. Перспективы исследования представляются в расширении материала и диахроническом изучении средств конструирования идентичности в британском политическом дискурсе.

Ключевые слова: национальная идентичность, Брексит, коллективное прошлое, тематический блок, стратегия, языковые средства.

Abstract: this study is a part of the research which focuses on the study of discursive construction of British national identity. This article aims to reveal what pragmalinguistic tools are used to construct the common past as a component of the identity in British Brexit-discourse. The data include speeches by British politicians retrieved from the official websites of the campaigns “Vote Leave” and “Britain Stronger in Europe”. In terms of methodology, the study draws on techniques of critical discourse analysis. As a result, two key strategies of constructing the common past are identified. These strategies include the strategy of grouping countries and the strategy of distancing countries. The common past is constructed along different lines the Remainers and the Brexiteers. In the speeches by the Remainers the common past is constructed as shared with Europe, whereas in the Brexiteers’ speeches it is constructed as belonging to the British nation only. The range of pragmalinguistic resources used within these strategies includes references to significant historic events and dates, lexemes with temporal semantics and the semantics of unity, grammatical markers of the past, metaphors and idioms, inclusive noun phrases, lexical markers of positive and negative evaluation. The prospects for research include the expansion of the data and the diachronic study of the discursive construction of identity in the British political discourse.

Key words: national identity, Brexit, common past, thematic area, strategy, linguistic means.

В настоящее время актуальны проблемы, связанные с определением, поиском и отстаиванием национальной идентичности. Исследования, посвященные изучению национальной идентичности, появляются как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [1–3]. В данной статье мы исследуем языковые и шире – прагмалингвистические – средства конструирования такого аспекта национальной идентичности, как коллективное прошлое, в британском политическом дискурсе в контексте Брексита.

Исследование британского дискурса о Брексите происходит в различных направлениях. Актуальным направлением является лингвокогнитивный анализ концептуальных метафор в британском медиадискурсе в период Брексита [4; 5]. В фокусе исследования Е. Ю. Дьяковой находится использование социально-политического феномена Брексит в целях создания позитивного имиджа британского университета [6]. Т. В. Алиева исследует оппозицию «свой-чужой» и языковые средства ее актуализации в британской прессе в период Брексита [7].

Новизна предлагаемого подхода к Брексит-дискурсу состоит в том, что политический дискурс современности исследуется в тесной связи с дискурсивными проявлениями национальной идентичности. Обращение к темпоральным аспектам национальной идентичности позволяет установить, как политические установки актуализируются с опорой на интерпретации событий прошлого, настоящего и будущего. В данной статье рассматривается аспект коллективного прошлого.

Прежде чем обратиться к речевому материалу, определим базовые исследовательские категории, такие как национальная идентичность, коллективное прошлое, дискурсивное конструирование и прагмалингвистические средства.

Рассмотрение национальной идентичности целесообразно начинать с обращения к более общей категории идентичности. Авторы словаря ключевых терминов дискурс-анализа П. Бейкер и С. Эллес отмечают, что «идентичность» – относительно новая категория в социальных исследованиях, а два различных подхода к идентичности определяют ее либо как внутренне обусловленную, устойчивую сущность, либо как «осознанное внутреннее принятие социально обязывающих или социально конструируемых ролей» [8, р. 58] (Перевод с английского здесь и далее наш. – Т. Д., Э. Ю.). Мы придерживаемся конструкционистских позиций, принятых за философскую основу критического дискурс-анализа, и показываем, что идентичность представляет собой гибкий социальный конструкт, создаваемый в процессе коммуникации. «Национальные идентичности <...> дискурсивно, т. е. посредством языка и других семиотических систем, производятся, вос-

производятся, трансформируются и разрушаются» [9, р. 153].

Важно, что идентичность отвечает не только на вопрос «Кто мы?», но и на вопрос «Кто мы по отношению друг к другу?» [10, р. 6]. К. С. Гаджиев отмечает, что «согласно закону противоречия и по аналогии с противопоставлением “мы-они”, “свой-чужие”, “друг-враг”, идентичность обязательно должна быть подкреплена образом противника, внешнего врага, который служит мощным стимулятором достижения консолидации и эффективности человеческих сообществ» [11, с. 8]. Подобного мнения о конструировании идентичности в терминах оппозиции придерживаются и зарубежные исследователи, полагая, что идентичность «дает нам представление о том, кто мы и как соотносимся с другими людьми и с миром, в котором живем. Идентичность отмечает, в чем мы похожи с теми, кто разделяет наше положение, и чем мы отличаемся от тех, кто его не разделяет» [12, р. 1–2]. Представляется, что именно отношения противопоставления определяют характер конструирования (в том числе дискурсивного) национальной идентичности.

На сегодняшний день нет единого мнения относительно структуры национальной идентичности. Так, К. С. Гаджиев выделяет следующие ее компоненты: «мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы, стереотипы и др.» [11, с. 5]. К. Линч отмечает, что все материальные объекты (церкви, здания, окрестности, памятники, парки, улицы) служат пространственными координатами идентичности [13, р. 150].

Поскольку, как было отмечено выше, идентичность конструируется в значительной мере в процессе коммуникации, язык и национальная идентичность образуют неразрывную связь.

Ранее в одной из своих работ мы представили обзор факторов, определяющих взаимосвязь идентичности и языка, подчеркивая при этом, что «владение языком необходимо не только с коммуникативной целью. Важна и его этноконсолидирующая функция» [1, с. 27]. Мы также на речевом материале продемонстрировали, что сформированная национальная идентичность индивида может успешно выражаться как на родном, так и на неродном языке. Для анализа дискурсивных проявлений национальной идентичности была предложена модель анализа, охватывающая три уровня: содержательный, коммуникативный и металингвистический [1].

Иная модель анализа национальной идентичности через дискурс предложена в работе Е. А. Кожемякина, который выделяет конкретные дискурсивные узлы, характерные для нее: 1) номинации, фиксиру-

ющие семиотический статус национальной принадлежности; 2) исторический нарратив (категории прошлого, настоящего и будущего выступают в качестве конструирующих эпистемических ресурсов); 3) использование категорий «мы-они» («свои-чужие»); 4) образы культуры и территории; 5) обращение к социально-политическим аспектам [14, с. 27]. Обратим внимание на выделение категорий прошлого, настоящего и будущего.

Темпоральные смысловые категории прошлого, настоящего и будущего отмечены и в работе Р. Водак [3, р. 30–31]. Таким образом, коллективное прошлое составляет часть национальной идентичности.

Механизм функционирования коллективной памяти описывает О. А. Солопова: «коллективная память воздействует на жизнь двумя путями: 1) дает модель общества как отражение потребностей, проблем, страхов, менталитета и ожиданий и 2) предлагает модель общества как программу, определяет общественный опыт, артикулирует ценности, цели, когнитивные, аффективные и моральные ориентиры для реализации данной программы» [15, с. 19]. Таким образом, прошлое не просто неразрывно связано с настоящим, а выступает некоторой его формой. Исследовательница отмечает, что «в рамках некоторой официальной ревизии настоящего, а вместе с ним и прошлого происходит переструктурирование политических смыслов – реинтерпретация настоящего» [Там же, с. 24].

Таким образом, под коллективным прошлым мы понимаем дискурсивно конструируемую смысловую категорию, которая представляет собой один из блоков национальной идентичности и актуализируется посредством дискурсивных стратегий. За основу понимания стратегии мы берем определение, предложенное в работах западных дискурс-аналитиков, в соответствии с которым стратегия – это «более или менее намеренный план практических действий (включая дискурсивные действия), принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [16, р. 94].

Поскольку стратегия является категорией прагматической и когнитивной, а не собственно лингвистической, и реализуется посредством применения конкретных средств разных уровней языка, далее в анализе мы пишем о прагмалингвистических средствах конструирования коллективного прошлого.

Целью настоящей статьи является выявление спектра прагмалингвистических средств, используемых при конструировании коллективного прошлого как одного из компонентов британской национальной идентичности в британском политическом выступлении.

Материалом исследования послужили публичные выступления британских политических деятелей в

период до и после проведения референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе (2013–2018 гг.). В ходе двух организованных кампаний «Vote Leave» и «Britain Stronger in Europe» политики выразили противоположные мнения по вопросу выхода Великобритании из Европейского союза. При этом для аргументации своей позиции они нередко обращались к коллективному прошлому. В качестве источника материалов были использованы официальные сайты кампаний «Vote Leave» (www.votetakecontrol.org) и «Britain Stronger in Europe» (www.strongerin.co.uk), официальный сайт правительства Великобритании (<https://www.gov.uk/>), официальные сайты газет (<https://www.newsweek.com/>, <https://www.spectator.co.uk/>) и некоторые другие интернет-ресурсы. Общее количество проанализированного материала – 20 выступлений. Список процитированных в статье выступлений приведен в списке источников.

В качестве исследовательской методики нами была применена трехступенчатая модель анализа идентичности, предложенная Р. Водак [3]. Австрийская исследовательница предлагает осуществлять анализ материала с точки зрения: содержания (contents); стратегий аргументации (strategies); средств и форм лингвистической реализации (means and forms of realisation) [3, р. 30].

Процедурный алгоритм нашего исследования можно описать следующим образом.

1. Содержание. На первом этапе материал исследуется на содержательном уровне. Выделяются смысловые фрагменты, в которых присутствует эксплицитное указание на прошлое отдельно сторонниками и противниками Брексита. Формируется тематический блок «Коллективное прошлое».

2. Дискурсивные стратегии. В обнаруженных фрагментах, объединенных репрезентацией коллективного прошлого, выделяются характерные для данного блока стратегии. При этом особое внимание уделяется тому, как репрезентируются отношения между различными социальными акторами коллективного прошлого. На данном этапе выделяются общие и различные для сторонников и противников Брексита стратегии.

3. Языковые средства. В рамках выделенных дискурсивных стратегий определяются и систематизируются конкретные языковые средства создания и интерпретации коллективного прошлого.

Поскольку исследование репрезентаций коллективного прошлого предполагает внимание к дискурсивному конструированию групп (коллективов), мы применяем также ранее апробированную методику А. Совиньской и Т. Дубровской [17]. По данной методике выделяются две группы языковых средств: 1) используемые для конструирования групп и определения отношений между членами группы; 2) ис-

пользуемые для установления межгрупповых отношений. Каждая из этих групп имеет специфический набор. Первая группа включает лексику с семантикой единения, повторяющиеся синтаксические конструкции со значением единения, лексические маркеры положительных эмоций, относящиеся к членам группы. Межгрупповые отношения маркируются ссылками на отрицательные эмоции, вызываемые другой группой, а также эксплицитными или имплицитными указаниями на угрозу со стороны группы «иных» [17, р. 453–454]. Таким образом, систематизация языковых средств с опорой на данную методику позволит определить стратегическую направленность предлагаемых в политических выступлениях интерпретаций национальной идентичности.

С точки зрения содержания, тематический блок «Коллективное прошлое» образован фрагментами выступлений, содержащих ссылки на значимые события прошлого, важные даты и имена.

В рамках этого тематического блока были выделены две ключевые стратегии конструирования коллективного прошлого: стратегия объединения государств и стратегия дистанцирования государств. Каждая из этих стратегий последовательно реализуется политическими деятелями, представляющими разные политические взгляды в контексте Брексита: стратегия объединения государств – противниками выхода из ЕС, а стратегия дистанцирования государств – сторонниками Брексита.

Стратегия объединения государств

Стратегия объединения государств состоит в том, чтобы обозначить необходимость единения Британии с другими государствами в рамках Европейского союза. Данная стратегия используется в контексте обсуждения событий прошлого противниками Брексита. Коллективное прошлое Великобритании и других европейских государств представлено репрезентациями ключевых событий, занимающих важное место в коллективной памяти. События прошлого «перерабатываются» политиками и представляются в выгодном для репрезентации идентичности ключе. Обращение к уязвимым областям коллективной памяти происходит с целью акцентировать неразрывную связь Великобритании и Европы, которая подкрепляется общей историей, и сохранить членство Великобритании в ЕС.

Общее европейское прошлое, частью которого представлена Британия, касается прежде всего **участия европейских стран в мировых войнах**. Апеллируя к этим событиям, противники Брексита создают мрачный образ военного прошлого.

(1) *Seventy years ago, Europe was being torn apart by its second catastrophic conflict in a generation. A war*

which saw the streets of European cities strewn with rubble. The skies of London lit by flames night after night. And millions dead across the world in the battle for peace and liberty.

And it is the inscriptions on their gravestones – their names, their ages, the unknown soldiers – that to this day call upon us, the post war generation, to do everything within our grasp to stop that slaughter from happening again (Benn 13.06.2016).

Метафоры (*lit by flames, cities strewn with rubble, healing the wounds of history, was being torn apart*) использованы для отрицательно-оценочных репрезентаций Второй мировой войны, называемой кровопролитием, катастрофой: *slaughter, catastrophic conflict*. Важно, что в примере (1) Лондон представлен как один из европейских городов, пострадавших от войны.

История Европы и история Великобритании показаны как неразрывно связанные:

(2) *For good or ill, we have written Europe's history just as Europe has helped to write ours (Cameron 9.05.16).*

Детальное обращение к образу войны может рассматриваться не только с точки зрения анализа уроков прошлого, но и как предупреждение о новых угрозах в будущем, перед лицом которых следует объединиться. Для противников Брексита безопасность и мир могут быть гарантированы лишь при условии членства в Европейском союзе:

(3) *This vision was the most eloquent and enduring memorial we could have built to the flower of two generations of young Europeans who gave their lives in war and now rest eternal in those immaculately cared-for cemeteries (Benn 13.06.2016).*

Для высказываний характерно грамматическое указание на прошлое посредством перфектных инфинитивов и времени Past Simple (*could have built, gave their lives*). Лексика с темпоральной семантикой (*memorial, generations, eternal*) выступает индикатором исторических и межпоколенческих связей. Сказуемое в настоящем простом времени Present Simple (*rest eternal*) подчеркивает связь прошлого и настоящего поколений. Номинация участников войны как «европейцев» или «неизвестных солдат», без указания на их национальную принадлежность актуализирует единение с Европой. Кроме того, отметим использование инклюзивного местоимения *we*, которое в данном контексте можно истолковать как средство конструирования группы «Британия + Европа».

Как следует из содержания выступлений, именно единство Европейского союза помогло преодолеть страшные последствия мировых войн, а также гарантировать мир и безопасность.

Общеввропейское культурное прошлое также используется британскими политиками как аргумент

в пользу единения с Европой. Примечательно, что в ряде выступлений обнаруживается связь тематики с выбранной локацией или определенной датой. Нахождение в конкретном месте в момент выступления позволяет использовать этот факт для актуализации в речи своих стратегических установок. Так, выступление Т. Мэй, занимающей пост министра внутренних дел на период проведения референдума и поддерживающей на тот момент политику Remain, происходит во Флоренции, городе, известном произведениями искусства и архитектурой эпохи Возрождения и символизирующем новый этап в отношениях с Европой:

(4) *It's good to be here in this great city of Florence today at a critical time in the evolution of the relationship between the United Kingdom and the European Union. <...> It was here, more than anywhere else, that the Renaissance began – a period of history that inspired centuries of creativity and critical thought across our continent and which in many ways defined what it meant to be European (May 22.09.2017).*

Ссылка на Ренессанс, берущий начало в итальянской Флоренции, развивается в виде суждения о целых веках общей истории, творчества и критической мысли. При этом единение с Европой актуализируется инклюзивным именованным словосочетанием *our continent* (наш континент) и упоминанием общеевропейской идентичности (*what it meant to be European*).

Важное место в коллективной памяти противников отделения от Европы занимает само **основание Евросоюза**. Создание Европейского союза рассматривается противниками Брексита как необходимая мера для обеспечения безопасности на континенте:

(5) *Arising from the ashes of the Second World War, the nations of the world came together <...> The roots of the European Union also took hold in those same ashes and drew upon those same principles.*

And by the creation of the European Coal and Steel Community – bringing former foes together – its founders resolved to make a return to conflict on the continent of Europe – in the words of the Schuman Declaration – “not merely unthinkable, but materially impossible” (Benn 13.06.2016).

Апелляция к историческому факту объединения бывших врагов (*bringing former foes together*) подчеркивает факт преодоления последствий войны. Символично использование в данном примере аллюзии *arise from the ashes*: «Это выражение содержит аллюзию на легендарного феникса, птицу, которая восстала заново рожденной из пепла своего погребального костра» [18].

Стратегия объединения государств актуализируется в значительной степени за счет высокой частотности в употреблении лексических единиц разной

частеречной принадлежности, фразовых глаголов и фразеологизмов с семантикой единения: *have been intertwined, global connections, came together, stood shoulder in shoulder, in cooperation, bring together* и др.

Стратегия дистанцирования

В научной литературе отмечено, что дистанцированность является одной из лингвокультурных особенностей британского народа [19]. Личное пространство, свобода действий и независимость представляют особую ценность для британцев. Это отражается на их коммуникативном поведении. Сохранение дистанции дает возможность защитить личное пространство коммуникантов и обеспечить успешность речевого взаимодействия [20]. Вопрос о связи национального менталитета и политической повестки выхода из ЕС, вероятно, требует отдельного рассмотрения. В контексте анализа нашего материала мы исследуем стратегию дистанцирования не как характеристику межличностной коммуникации, а как черту политического дискурса. Стратегия дистанцирования состоит в том, чтобы представить Великобританию как самостоятельное государство со своим собственным коллективным прошлым. Стратегия дистанцирования Британии от Евросоюза используется в выступлениях сторонников Брексита.

Исторический факт **создания Евросоюза** интерпретируется сторонниками Брексита совсем в ином свете по сравнению с представлением противников выхода из ЕС. Сторонниками Брексита проект Европейского союза воспринимается как попытка создать не просто политическое образование, но и единые общеевропейские сознание и идентичность (*Europeanness, a European identity and a European consciousness*):

(6) *<...> Their inspired idea was to weave a cat's cradle of supranational legislation that would not only bind the former combatants together, but create a new sensation of Europeanness.*

As Schuman put it, “Europe will be built through concrete achievements which create a de facto solidarity.” Jean Monnet believed that people would become “in mind European”, and that this primarily functional and regulatory approach would produce a European identity and a European consciousness.

Almost 60 years after the Treaty of Rome, I do not see many signs that this programme is working (Johnson 14.02.2018).

Логика данного фрагмента построена на том, что говорящий сначала представляет благие намерения создателей Евросоюза объединить бывших врагов (*bind the former combatants together*) и построить настоящую солидарность (*create a de facto solidarity*). Однако фрагмент заканчивается утверждением о том, что план не сработал. Таким образом, создается сти-

листический эффект обманутого ожидания, посредством которого общеевропейское прошлое интерпретируется как ошибка.

Коллективное прошлое сторонников Брексита представлено **событиями из истории британской нации**. Значимые события коллективной памяти использованы с целью подчеркнуть уникальность и определенное превосходство Великобритании.

Одно из достоинств коллективного прошлого нации состоит, по мнению выступающих, в постоянном стремлении к свободе, демократии и укреплению прав человека. Подписание Великой хартии вольностей в 1215 г., акта Habeas corpus и права наследования получают репрезентации значимых компонентов коллективной памяти нации:

(7) *We have given up our concept of civil rights. Magna Carta, 800th anniversary the year after next, at the general election.*

Habeas corpus. Rights of inheritance. And not just for the aristocracy, as time went by (Farage 20.09.2013).

Великое прошлое, ассоциируемое с достижениями в области прав человека, противопоставляется современной ситуации, связанной с отказом от прежних достижений (*We have given up our concept of civil rights*).

Другое историческое достижение Британии, упоминаемое в контексте Брексита, – это собрание первого выборного Парламента в 1265 г.:

(8) *And this right of redress of grievance is something that has existed since Parliament first assembled in 1265. It is one of our most ancient rights but once it's a European competence that ancient right has gone (Mogg 10.06.2016).*

В этом примере прошлое также связывается с настоящим – Евросоюз обвиняется в том, что происходит отказ от прежних достижений (*once it's a European competence that ancient right has gone*). Таким образом, происходит диссоциация современной Британии и Европы.

Одним из событий, определяющих идентичность британской нации, представлена индустриальная революция:

(9) *It was also Britain that led the industrial revolution and destroyed slavery and the British people who had the wit to see through the bogus attractions of protectionism and who campaigned for free trade that has been the single biggest engine of prosperity and progress (Johnson 14.02.2018).*

В данном отрывке из выступления Б. Джонсона Британия репрезентируется как лидер развития и прогресса в прошлом (*led the industrial revolution, destroyed slavery*). Спикер выстраивает связь между достойным прошлым с современным состоянием Британии и прозорливыми современниками, способными видеть обман (*had the wit to see through the bogus*

attractions). Прошлое в данном контексте выступает залогом успешного прогрессивного будущего страны (*prosperity and progress*). С точки зрения языка востребованными оказываются расщепленные предложения (*cleft sentences*), используемые с эмфатической целью (*It was also Britain that... and the British people who...*), а также лексические маркеры положительной оценки, использованные для характеристики Британии.

На противопоставлении великого исторического прошлого и современного состояния Британии в составе ЕС построено и следующее высказывание:

(10) *It is absurd that Britain – historically a great free-trading nation – has been unable for 42 years to do a free trade deal with Australia, New Zealand, China, India and America (Johnson 09.05. 2016).*

Положительная оценка прошлого Британии как великого государства со свободной торговлей (*historically a great free-trading nation*) комбинируется с признанием абсурдности текущей ситуации (*it is absurd*), когда Британия не может самостоятельно, без участия ЕС, вступать в торговые отношения с неевропейскими государствами. Противопоставление Британии Европе получает эксплицитное выражение в речи в виде эпитетов с разной оценочной коннотацией (*great – absurd*).

Проведенное исследование показало, что коллективное прошлое является дискурсивно конструируемой категорией и частью публичной актуализации британской национальной идентичности. В рамках тематического блока «Коллективное прошлое» используются две основные стратегии: стратегия объединения государств и стратегия дистанцирования государств. В зависимости от целого ряда факторов (политической повестки, стратегических установок политиков, потребностей в легитимации тех или иных политически значимых действий) коллективное прошлое как совокупность ряда фактов получает различные и нередко противоположные интерпретации в политическом дискурсе. Для противников Брексита коллективное прошлое означает общее прошлое Великобритании и Европы, что свидетельствует о продвижении общеевропейской идентичности. Ведущую роль в реализации стратегии объединения играют лексические единицы с семантикой единения, инклюзивные конструкции.

Для сторонников Брексита коллективом является собственная нация, и в их выступлениях коллективное прошлое представлено как прошлое собственного государства, Великобритании. Сторонники Брексита противопоставляют группы «Мы» (Великобритания) и «Они» (Европа), а также подчеркивают собственное национальное превосходство. Кроме того, конструируется оппозиция между великим самостоятельным прошлым Великобритании и неудовлетворительным

настоящим в составе ЕС. Для актуализации этих оппозиций важны противопоставления, а также лексические маркеры положительной и отрицательной оценки.

Таким образом, репрезентации прошлого позволяют британским политикам конструировать в своем публичном дискурсе такую национальную идентичность, которая соответствует их политической программе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская Т. В. 'I Was the First Westerner, The Only English Person: дискурсивное конструирование национальной идентичности // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2015. № 2. С. 25–40.
2. Кожемякин Е. А., Крюкова С. В. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новогодних телеобращений В. В. Путина к Федеральному собранию) // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3–2 (20). С. 80–95.
3. Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M., Liebhart K. The discursive construction of national identity. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 268 p.
4. Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 94–99.
5. Новикова В. П. Поле битвы Брексит : лингвокогнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 93–99.
6. Дьякова Е. Ю. Использование социально-политического феномена BREXIT в создании имиджа британских университетов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 28–33.
7. Алиева Т. В. Референдум Брексит : языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой» // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. № 3. С. 8–13.
8. Baker P., Ellece S. Key Terms in Discourse Analysis. London ; NY : Continuum, 2011. 240 p.
9. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities // Discourse and Society. 1999. No. 12:2. Pp. 149–173.
10. Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 328 p.
11. Гаджиев К. С. Национальная идентичность : концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
12. Woodward K. Identity and Difference. London : Sage, 1997. 358 p.
13. Lynch K. What Time is this Place? Cambridge : MIT Press, 1972. 277 p.
14. Кожемякин Е. А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях президента к гражданам России // Дискурсология : возможности интерпретации гуманитарного знания : тез. докл. участников Всерос. на-уч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Л. Н. Синельникова. Ялта, 2018. С. 29–30.
15. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 245 с.
16. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // Wodak R., Meyer M. (eds.) Methods of Critical Discourse Analysis. London : SAGE, 2009. Pp. 87–121.
17. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view // Discourse & Communication. 2012. No. 6 (4). Pp. 449–468.
18. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/rise-from-the-ashes.html>
19. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М. : МАКС Пресс, 2008. 316 с.
20. Ратохина А. С., Ленец А. В. Лингвистическая репрезентация стратегии дистанцирования в коммуникативном поведении парламентариев Великобритании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78) : в 4 ч. Ч. 2. С. 138–141.

ИСТОЧНИКИ

1. Benn 13.06.2016 – Shadow Foreign Secretary Hilary Benn on Monday gave a speech campaigning against “Brexit.” June 13, 2016. URL: <https://www.newsweek.com/brexit-hilary-benn-speech-full-text-469547.html>
2. Cameron 09.05.2016 – PM speech on the UK’s strength and security in the EU, May 9, 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uk-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016.html>
3. Farage 20.09.2013 – Nigel Farage’s speech at the UKIP conference, September 20, 2013. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2013/09/nigel-farages-speech-full-text-and-audio.html>
4. Johnson 09.05.2016 – Boris Johnson’s speech on the EU referendum. The liberal cosmopolitan case to Vote Leave, May 9, 2016. URL: http://www.voteleavetakecontrol.org/boris_johnson_the_liberal_cosmopolitan_case_to_vote_leave.html
5. Johnson 14.02.2018 – Full text: Boris Johnson’s Brexit speech, February 14, 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-speech-uniting-for-a-great-brexite.html>
6. May 22.09.2017 – PM’s Florence speech: a new era of cooperation and partnership between the UK and the EU, September 22, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-florence-speech-a-new-era-of-cooperation-and-partnership-between-the-uk-and-the-eu.html>
7. Mogg 10.06.2016 – Jacob Rees-Mogg MP Speaks on Brexit, June 10, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mk6Ymy75814.html>

REFERENCES

1. Dubrovskaya T. V. 'I Was the First Westerner, The Only English Person: diskursivnoe konstruirovaniye natsional'noj identichnosti In *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Lingvistika*. 2015. № 2. Pp. 25–40.
2. Kozhemyakin E. A., Kryukova S. V. Yazykovoe modelirovaniye natsional'noj identichnosti v politicheskom mediadiskurse (na materiale novogodnikh teleobrashhenij V. V. Putina k Federal'nomu sobraniyu). In *Sovremennyy diskurs-analiz*. 2018. № 3–2 (20). Pp. 80–95.
3. Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M., Liebhart K. *The discursive construction of national identity*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 268 p.
4. Kropotukhina P. V. Kontseptual'nye metafory krizisnogo diskursa Velikobritanii. In *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 2 (62). Pp. 94–99.
5. Novikova V. P. Pole bitvy Breksit: lingvokognitivnyj analiz. In *Politicheskaya lingvistika*. 2019. № 2 (74). Pp. 93–99.
6. D'yakova E. Y. Ispol'zovaniye sotsial'no-politicheskogo fenomena BREXIT v sozdaniy imidzha britanskikh universitetov. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2019. № 2. Pp. 28–33.
7. Alieva T. V. Referendum Breksit: yazykovye sredstva aktualizatsii oppozitsii «svoj-chuzhoj». In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Lingvistika*. 2017. № 3. Pp. 8–3.
8. Baker P., Ellece S. *Key Terms in Discourse Analysis*. London, NY: Continuum, 2011. 240 p.
9. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities. In *Discourse and Society*. 1999. No. 12:2. Pp. 149–173.
10. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 328 p.
11. Gadzhiev K. S. Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyj aspekt. In *Voprosy filosofii*. 2011. № 10. Pp. 3–16.
12. Woodward K. *Identity and Difference*. London: Sage, 1997. 358 p.
13. Lynch K. *What Time is this Place?* Cambridge: MIT Press, 1972. 277 p.
14. Kozhemyakin E. A. Diskursivnoe konstruirovaniye natsional'noj identichnosti v novogodnikh televizionnykh obrashheniyakh prezidenta k grazhdanam Rossii. In *Diskursologiya: vozmozhnosti interpretatsii gumanitarnogo znaniya*. Tezisy dokladov uchastnikov vsrossijsk. nauchno-praktich. konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Otvetstvennyj redaktor L. N. Sinel'nikova. 2018. Pp. 29–30.
15. Solopova O. A. *Metaforicheskoe modelirovaniye obrazov proshlogo, nastoyashhego i budushhego v diskurse parlamentskikh vyborov v Rossii (2003 god) i Velikobritanii (2001 god)*. diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: UrGPU, 2006. 245 p.
16. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // Wodak R., Meyer M. (eds) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE, 2009. Pp. 87–121.
17. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view. In *Discourse & Communication*. 2012. No. 6 (4). Pp. 449–468.
18. *Dictionary.com*. Available at: <https://www.dictionary.com/browse/rise-from-the-ashes.html>
19. Kuz'menkova Y. B. *Ot traditsij kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantsev, amerikantsev i rossiyan*. Moscow: MAKS Press, 2008. 316 p.
20. Ratokhina A. S., Lenets A. V. Lingvisticheskaya reprezentatsiya strategii distantsirovaniya v kommunikativnom povedenii parlamentariev Velikobritanii. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 12(78): v 4 ch. CH. 2. S. 138–141.

SOURCES

1. Benn 13.06.2016 – Shadow Foreign Secretary Hilary Benn on Monday gave a speech campaigning against “Brexit.” June 13, 2016. Available at: <https://www.newsweek.com/brexit-hilary-benn-speech-full-text-469547.html>
2. Cameron 09.05.2016 – PM speech on the UK's strength and security in the EU, May 9, 2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016.html>
3. Farage 20.09.2013 – Nigel Farage's speech at the UKIP conference, September 20, 2013. Available at: <https://blogs.spectator.co.uk/2013/09/nigel-farages-speech-full-text-and-audio/>
4. Johnson 09.05.2016 – Boris Johnson's speech on the EU referendum. The liberal cosmopolitan case to Vote Leave, May 9, 2016. Available at: http://www.voteleavetakecontrol.org/boris_johnson_the_liberal_cosmopolitan_case_to_vote_leave.html
5. Johnson 14.02.2018 – Full text: Boris Johnson's Brexit speech, February 14, 2018. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-speech-uniting-for-a-great-brexit.html>
6. May 22.09.2017 – PM's Florence speech: a new era of cooperation and partnership between the UK and the EU, September 22, 2017. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-florence-speech-a-new-era-of-cooperation-and-partnership-between-the-uk-and-the-eu.html>
7. Mogg 10.06.2016 – Jacob Rees-Mogg MP Speaks on Brexit, June 10, 2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Mk6Ymy75814.html>

Пензенский государственный университет
 Дубровская Т. В., доктор филологических наук, доцент,
 заведующая кафедрой английского языка
 E-mail: gynergy74@gmail.com

Penza State University
 Dubrovskaya T. V., Doctor of Philology, Associate Professor,
 Head of the English Language Department
 E-mail: gynergy74@gmail.com

Юськаева Э. И., магистрант кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков
E-mail: elmira.yuskaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 13 октября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Дубровская Т. В., Юськаева Э. И. Прагмалингвистические средства конструирования коллективного прошлого в британском политическом выступлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 94–102. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2737>

Yuskaeva E. I., Post-graduate Student of the Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages Department

E-mail: elmira.yuskaeva@yandex.ru

Received: 13 October 2019
Accepted: 27 December 2019

For citation:

Dubrovskaya T. V., Yuskaeva E. I. Pragmalinguistic means of constructing the common past in british political speech. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 94–102. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2737>

УДК 811.133.1'373.422

ББК 81.471.1-315.4

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2738>

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРИЛОГИИ ЭРВЕ БАЗЕНА «ЗМЕЯ В КУЛАКЕ»

О. Б. Полянчук, Е. И. Свиридова

Воронежский государственный университет

LEXICAL MEANS OF ANTONYMIC RELATIONS VERBALIZATION IN TRYLOGY OF HERVÉ BAZIN'S NOVEL «VIPÈRE AU POING»

O. B. Polyanchuk, E. I. Sviridova

Voronezh State University

Аннотация: в статье рассматривается авторский концепт отрицания и особенности его объективации средствами антитезы, представленной антонимами различных видов. Демонстрация противопоставления двух элементов, их смысловое разграничение, а также их объединение определяют как основную функцию антитезы, что становится опорой при построении антитетической когнитивной модели репрезентации противопоставления индивидуально-авторских художественных концептов. В центре внимания находится концепт-оппозиция «герой – внешний мир», являющийся ключевым для раскрытия основных конфликтов романа Э. Базена «Змея в кулаке». Внутренний и внешний тип фокализации рассматриваются как важнейшее средство отражения отношений противопоставления, характер которого подчеркивается особенно ярко благодаря субъективной оценке от лица главного героя. Определяется ведущая роль фокализации при описании антонимических отношений, представленных антитезой. Изучается характер антонимических отношений, проводится их анализ с позиции теории внешней и внутренней фокализации, а также определяется взаимосвязь контекстуальной и лингвистической антонимии. Источником исследования послужили три части трилогии, а объектом исследования – лексические средства вербализации основных противопоставлений трилогии.

Ключевые слова: концепт-оппозиция, художественный текст, внутренняя и внешняя фокализация, антонимия, антитеза, комплексный анализ, средства вербализации.

Abstract: the article discusses the author's concept of negation and its objectification features through the antithesis represented by antonyms of various forms. Demonstration of a binary opposition, the semantic distinction of antonyms, as well as their unification, are defined as the main function of antithesis which becomes the basis for antithetical cognitive model of representation of individual-authorial artistic concepts opposition creation. The focus is on H. Bazin's «*Vipère au poing*» and the concept-opposition "hero-external world", that is the key to uncover novel's main conflicts. Internal and external types of focalization are considered as the most important means of oppositional relationships reflecting, its character is emphasized most clearly by subjective assessment on behalf of the protagonist. The leading role of focalization in describing antonymic relations represented by the antithesis is determined. The nature of antonymic relations was studied, they were analyzed from the perspective of external and internal focalization, and the relationship between contextual and linguistic antonymy was determined. Antonymic relations character was studied and analyzed from a position of external and internal focalization. In addition, the interconnection between contextual and linguistic antonymy was determined. Three parts of the trilogy were investigated and lexical means of trilogy oppositions verbalization were emphasized.

Key words: concept-opposition, literary text, internal and external focalization, antonymy, antithesis, complex analysis, means of verbalization.

© Полянчук О. Б., Свиридова Е. И., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей объективации авторского концепта отрицания путем использования антитезы, представленной в тексте антонимами различных типов.

В современной лингвистике отмечается усиление исследовательского акцента на изучение индивидуально-авторских концептов. Этот может объясняться рядом причин: во-первых, набор культурных ценностей лимитирован, следовательно, концепты исчерпаемы; во-вторых, ранее изучались преимущественно ценности, разделяемые большинством носителей языка, а на периферии оставались индивидуальные ценностные ориентиры, авторские ценности – индивидуальные образы, которыми оперирует несреднестатистическая языковая личность [1, с. 119].

В любом художественном тексте возможно выделение текстовых концептов, объединенных личностным инвариантным смыслом, соответствующим миропониманию автора. Художественному тексту приписывается статус индивидуальной опосредованной картины мира. Термин «картина мира» в данном случае сопровождается уточнением «концептуальная» [2], а единицами картины мира признаются индивидуально-авторские концепты. Иными словами, картина мира – это основа художественного отражения действительности или художественной картины мира, фундаментом которой служат авторские взгляды и оценки как реального, так и моделируемого в тексте художественного мира, их развитие и влияние на содержание индивидуально-авторского концепта на разных этапах творчества. Под художественной (авторской) картиной мира вслед за М. М. Бахтиным мы понимаем специфическую форму мировосприятия, выступающую в качестве альтернативы реальному миру и представляющую собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности [3].

В художественных текстах часто представлены концепты, объединенные инвариантным личностным компонентом, который характеризует авторское видение действительности. Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации, его существование зависит от рационального отражения и осмысления, т. е. концепт возникает на базе личного опыта или путем соединения уже известных компонентов. Важно, что соединяться могут не только элементы действительности, но и признаки, не отражающие действительность. В реальности существуют такие признаки, как животное с копытами, животное с гривой и животное с рогом на голове, но эти признаки, объединенные в концепт «единорог», не являются отражением действительности по причине отсутствия в ней единорога [4].

Индивидуальная концепция мира писателя вербализуется рядом лексических средств, из которых

стоит выделить оценочную лексику типа *tiex* (лучше) – *mal* (хуже), *beau* (красивый) – (некрасивый) и т. д. Говоря о средствах выражения авторского концепта, стоит уделить особое внимание средствам выразительности. Все, что окружает человека, может быть обозначено словом. Однако слова несут в себе не только информационную нагрузку о смысле явления или характере предмета. Благодаря средствам выражения, автор может преподнести конкретное явление или предмет в нехарактерном для него образе, создать для него соответствующую эстетическую, в частности негативную, окраску.

Когнитивный анализ художественного текста предполагает как выявление концептов, изучение способов их интеграции и построение фреймовых структур, так и исследование лингвистических средств их вербализации. Более того, одним из аспектов когнитивного анализа текста является изучение не только конкретного концепта, взятого обособленно, но и его оппозиции. В настоящем исследовании в центре внимания оказывается концепт-оппозиция «герой – внешний мир» и лингвистические (в частности, словообразовательные и семантические) средства его репрезентации. Концепт-оппозиция «герой – окружающий мир» определяет конфликт как движущую силу сюжета романа. На нем базируется раскрытие типологии языковой личности главного героя. Именно конфликт как воплощение борьбы противоположностей разделяет вселенную трилогии Эрве Базена «Семья Резо» на противоборствующие стороны [5].

Разделяя мысль С. В. Манджиевой о том, что концепты, представляемые в текстах художественных произведений, подвергаются влиянию авторского мировоззрения, получая специфический, индивидуальный ракурс [6, с. 5], мы хотели бы подчеркнуть, что специфика текста заключается в его целостности, т. е. в единстве языковых, речевых и когнитивных компонентов, взаимодействие которых определяет его смысловую составляющую. Подобная целостность, а также многообразие подходов к изучению текста, представляет не только простор методов исследования текста, но и оставляет проблемы интерпретации текста открытыми, что определило актуальность данного исследования.

Цель настоящего исследования заключается в определении средств вербализации антонимических отношений в трилогии Эрве Базена «Семья Резо» и их систематизации.

Исходя из цели, были определены следующие задачи данной работы: во-первых, изучить характер антонимических отношений на примере трилогии «Змея в кулаке», во-вторых, определить основные антитезы романа и провести их анализ с точки зрения авторского приема внешней и внутренней фокализа-

ции, в-третьих, провести анализ лексики, характеризующей антитезы романа, осуществить ее классификацию, привести в соответствие типы лексической антонимии и выявленные типы концептов-оппозиций и, наконец, определить взаимосвязь контекстуальной и лингвистической антонимии.

Перед тем как перейти к решению поставленных задач, необходимо остановиться на актуальных для данного исследования теоретических положениях.

Вслед за Р. Бартом мы рассматриваем антитезу как фигуру, призванную развешивать, так как ее элементы разделены прочнейшим из барьеров – барьером смысла. Термин «барьер смысла» обозначает смысловое «препятствие» между компонентами антитезы, противопоставленными друг другу. Французский исследователь видит в антитезе «образ вражды» и сравнивает ее со «стеной без двери» [7, с. 79], подчеркивая семантическую несовместимость представляемых ею элементов. Но Р. Барт также отмечает, что антитеза дает возможность противоположностям соединиться, выступая в качестве трансгрессии, т. е. позволяя отличным друг от друга элементам слиться и стать единым целым [7, с. 39].

Характерной для человеческого сознания когнитивной моделью, наряду с прочими, является антитетическая модель восприятия действительности. По словам Ш. Балли, человеческий ум склонен постоянно противопоставлять друг другу различные понятия [8, р. 181]. Ф. Робриэ считает, что антитеза устанавливает отношения противопоставления между двумя мыслями, одна из которых делает значимой другую [9, р. 120]. Таким образом, антитеза оказывается сложным ментальным конструктом. Являясь фигурой мысли, антитеза реализуется, прежде всего, на ментальном уровне.

Р. Барт также считает, что антитеза может и объединять «несовместимое», и обеспечивать переход из крайности в крайность. Значит, основной функцией антитезы является не только демонстрация противопоставления двух элементов и их смысловое разграничение, но и их объединение. Это становится опорой при построении антитетической когнитивной модели репрезентации противопоставления индивидуально-авторских художественных концептов.

Ведущая роль человека в процессах восприятия и порождения речи диктует необходимость изучения языка с позиции индивидуального человеческого мышления. Антитеза, в основе которой лежит языковая антонимия, т. е. значение системного противопоставления, закрепленное в языке, однозначно воспринимается адресатом речи, в то время как контекстуальная антонимия воспринимается читателем лишь с учетом контекста и личного опыта, что делает процесс понимания более сложным с одной стороны и более специфичным с другой.

В художественном тексте мы отмечаем наличие как антитезы, носящей типовой характер, так и антитезы индивидуально-авторского характера, которая воспринимается не непосредственно, а через серию косвенных маркеров. Например, мы наблюдаем следующие проявления антитезы эксплицитного характера, выражающиеся в основных конфликтах, заключенных в художественном тексте: конфликт добра и зла, любви и ненависти, верности и предательства, мира и войны и т. д. Необходимо отметить, что в настоящем исследовании перечисленные концепты-оппозиции рассматриваются в рамках макроконцепта-оппозиции «герой – внешний мир». На наш взгляд, индивидуально-авторская антитеза представляет наибольший интерес для изучения, так как, являясь по своей сути скрытой, она обнаруживает скрытые противопоставления, заложенные автором, а следовательно, имплицитно не только языковые противопоставления, но и индивидуальные, принадлежащие непосредственно автору, что дает ключ к пониманию авторского видения мира, т. е. авторского концепта и его влияния на содержание художественного текста и его восприятия читателем. Кроме того, средства вербализации концептов-оппозиций (т. е. типовых средств актуализации антитезы) могут быть представлены не только на лексическом уровне, но и на словообразовательном (что проявляется в высокой частоте употребления отрицательных приставок). Этот факт приводит к различной степени выраженности антитезы, что объясняется спецификой взаимодействия таких типов языковых значений, как словообразовательное и лексическое [10; 11].

Мы рассматриваем художественный текст как результат мыслительной деятельности автора, представляющий собой лабиринт, наполненный подсказками в виде авторских приемов, служащих для восприятия идей и мыслей, скрытых в нем. Автор часто располагает идеи разной степени эксплицитности в иерархическом порядке. Более того, идеи автора не всегда реализуются в полной мере вербальными средствами. Автор вербализует разность, полученную в результате вычитания из собственного замысла предполагаемых знаний читателя. Читатель, в свою очередь, суммирует эту разность в соответствии с собственными знаниями. Через текст автор осуществляет процесс коммуникации с читателем, стремясь вызвать эмоциональный отклик. Воздействие на читателя определяется выбором определенных языковых средств, несущих в себе эффект экспрессивности и эмоциональности. Автор выбирает индивидуальные лексические, грамматические, синтаксические, стилистические и другие средства, призванные донести авторское видение мира [12].

Несправедливо было бы не указать на жанровую специфику исследуемой трилогии Э. Базена и не

обратиться к исследованию Н. А. Литвиненко, в котором автор полагает, что «важно не абсолютизировать один инвариант литературного жанра, одну модификацию, а осмысливать специфику трансформации тематического начала, приобретающего или утрачивающего ту или иную жанровую функцию» [13]. Нам важно подчеркнуть, что в трилогии Базена черты семейного и исповедального романа смешаны, что позволяет проследивать противоречия не только через внешний конфликт, но, в первую очередь, через внутренний мир героя. Таким образом, перед читателем предстает интимная сторона жизни главного героя, что делает его мотивацию ближе и понятнее. «Внутренний» и «внешний» планы повествования дают возможность автору разнопланово продемонстрировать среду, в которой развивается герой. Основная задача, в нашем случае, при подобной демонстрации возложена на внутрисемейный конфликт. Важнейшим значением обладает характер связи главного героя с другими членами семьи, взаимодействие представителей разных поколений, отличающихся своим образом мыслей и ценностными ориентирами. Семья рассматривается как сдерживающая и враждебная сила.

Через исповедь Э. Базен демонстрирует нарастание конфликта одновременно с нарастанием чувства ненависти, а затем переход к любви и прощению. Этот путь искупления связывает три части романа воедино: Жан Резо «побеждает» в войне с матерью благодаря своей ненависти, но затем осознает бесполезность победы, связывающей его с прошлым. Жан становится на путь поиска счастья, для прохождения которого ему необходимо преодолеть и переделать себя, ему предстоит обрести себя.

В связи с вышеизложенным особенно значительным для исследования оказывается организация повествования – выбор автором точки обзора, с которой демонстрируются описываемые события. В данном контексте необходимо обратиться к такому ключевому понятию, как «фокализация». Фокализация как подход к исследованию проблемы зрительной перспективы в литературных произведениях был заложен Жаном Пуйоном. Термин получил широкое распространение благодаря Жерару Женетту, который под фокализацией понимал организацию в повествовании точки зрения и способы донесения ее до читателя [14, с. 204]. Ж. Женетт также выделил типы фокализации:

– нулевая фокализация, при которой повествование ведется с точки зрения всеведущего автора. Рассказчик обладает более полной информацией, чем любой персонаж;

– внутренняя фокализация, когда повествование ведется от лица персонажа, т. е. рассказчик и персонаж обладают идентичным объемом информации, и таким образом, повествование становится субъективным;

– внешняя фокализация, при которой повествование ведется с точки зрения «объективного нарратора», знающего даже меньше, чем персонаж» [15, с. 41–42].

При более подробном рассмотрении каждого типа фокализации, мы, вслед за М. М. Бахтиным, выделяем следующие основные характеристики, присущие каждому типу. При нулевом типе фокализации отношение автора к персонажу становится тождественным отношению героя к себе. Мысли и чувства героя принадлежат автору, и он открыто демонстрирует их читателю. При внутренней фокализации читателю доступен взгляд на мир исключительно глазами персонажа. Читатель получает информацию искаженной через призму субъективного анализа героя, его индивидуальную интерпретацию событий. При внешнем типе фокализации герой «доминирует» над автором, взгляд на героя оформляется при помощи нейтрального, безоценочного нарратива [16, с. 15].

Таким образом, фокализация представляет собой средство моделирования смыслов на уровне организации текста. Противопоставление того, что видит персонаж и того, что рассказывает повествователь, может быть выражено на текстовом уровне различными средствами. Необходимо также указать, что для нашего исследования особый интерес представляет оценочная лексика как средство репрезентации ценностных ориентаций, представляющих как авторский концепт отрицания в целом, так и каждый микроконцепт-оппозицию в частности.

Основные концепты-оппозиции романа Э. Базена «Змея в кулаке»

Изучая трилогию Эрве Базена «Змея в кулаке» с позиции теории фокализации, мы отметили преобладание внутренней фокализации, характеризующейся крайне субъективной оценкой событий главным героем трилогии. Повествование в трилогии ведется от лица главного героя Жана Резо, чья личность сопряжена с личностью автора, т. е. самого Э. Базена. Каждое событие трилогии, поведение каждого из героев, в том числе свое собственное, Жан Резо комментирует и поясняет в полном объеме, предоставляя читателю набор ассоциаций, подчеркивающих основные конфликты произведения, т. е. основные антитезы, с помощью которых автор выражает борьбу противоположных тенденций. Кругозор нарратора в романе базируется на интерференции двух перспектив. Повествование ведется в рамках одного мнения, а также с позиции времени – нарратора, корректирующего субъективное мнение героя. На протяжении всей трилогии мы наблюдаем идентичные конфликты, но, говоря о процессе вербализации индивидуально-авторского концепта, необходимо отметить специфику выражения антонимических

отношений, которые могут нередко оказываться имплицитными.

В трилогии также отмечается факт наличия внешнего типа фокализации, отражающей «вечные» конфликты, выявленные в тексте, т. е. противопоставления, являющиеся общепринятыми и очевидными для читателя, воспринимаемые им обособленно от контекста. Однако внешний тип фокализации не является частотным.

Таким образом, внутренняя фокализация в трилогии Эрве Базена «Змея в кулаке» является важнейшим средством отражения антитетических отношений, характер которых подчеркивается особенно ярко благодаря субъективной оценке от лица главного героя. Так, после определения роли фокализации в выражении антитезы важно обратиться непосредственно к характеристике антонимических отношений, представленных антитезой, для дальнейшего определения основных лексических средств и вербализации основных конфликтов трилогии.

Переходя к практическим результатам исследования, отметим, что нами было исследовано три части трилогии: «Змея в кулаке», «Смерть лошадки», «Крик совы», содержащие около 49 000 лексем, из которых были выделены лексические средства вербализации оппозиций трилогии.

В процессе исследования использовались следующие **методы**: концептуальный анализ, контекстуальный и компонентный анализ.

Трилогия Эрве Базена «Семья Резо» характеризуется наличием ярко выраженной антитезы, составляющей основу повествования. Сюжетные линии произведения содержат в своей основе противопоставление. Так, в процессе исследования были выделены основные конфликты трилогии, которые вписываются в общую «формулу» конфликта «герой – внешний мир». Главный герой Жан Резо противопоставлен своей матери. Мадам Резо, являясь собирательным образом семьи Резо и мира, в котором родился Жан, порождает ряд иных конфликтов, которые можно условно разделить на три группы: любовь – ненависть, свобода – несвобода, созидание – разрушение. Важно отметить, что данные противопоставления прослеживаются на всей протяженности повествования, что доказывает их ведущую роль в построении сюжета. Более того, помимо ключевого характера антитезы, факт постоянного наличия противопоставления отражает непрерывный характер антитезы и, как следствие, те перманентные характеристики событий и персонажей, которые отражают авторский контекст. Также при учете явления фокализации как основы для классификации сюжетных противопоставлений антитеза приобретает скрытый или явный характер, в зависимости от способа ее выражения в трилогии – с

помощью внутренней или внешней фокализации соответственно.

Таким образом, антонимические отношения в трилогии Э. Базена, представленные антитезой, носят ключевую, непрерывную, явную или скрытую характер.

Исходя из особенностей построения сюжета и принимая во внимание основные интересующие автора концепты: любовь, свобода и разрушение, – мы пришли к выводу, что ведущая роль в трилогии принадлежит антонимическим отношениям, являющимся репрезентацией основной «глобальной» антитезы «герой – внешний мир», которая для точности и наглядности анализа была разделена на более конкретные противопоставления, такие как: «любовь – ненависть», «свобода – несвобода» и «разрушение – созидание».

Исследуемые противопоставления стали предметом изучения вследствие их ведущей роли в произведении, а также их основополагающей для демонстрации конфликтов персонажей роли. Выявленные антитезы были рассмотрены с точки зрения авторского приема внешней и внутренней фокализации, т. е. с субъективной позиции главного героя и с точки зрения «вечности», исторических событий и конфликтов, воспринимаемых читателем обособленно от контекста. Анализируемые лексемы были классифицированы на основе их парного или непарного употребления, а также на основе их прямого или косвенного отношения к ядру лексико-семантического поля антитезы.

Далее обратимся к каждой из выделенных антитез и рассмотрим подробнее особенности вербализации представляющих их концептов.

Одним из ключевых противопоставлений трилогии «Змея в кулаке» является противостояние любви и ненависти, на котором базируется главная сюжетная линия конфликта Жана Резо с матерью. Любовь и ненависть представлены автором как два противоположных пути, один из которых Жан должен избрать для дальнейшей жизни. Процесс выбора провоцирует внутренний конфликт героя с собственным «я», изменяющимся под воздействием окружающего мира и матери, а также открытую борьбу против навязываемого образа жизни и ценностей. Автор рассматривает данный конфликт с двух точек зрения. С помощью приема внешней и внутренней фокализации автор демонстрирует, как любовь и ненависть находят свое выражение в словах и поступках действующих лиц повествования, а также как оппозиция «любовь – ненависть» представлена через призму субъективной оценки героями трилогии.

Так, при изучении антитезы «любовь – ненависть» с позиции внешней фокализации, было установлено, что данная антитеза представлена в тексте

наиболее частотны, что позволяет охарактеризовать ее как ядерную антитезу трилогии, описывающую центральный конфликт. Нами были отобраны лингвистические антонимы и охарактеризованы как ядро семантического поля, отражающего конфликт любви и ненависти: *haine* (ненависть) – *amour* (любовь); *aimer* (любить) – *détester* (ненавидеть), *aimer* (любить) – *hair* (ненавидеть), *n'aimer* (не любить) – *ne détester* (не ненавидеть). К ядру семантического поля также были отнесены стилистические антонимы, которые были выявлены в каждой из частей трилогии. Данную группу антонимов характеризует их употребление автором вне антонимической пары, т. е. данный тип антонимов используется автором для выражения индивидуального авторского концепта, что позволило охарактеризовать подобные антонимы как авторские: *détester* (ненавидеть), *aimer* (любить), *hair* (ненавидеть), *amour* (любовь), *haine* (ненависть).

Далее была отмечена группа антонимов, трактуемая нами как периферийная группа, содержащая лексемы, вербализующие противопоставляемые концепты, которые являются индивидуально-авторскими. Данные лексемы вступают в антонимические отношения исключительно в контексте. Например, такие лексемы, характеризующие проявления ненависти, как *siffler* (шипеть), *fourner de vis* (закручивать гайки), *coup de talon* (удар каблуком), *goût de malheur* (вкус несчастья) и т. д. Проявление любви и ее описание представлены следующими лексемами: *chocolat* (шоколад), *la main sur mon épaule* (рука на моем плече), *nulle parade* (ничего показного) и т. д.

Нами были исследованы 94 лексемы, вербализующие авторский концепт «любовь», и 82 лексемы, вербализующие концепт «ненависть». Первая часть трилогии содержит 17 лексем, вербализующих концепт любви, и 54 лексемы, характеризующие концепт «ненависть». Вторая часть – 63 лексемы, вербализующие концепт любви, и 18 лексем, соответствующих концепту ненависти. Третья часть трилогии содержит 14 и 10 лексем соответственно.

Первая часть трилогии, помимо ненависти, царящей в семейном замке Резо, демонстрирует политику лишений и наказаний мадам Резо. Мать строго следит за выполнением всех ее приказов и выдуманных ею правил, наказывая за малейшие провинности и протесты. Подобная своеобразная тюрьма, где главным надзирателем выступает мать, сковывает главного героя, провоцируя его не только на проявление ненависти, но и на борьбу за собственную свободу. Так рождается конфликт, в котором противоборствующими сторонами оказываются снова мать и сын, где мать выступает в роли «носителя» несвободы, а сын, напротив, является «хранителем» идеи свободы и свержения тирана.

Антитеза «любовь – ненависть»

Подводя итог изучению средств вербализации антитезы «любовь – ненависть», важно отметить следующие особенности выражения данного конфликта. Во-первых, необходимо подчеркнуть динамику развития конфликта, отраженную в частотности и в специфике выбора лексических средств: высшая точка конфликта отмечена высокочастотной лексикой, описывающей ненависть, и, напротив, малочастотной лексикой, относящейся к проявлению любви. Во второй части трилогии мы наблюдаем тенденцию к повышению частотности лексики, вербализующей концепт «любовь»: *touchante à souhait* (трогательная до слез), *trotter* (носиться), *main sur mon épaule* (рука на моем плече), *brille une légère alliance* (сверкает тонкое обручальное кольцо), *force* (сила), *madone blanche* (белая мадонна), *fleur* (цветок), *miel* (мед), *collection de joies* (коллекция радостей) и т. д. Так, подводя промежуточный итог, мы делаем вывод о том, что лексические средства вербализации антитезы «любовь – ненависть» представлены в тексте в динамике.

Во-вторых, в процессе исследования текста были выделены многочисленные средства репрезентации конфликта «любовь – ненависть». Средства, используемые автором при демонстрации конфликта через прием внешней фокализации, являются как языковыми, так и контекстуальными антонимами: *baiser* (целовать) – *gifler* (давать пощечину); *effusions* (ласки) – *représailles* (репрессии); *accabler* (угнетать) – *aider* (помогать); *ne détester* (не ненавидеть) – *n'aimer* (не любить) и т. д. Напротив, средства демонстрации антитезы с точки зрения главного героя оказываются исключительно контекстуальными антонимами, что может быть объяснено субъективным восприятием действительности Жаном Резо: *idéniable entente* (семейное согласие) – *aversion* (враждебность); *soleil* (солнце) – *nuit* (ночь); *effusions* (ласки) – *coup de fourchette* (удар вилок); *vivre côte à côte* (жить бок о бок) – *s'acharner* (настраивать против).

Антитеза «свобода – несвобода»

Изучаемая антитеза «свобода – несвобода» также представлена исключительно стилистическими антонимами. В процессе исследования лексема *liberté* (свобода), наличие которой прослеживается в первой и второй частях трилогии, была определена как ядерная лексема семантического поля конфликта «свобода – несвобода». Важно подчеркнуть, что лексика, характеризующая борьбу за свободу главного героя, не так частотна, как лексика, вербализующая конфликт любви и ненависти. Однако, изучая антитезу «свобода – несвобода» на предмет наличия лексики, характеризующей ее с позиции субъективного восприятия свободы Жаном Резо, мы обнаружили ее более высо-

кую частотность. Восприятие Жаном Резо концепта «свобода» показано автором с помощью приема внутренней фокализации. Главный герой видит проявление собственной свободы в любых поступках, отражающих его протест против матери: *regarder fixement* (смотреть в упор), *s'affirmer* (самоутверждаться), *contredir* (отрицать), *vin* (вино), *adolescence* (взросление) и т. д.

Итак, в первой части трилогии было выделено 7 лексем, вербализующих концепт «свобода», и 13 лексем, характеризующих концепт «несвобода». Вторая часть трилогии содержит 1 лексему, описывающую концепт «свобода», и 1 лексему, относящуюся к концепту «несвобода». Третья часть трилогии содержит 18 и 1 лексему соответственно. Из этого следует, что лексика, вербализующая антонимические отношения, выполняет не только функцию выражения конфликтов, но и демонстрирует динамику развития противостояния. Конфликт таких противоположных явлений, как разрушение и созидание, отражает естественное течение времени, которое оказывает влияние на сюжет и на судьбы персонажей: сменяются люди в жизни Жана Резо, сменяются поколения, и на смену устаревшему приходит новое. Однако в трилогии мы отмечаем не только власть судьбы над персонажами романа. Мадам Резо оказывается символом разрушения – она собственными руками рушит создаваемые Жаном Резо отношения.

Антитеза «свобода – несвобода» продемонстрирована наиболее ярко в первой части трилогии, причем большая концентрация лексических средств выражения конфликта отмечена при рассмотрении противопоставления с точки зрения главного героя, что может быть обусловлено доминированием концепта «несвобода» и отсутствием возможности у главного героя действовать открыто. Во второй части трилогии также отмечается повышенная частотность лексики, относящейся к субъективному восприятию конфликта Жаном Резо, который может быть объяснен особым взглядом главного героя на собственную свободу.

Антитеза «разрушение – созидание»

Интересующая нас антитеза «разрушение – созидание» представлена также только стилистическими антонимами. Ядром семантического поля, включающего антитезы «разрушение – созидание», стали такие авторские пары антонимов, как *decliner – monter* (приходить в упадок – подниматься), *aller – arriver* (уходить – приходить), *se marier – s'enterrer* (жениться – хоронить), *jeunes – vieux* (молодой – старый). Также были отобраны непарные стилистические антонимы в количестве 61, вступающие в отношения противопоставления и относящиеся к периферии стилистического поля данного конфликта: *decliner*

(идти к упадку), *s'effondre* (рушиться), *respirer seul* (дышать в одиночестве), *vieilles familles* (старинные семейства) – *nouvelle génération* (новое поколение).

Важно отметить, что старое поколение семьи Резо не созидает. Главным создателем является Жан Резо. Именно он создает сопротивление против матери, именно он выстраивает дружеские и любовные отношения и, наконец, именно он создает семью, совершенно отличную от Резо, лишенную изъянов, присущих семье его детства. Так, в первой части трилогии Жан Резо создал: *Déclaration des droits* (Декларация прав), *cartel des Gosses* (картель мальчишек). Выбор лексики обусловлен протестом, вынудившим главного героя создать подобие организации по защите прав и ее устава. Во второй и третьей части трилогии мы прослеживаем эволюцию повзрослевшего Жана Резо: *enfant* (ребенок), *fil* (сын), *mariage* (брак), *nouvelle génération* (новое поколение).

Результатом анализа трилогии «Змея в кулаке» с точки зрения авторского приема внутренней фокализации стало формирование группы стилистических антонимов, вербализующих указанные ранее конфликты. Проанализированные лексемы также были расположены на перифериях семантических полей антитез, к которым они относятся. Так, антитеза «любовь – ненависть» представлена 172 лексемами, находящимися в отношениях противопоставления, антитеза «свобода – несвобода» – 113 лексемами. Антитеза «разрушение – созидание» с позиции приема внутренней фокализации не представлена.

Необходимо отметить, что изучение трилогии «Змея в кулаке» с точки зрения авторского приема внутренней фокализации определило факт отсутствия лексических средств вербализации антонимических отношений, выражающих противопоставление «созидание – разрушение». Данное явление объясняется тем, что автор наглядно демонстрирует процесс смены поколений и разрушения поместья семьи Резо, который только описывается главным героем и трактуется им объективно. Разрушение находит свое выражение в смерти родственников главного героя, в крушении устаревших уставов и исчезновении отслуживших слоев общества. Созидание противопоставляется разрушению благодаря таким явлениям, как рождение детей и создание семей нового порядка.

Полученные данные позволили нам сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение трилогии Э. Базена «Семья Резо» с целью выявления лексических средств вербализации антонимических отношений, имплицитных антитезой, показало, что антонимические отношения в тексте представлены контекстуальными и лингвистическими антонимами. Употребление автором выявленных антонимов в рамках данного исследования трактуется как авторское средство выраже-

ния, подчеркивающее основные конфликты трилогии, динамику их развития. Так, были выявлены три основных противостояния трилогии: «любовь – ненависть», «свобода – несвобода», «разрушение – созидание», входящие в состав общей антитезы «герой – внешний мир», и лексические средства их выражения, представленные как контекстуальными, так и лингвистическими антонимами, которые, относясь к противопоставляемым концептам, вступают не только в антонимические отношения, но и в отношения взаимодействия.

Лексическая антонимия обнаруживается в основном при исследовании противопоставлений с точки зрения авторского приема внешней фокализации, в то время как контекстуальная антонимия оказывается признаком демонстрации конфликтов через субъективное мнение главного героя.

Следовательно, представляя конфликт с различных точек зрения, антонимические отношения являются взаимосвязанными. Они позволяют отследить конфликт, начиная со стадии его зарождения и заканчивая его исчезновением. Подобная демонстрация конфликтов трилогии создает акцент на конфликтной направленности сюжета, превращая контекстуальную и лингвистическую антонимию в основное средство выражения авторского концепта трилогии «Семья Резо».

Во-вторых, наличие антонимических отношений отмечено на протяжении всей трилогии, так как именно наличие противопоставления оказывается основополагающим выражением авторского концепта.

Во-третьих, лексика, вербализующая антонимические отношения, выполняет не только функцию выражения конфликтов, но и демонстрирует динамику развития противостояния. Так, количество выявленных лексических средств вербализации антитезы «любовь – ненависть» позволяет судить о течении конфликта, выделить его высшую точку в первой части трилогии и низшую в третьей. Конфликт «свобода – несвобода» также обладает нисходящей динамикой. Мы отмечаем большую концентрацию лексических средств вербализации противопоставления в первой части трилогии и их отсутствие в третьей, что означает также отсутствие антитезы. Противопоставление концептов «разрушение» и «созидание», напротив, обладает восходящей динамикой, так как приобретает наибольшее количество средств вербализации в третьей части трилогии.

В-четвертых, авторский прием внутренней фокализации представляет изучаемые антитезы с точки зрения главного героя, что сопровождается наличием только стилистических антонимов в качестве средств вербализации конфликта. Некоторые лексические средства вербализации антонимических отношений

также выполняют стилистическую функцию, т. е. подчинены индивидуально-авторскому концепту. Более того, частотность лексики, вербализующей антонимические отношения трилогии через призму восприятия героя, превосходит частотность лексики, вербализующей идентичные конфликты с точки зрения приема внешней фокализации. Подобное явление объясняется спецификой индивидуально-авторского подхода к описанию личности главного героя, а также спецификой психологизма творчества Э. Базена.

Подводя итог исследованию, отметим, что антонимические отношения в трилогии Э. Базена «Змея в кулаке» могут быть вербализованы как ядерными, исключительно лингвистическими антонимами, так и периферийными, исключительно стилистическими средствами, выражающими антонимические отношения изученной трилогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко С. М. Анализ межтекстовых ассоциативно-смысловых полей в аспекте идиостиля (на материале поэзии Н. С. Гумилева) // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск : Изд-во ЦНТИ, 2000. С. 23–34.
2. Красавский Н. А. Метафорическая репрезентация концепта «одиночество» в романе Германа Гессе «Степной волк» // Рефлексии. Журнал по философской антропологии. 2010. С. 118–133.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 300 с.
4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Полянчук О. Б., Свиридова Е. И. Словообразовательные средства реализации концепта-оппозиции «герой – окружающий мир» в романе Э. Базена «Змея в кулаке» // Когнитивные исследования языка. Тамбов : ПРИНТ-СЕРВИС, 2018. С. 317–322.
6. Манджиева С. В. Ключевые концепты в рассказах О. Генри : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград : Перемена, 2010. 23 с.
7. Барп Р. S/Z / М. : Культура ; Ad Marginem, 1994. 303 с.
8. Bally Ch. Traité de stylistique française. Paris : Genève, 1951. 332 p.
9. Robrieux J.-J. Rhétorique et argumentation. Paris : Edition NATHAN/HER, 2000. 262 p.
10. Полянчук О. Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов (на материале французского языка) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 47–50.
11. Полянчук О. Б. Когнитивные основы перевода лексических единиц, репрезентированных комплексным знаком // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2006. Вып. 7, ч. 2. С. 195–202.

12. Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. 208 с.

13. Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века // Эволюция жанра: учеб. пособие. М.: УРАО, 1999. 163 с.

14. Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

15. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

16. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Bazin H. *Vipère au poing*. P.: Éditions Le Livre de Poche, 1972. 186 p.

2. Bazin H. *Cri de la chouette*. P.: Grasset, 1973. 297 p.

3. Bazin H. *La mort du petit cheval*. P.: Éditions Le Livre de Poche, 1972. 224 p.

REFERENCES

1. Karpenko S. M. Analiz mezhtekstovyykh associativno-smyslovyykh polej v aspekte idiostilya (na materiale poezii N. S. Gumileva). In *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v hudozhestvennom tekste*. Tomsk: Izd-vo CNTI, 2000. Pp. 23–34.

2. Krasavskij N. A. Metaforicheskaya reprezentaciya koncepta «odinochestvo» v romane Germana Gesse «Stepnoj volk». In *Refleksii. Zhurnal po filosofskoj antropologii*, 2010. Pp. 118–133.

3. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo, 1986. 300 p.

4. Kubryakova E. S. *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 p.

5. Polyanchuk O. B., Sviridova E. I. Slovoobrazovatel'nye sredstva realizacii koncepta-oppozicii «geroj-okruzhayushchij mir» v romane E. Bazena «Zmeya v kulake». In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Tambov: PRINT-SERVIS, 2018. Pp. 317–322.

Воронежский государственный университет
Полянчук О. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии
E-mail: bollona@mail.ru

Свиридова Е. И., аспирант кафедры французской филологии
E-mail: Zhenia.korypaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 23 ноября 2019 г.
Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Полянчук О. Б., Свиридова Е. И. Лексические средства вербализации антонимических отношений в трилогии Эрве Базена «Змея в кулаке» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2738>

6. Mandzhieva S. V. *Klyuchevye koncepty v rasskazah O. Genri: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. Volgograd: Peremena, 2010. 23 p.

7. Bart R. S/Z. Moscow: Kul'tura; Ad Marginem, 1994. 303 p.

8. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Paris: Genève, 1951. 332 p.

9. Robrieux, J.-J. *Rhétorique et argumentation*. Paris: Edition NATHAN/HER, 2000. 262 p.

10. Polyanchuk O. B. Kognitivnye prichiny zakonmernostej semanticheskoy derivacii proizvodnykh slov (na materiale francuzskogo yazyka). In *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2005. № 2. Pp. 47–50.

11. Polyanchuk O. B. Kognitivnye osnovy perevoda leksicheskikh edinic, reprezentirovannykh kompleksnym znakom. In *Sociokul'turnye problemy perevoda: sb. nauch. tr.: v 2 ch. / Voronezh, gos. un-t. Voronezh, 2006. Vyp. 7, ch. 2*. Pp. 195–202.

12. Goncharova E. A. *Interpretaciya khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 208 p.

13. Litvinenko N. A. Francuzskij istoricheskij roman pervoj poloviny XIX veka. In *Evolyuciya zhanra: Uchebnoe posobie*. Moscow: Izdatel'stvo URAO, 1999. 163 p.

14. Zhenett Z. *Figury*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 1998. 944 p.

15. Shmid B. *Narratologiya*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 312 p.

16. Uspenskij B. A. *Poetika kompozicii*. SPb.: Azbuka, 2000. 352 p.

SOURCES

1. Bazin H. *Vipère au poing*. P.: Éditions Le Livre de Poche, 1972. 186 p.

2. Bazin H. *Cri de la chouette*. P.: Grasset, 1973. 297 p.

3. Bazin H. *La mort du petit cheval*. P.: Éditions Le Livre de Poche, 1972. 224 p.

Voronezh State University
Polyanchuk O. B., Doctor of Philology, Professor of the French Philology Department
E-mail: bollona@mail.ru

Sviridova E. I., Post-graduate Student of the French Philology Department
E-mail: Zhenia.korypaeva@yandex.ru

Received: 23 November 2019
Accepted: 27 December 2019

For citation:

Polyanchuk O. B., Sviridova E. I. Lexical means of antonymic relations verbalization in trilogy of Hervé Bazin's novel «Vipère au poing». *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2738>

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2739>

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА *ВОЛК*
ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАЗЕОЛОГИИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. В. Алексеев

Московский городской педагогический университет

THE CULTURAL VALUE OF THE WORD *VOLK (WOLF)* BASED
ON THE MATERIALS OF PHRASEOLOGY (DIACHRONIC ASPECT)

A. V. Alekseev

Moscow City Pedagogical University

Аннотация: предмет статьи – устойчивые выражения номинативного и коммуникативного типов, включающие опорное слово «волк». Рассматриваются символические значения слова «волк», реализуемые во фразеологизмах, составляющих семантическое поле более чем из 370 единиц. Цель работы – описать культурную значимость слова «волк», образуемую символическими значениями (символическими признаками) слова. Культурная значимость слова рассматривается в диахроническом аспекте: от ее архаического состояния в праславянский период к семантике древнерусского времени, с учетом оценочной модификации после принятия христианства и последующей трансляции традиционных признаков в современном русском языке. В работе применяется сравнительно-исторический метод, позволивший реконструировать древнерусскую пословицу (*про вьлка гьлка, а вьлкь из колька) и архаичное символическое значение слова волк – ‘злой пастух’. Это значение опирается на мифологические представления праславянской эпохи: анализ пословиц показывает, что волк воспринимался как воплощение языческого божества плодородия Ярилы, сохраняющего скот и принимающего жертвы. Полученные выводы опираются на структурно-семантический метод, в соответствии с которым культурная значимость слова «волк» складывается из совокупности семантических признаков, полученных при анализе отдельных языковых единиц четырех секторов (‘овцы’, ‘одушевленный объект’, ‘ситуация взаимодействия с волками’, ‘стереотипные качества’) фразеологического семантического поля. В результате анализа был определен символический образ волка: неизменный и бескомпромиссный противник человека, опасный обитатель чужого, потустороннего мира, способный вторгаться в обыденный мир, жестокий и решительный хищник, чей характер определен самим мироустройством. Полученные результаты актуальны для исторической лексикологии и лингвокультурологии и могут быть использованы при составлении исторического словаря символических значений. Проведенным анализом установлено, что происхождение символических значений слова «волк» связано с мифологическими представлениями аграрного общества, с древним содержанием русского народного праздника Юрьев день (весенний).

Ключевые слова: историческая лексикология, культурная значимость, символическое значение, фразеология, паремии, синхрония и диахрония.

Abstract: the research object of the article is stable expressions of nominative and communicative types, including the reference word volk (wolf). The article considers symbolic value of the word volk (wolf), realized in phraseological units that make up a semantic field of more than 370 units. The aim of the work is to describe the cultural value of the word volk (wolf), formed by the symbolic meanings (symbolic signs) of the word. The cultural value of the word is considered in a diachronic aspect: from its archaic state in the pre-Slavic period to the semantics of the old Russian time, taking into account the estimated modification after the adoption of Christianity and the subsequent translation of traditional features in the modern Russian language. The work uses a compar-

© Алексеев А. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ative-historical method, which allowed to reconstruct the oldest old Russian proverb (**pro volka golka, a volk iz kolka*) and the archaic symbolic meaning of the word *volk* (wolf) – ‘evil shepherd’. This meaning is based on the mythological representations of the pre-Slavic era: the analysis of proverbs shows that the wolf was perceived as the embodiment of the pagan fertility deity *Yarila*, preserving cattle and accepting sacrifices. The findings are based on the structural-semantic method, according to which the cultural value of the word *volk* (wolf) consists of a set of semantic features obtained in the analysis of individual language units of the four sectors (‘sheep’, ‘living object’, ‘situation of interaction with wolves’, ‘stereotypical qualities’) of the phraseological semantic field. As a result of the analysis, the symbolic image of the wolf was described: the unchanging and uncompromising enemy of man, a dangerous inhabitant of another, supernatural world, able to invade the everyday world, cruel and strong predator, whose character is determined by the world order. The results obtained are relevant for historical lexicology and linguoculturology and can be used in compiling a historical dictionary of symbolic meanings. The analysis established that the origin of the symbolic meanings of the word *volk* (wolf) is associated with mythological representations of agricultural society, with the ancient content of the Russian folk holiday *Yuriev day* (spring).

Key words: historical lexicology, cultural value, symbolic meaning, phraseology, *paremia*, synchrony and diachrony.

Под культурной значимостью слова понимаются такие семантические признаки, которые формируются при взаимодействии семиотических систем языка (лексики) и культуры: «значимость лексического знака определяется не только его отношениями с другими словами, но и всеми отношениями в системе культурных знаков» [1, с. 71]. Культурная значимость образуется суммой символических значений слова, узуальных иokkaзиональных, которые реализуются в определенных речевых условиях и выявляются путем контекстуального анализа. Символическое значение слова возникает в результате взаимодействия непосредственного лексического значения и культурных ценностей, культурных смыслов, причем лексическое значение оказывается означающим символа, а культурная ценность – его означаемым. Понятие культурной значимости слова сближается с понятием культурной коннотации, поскольку под последней понимается «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [2, с. 214]. Символические значения слова обычно реализуются в жанрах высокого стиля, в религиозном дискурсе, в прецедентных текстах. При описании идиом, т. е. фразеологизмов в узком смысле, символическое значение выявляется путем сопоставления буквального и обобщенно-переносного значения фразеологизма. При описании паремий, т. е. коммуникативных фразеологических единиц, символические значения и в целом культурную значимость опорных слов возможно исследовать путем контекстуального анализа. Сложность описания культурной значимости слов и фразеологизмов связана с тем, что составляющие ее семантические признаки не очевидны и исторически изменчивы. Такие признаки обычно не указываются лексикографическими источниками и не всегда осознаются говорящими, для их выявления необходим особый диахронический анализ. Диахроническое

описание культурной значимости слова и включающих его фразеологизмов проводится ниже на материале лексики *volk*.

По данным фразеологических словарей, в современном русском языке существуют следующие фразеологизмы с компонентом *volk* (даются здесь в основной форме без учета варьирования): *volk в овечьей шкуре* (1), *морской volk* (2), *травленный volk* (3), *волком выть* (4) в словаре под редакцией А. И. Молоткова [3, с. 76]; в словаре под редакцией А. Н. Тихонова [4, с. 162] те же, а также *волком смотреть* (5), *голодный как volk* (6), *хоть волком вой* (7). Из этого списка Ф1 является по происхождению церковнославянизмом [5, с. 94]. В этимологическом фразеологическом словаре также отмечается исконно русское происхождение Ф7 (очевидно, то же относится и к Ф4), а также указаны еще два фразеологизма: *пора меж волка и собаки* (8) – поздняя калька из французского языка [5, с. 95]; *пожалел volk кобылу* (9). Последний из указанных фразеологизмов является поговоркой и происходит из пословицы (ср. *пожалел volk кобылу, оставил хвост да гриву* [6, с. 257]), что свидетельствует о его исконно русском характере. Фразеологизм *морской volk* стал употребляться в значении ‘опытный моряк’, по данным НКРЯ, в середине XIX в.: *Путешествия его – ряд приключений [...] Это настоящий морской volk*. Гончаров. 1855 г. [7]. В XVIII в. это словосочетание использовалось не в качестве идиомы, а в качестве фразеологического сочетания терминологического характера (в ряду других названий животных): *В семь заливъ найдено было великое множество такъ названныхъ морскихъ волковъ, звѣрей лютыхъ...* Веревкин. 1782 г. [7].

Среди рассмотренных выше фразеологизмов, зафиксированных в специальных словарях, два оказываются заимствованными и о культурной значимости русского слова, казалось бы, свидетельствовать не могут. Однако культурная значимость (символи-

ческое значение) Ф2 *морской волк* тождественна культурной значимости (символическому значению) Ф3 *травленный волк* – ‘опытность’ (по другим источникам также *старый (стреляный) волк*). Образ травленного, преследуемого волка, в свою очередь, является исконным для русской культуры: об этом свидетельствуют многочисленные пословицы (см. ниже). Фразеологизм Ф1 является не обычным заимствованием, но библеизмом, безусловно, прецедентным для русской культуры. Исконный характер оставшихся фразеологизмов подтверждается анализом пословиц и славянского материала. Поскольку в истории русского языка наблюдается подвижность границ между идиомами и паремиями, культурную значимость и культурную коннотацию фразеологизмов различных типов необходимо рассматривать в рамках единого описания.

Русских паремий с компонентом *волк* зафиксировано в различных источниках на порядок больше, нежели фразеологизмов в узком смысле. В классическом источнике – словаре В. И. Даля приведено 69 пословиц со словом *волк* [8, с. 205–206]. В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» (издан в 1862 г.) 219 соответствующих фразеологических единиц. В источнике начала XX в. [9], составленном в том числе на литературном материале и не различающем идиомы и паремии, – 68 фразеологических единиц. В словаре поговорок 2007 г., включающем среди прочего и современные жаргонные примеры, 44 образных выражения. Наконец, в наиболее обширном сборнике, представляющем собой компиляцию различных источников (2009 г.), – 332 фразеологические единицы с компонентом *волк* (включая варианты).

Интегральный список фразеологических единиц с компонентом *волк*, составленный нами по нескольким источникам XVII–XXI вв., составил, после отождествления синхронных и исторических вариантов, 378 пунктов. Для вычленения когнитивного содержания (культурных значимостей, коннотаций) эти фразеологизмы должны быть рассмотрены как семантическое поле, имеющее ядро, центр и периферию. Структура поля разграничивается нами в соответствии со степенью прецедентности фразеологических единиц, определяемой их распространенностью. Фразеологические единицы, отмеченные более чем в половине рассмотренных источников, относим к ядру семантического поля. Однократно употребленные фразеологизмы составляют его периферию; промежуточная степень фиксации определяет принадлежность фразеологической единицы к центру семантического поля.

В тематическом отношении семантическое поле можно разделить на четыре сектора: 1) фразеологизмы, содержащие указание на овцу, стадо, пастуха, – 80

фразеологических единиц; 2) фразеологизмы, в которых «контрагентом» волка выступает какой-либо иной одушевленный объект (обычно животное), помимо овцы или пастуха, – 108 фразеологических единиц; 3) фразеологизмы, образной основой которых оказывается какая-либо ситуация взаимодействия с волками; сюда же мы относим проекцию отношений с волком на отношения с какими-либо социальными группами – 94 фразеологические единицы; 4) фразеологизмы, образной основой которых являются те или иные общепризнанные, стереотипные качества волка, – 96 фразеологических единиц.

В рассмотренном семантическом поле древнейшим фразеологизмом письменного происхождения является *волк в овечьей шкуре*, на первый взгляд несомненный библеизм: *иже приходать къ вамъ. въ одеждахъ овъчахъ. жтрьдоу же сътъ вълци*. Остромирово евангелие. 231. Мф 7:15. О раннем вхождении фразеологизма в русский узус свидетельствует цитата из сочинения Кирилла Туровского: *Арши... съсоудь бѣ сотонинъ и волкъ, ввечю покровень кожею*. КТур XII сп. XIV, 58 [10, с. 160]; аналогичный пример отмечен в тексте XVIII в.: *...оберегай от волков кожей овчими одгъянных*. Пркп. 38 [11, с. 38]. Ср. другие варианты фразеологизма в продолжение ряда *одежды / кожа: знать волка и въ овечьей шкурѣ* [8, с. 205]; *...в овечьей шубе* [9], *...в овчине* [6, с. 396]. Варианты *кожа* (др.-рус. ‘шкура’) и *шкура* усиливают означаемое символа, т. е. образ, лежащий в основе переноса. Между тем церковнославянский вариант *одежда* точнее соответствует греческому оригиналу, где используется *ἔνδυμα* ‘одежда, платье’, за счет чего усиливается означаемое символа, т. е. указание на моральное качество человека, ‘коварство’. Усиление образа (означающего символа) является не только русской, но общеславянской особенностью, ср. польск.: *wilk w owczej skórze* [12, с. 137]. Кроме того, употребление лексемы *шкура* коррелирует с русским семантическим полем исследуемых фразеологизмов: в его периферии присутствует целый ряд фразеологизмов с этим словом: *волка не испугаешь овечьей шкурой; волк меняет шкуру, а не душу; волк бережет свою шкуру, а человек – имя*. Указанные факты позволяют учитывать славянское происхождение образа, лежащего в основе фразеологизма *волк в овечьей шкуре*.

Можно предположить, что культурная значимость *волк* ‘коварство, обман’ является универсалией всего европейского культурного пространства. Оппозиция волка и овцы широко использовалась в качестве образной основы культурной коннотации (символа) как в христианской письменной культуре, так и в славянской народной культуре. Ср. еще один церковнославянский пример: *се азъ сълу вы яко ввѣця пострѣдѣ вълкъ*. Мф 10:16. Тип. ев. 19 [13]; в данном контексте

реализуется культурная значимость *волк* 'злой, жестокий' (ср. далее в евангельском тексте в Синодальном переводе: *Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и [...] будут бить вас*. Мф 10:16). Аналогичные противопоставления неоднократно встречаются в древнерусских текстах, ср. летописный пример, отсылающий читателя к церковнославянскому выражению в Мф 7:15: *Аще хто хулит словѣньскую грамоту да будетъ ѿлученъ ѿ црѣкве... ти бо суть волци а не овца*. Лаврентьевская летопись, 9об. Вместе с тем в летописном фрагменте, посвященном конфликту древлян с киевским князем Игорем, в примере, содержащем образец восточнославянской разговорной речи того времени, присутствует древнерусская поговорка, не сохранившаяся до нашего времени: *Аще сѧ въвадитъ волкъ в овцѣ. то въноситъ все стадо*. Лаврентьевская летопись, 14об. Сопоставление приведенных летописных примеров позволяет утверждать, что противопоставление «волк – овцы» было древнерусским архетипом и книжной, и народной культуры.

Ядро современного сектора 'овцы' фразеологического семантического поля 'волк' составляют следующие поговорки: 1) *выть тебе волком за свою овечью простоту* (культурная значимость *волк* 'страдание'); 2) *ловит (крадет) волк (волчок) (и) роковую (считанную, меченую) овцу* (культурная значимость *волк* 'неизбежность зла'); 3) *волк в овечьей шкуре* (культурная значимость *волк* 'коварство'); 4) *не за то волка бьют, что сер, а за то, что (овцу) съел* (культурная значимость *волк* 'реальная вина'); 5) *и такое бывает, что овца волка съедает* (культурная значимость *волк* 'обычно хищник'); 6) *и волки сыты, и овцы целы* (с возможностью метатезы компонентов; культурная значимость *волк* 'хищник как элемент равновесия'). Последний фразеологизм, несомненно, относится к праславянскому фразеологическому фонду (с учетом исторического варьирования), ср. укр. *і вовки ситі, і кози цілі*, серб. *и вуц сит, и овце (козе) на броју* [14, с. 63]; польск. *і wilk syty, і owca cała* [12, с. 137]. Еще 21 фразеологизм относится к центру первого сектора. Из них наиболее близок к ядру фразеологизм *поставить волка в пастухи*, широко представленный в вариантах и парафразах: *волка въ пастухи поставили; худо овцам, где волк в пастухах; добръ волкъ до овецъ да пасти ему не дадутъ*; серб. *поставити вука за пастиря* (во всех случаях культурная значимость *волк* 'губит, а не спасает'). Итак, образная основа «волк – овцы – пастух» характерна для большого числа русских и славянских фразеологизмов. Эта образность (означающее символа) сложилась уже в общеславянский период; при переводе библейских текстов уточнялось означаемое символических значений.

К ядру второго сектора семантического поля относятся следующие фразеологизмы: 1) *от волка ушел*

(*бежал*), *на медведя напал (попал)*, ср. польск. *ucho-dząc przed wilkiem, trafił na niedźwiedzia* (культурная значимость *волк* 'существо менее опасное, чем эталон опасности'); 2) *лезет (не суйся, куда соваться) в волки, а хвост собачий (а хвост телкин, с телячьим хвостом)* (культурная значимость *волк* 'смелый (сильный) по-настоящему, а не притворно'); 3) *дай Бог нашему теляти (теленку) волка поймати (лягати, съест)* (культурная значимость *волк* 'всегда хищник, а не жертва'); 4) *ни (то) волк, ни (то) пес (собака)* (культурная значимость *волк* 'определенное зло, несомненный враг человека'); 5) *(кто) родился волком, лисицей не бывает* (культурная значимость *волк* 'предопределенность, неизменность характера'). К центру семантического поля могут быть отнесены 52 фразеологические единицы, в которых волк оказывается объектом самых различных противопоставлений, чаще всего *волкъ – теля (теленок)* и *волк – собака* (ср. выше). Собаке (псу) волк противопоставляется по признакам 'невозможность приручить', 'вечная вражда (с собакой, т. е. с установленным общественным порядком)'. Также «контрагентами» волка в поговорках регулярно выступают лиса, медведь, коза (козел), кобыла (конь, жеребец). На их фоне волк – самый смелый (но не самый хитрый и сильный) хищник, с которым нельзя вступать ни в какие переговоры.

Ядро третьего сектора семантического поля составляют следующие фразеологизмы: 1) *на волка помолвка* (культурная значимость *волк* 'в общественном мнении виноват в любом преступлении'); 2) *волк легок на помине* (культурная значимость *волк* 'всегда рядом, потусторонняя, нечистая сила'; второй компонент выявляется типологически, в системе культурных знаков: во многих культурах чертей запрещено упоминать, ср. ниже чередование *волк/черт*); 3) *та-скал волк, потащили и волка (ловит – ловят / носил – понесли / гоняет – погоняет)*, ср. польск. *nosił wilk, ponieśli i wilka* (культурная значимость *волк* 'наказание неизбежно'); 4) *сказаль бы словечко, да волкъ недалечко* (культурная значимость *волк* 'постоянный враг'); 5) *как волка ни корми (ласкай), он все в лес глядит (смотрит, помнит, норовит)*, ср. в XVII в.: *колко волка ни кормить а онъ к лъсу глядитъ*, польск. *natura wilka ciągnie do lasu* (культурная значимость *волк* 'лес (дебри, дикая территория) – родное место'); 6) *с волками жить, по-волчьи выть (либо с волками жить, либо съеденному быть)* (культурная значимость *волк* 'сила коллектива, обязательность (плохого) поведения'); 7) *волков бояться, в лес не ходить (не иметь грибок, ягод)*, ср. в XVII в.: *боятся волковъ быть без грибокъ* (культурная значимость *волк* 'опасен, хозяин (леса)'); 8) *счастье – что волк: обманет (да) в лес уйдет* (культурная значимость *волк* 'коварство, непостоянство'). В центр третьего секто-

ра семантического поля входят еще 20 фразеологических единиц; в этих пословицах широко представлены словоформы, рифмующиеся с формами слова **волк**: *гонку, колку, голку, холку, колка, голка*. Активное использование этого художественного приема свидетельствует об актуальности для народной поэзии образа хищного опасного зверя, причем во многих случаях реализуется культурная значимость **волк** 'объект охоты, преследования человеком', ср.: *веселье волку, как не слышит за собою гонку (голку, гоняют по колку)*. Образ волка сохраняет свою актуальность в фольклоре и просторечной речи и в XX–XXI вв.: *тебе товарищ тамбовский / брянский волк* (выражение, связанное с отношениями заключенных и вольнонаемных [15, с. 96]); в изданиях последнего времени приведены и совсем новые пословицы, сохраняющие традиционную культурную коннотацию: в сборнике Н. В. Уварова восемь пословиц, в которых волк соотносится с фашистом, вредителем или лодырем, ср.: *достанется фашистскому волку на холку* [16, с. 99]; в недавнем словаре поговорок приведены современные жаргонные фразеологизмы [15, с. 96–97].

Универсальность европейского образа волка затрудняет разграничение типологических связей, генеалогической общности и заимствования. Ср. рус. *вызвалъ волка изъ колка (колок – 'маленький лес')* и польск. *wywołać wilka z lasu* (культурная значимость **волк** / *wilk* 'опасность, которой нужно всегда остерегаться'). Приведенные пословицы могут восходить к одной форме, развившейся в результате лексического варьирования. С другой стороны, само варьирование может быть результатом взаимодействия различных лексических областей, в том числе при заимствовании, ср. выше *волк в овечьей одежде* (церк.-сл. *одежда*) / *волк в овечьей шкуре* (разг. *шкура*). Ср. пословицу *ловит (крадет) волк (волчок) (и) роковую (считанную, меченую) овцу*. Старая русская пословица (ср. в XVII в.: *ловить волчокъ роковую овечку* [17, с. 117]) имеет латинскую параллель: *lupus non veretur etiam numeratas oves devorare* [18, с. 137]. Возможно, и это варьирование, и варьирование *колок / las* возникло в результате независимого осмысления близких (тождественных) образов. Достаточно неопределенным оказывается происхождение фразеологизмов *на волка помолвка* и *волк легок на помине*. В первом случае источником может являться басня Эзопа, в которой представлена та же ситуация, что восстанавливается при этимологизации поговорки *на волка помолвка*. Ср. полный вид исходной пословицы: *на волка помолвка, а (пастухи шалять / пастух (цыган, татарин) теленка (кобылу) украл (съел)*. Тот же мотив встречается в различных переложениях в баснях И. А. Крылова: *на волка только слава, А ест овечто – Савва*. Пастух; *Волк ... видя, ... Что ... Спокой-*

но Пастухи барашка потрошат ... Сам молвил про себя ...: «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья, Когда бы это сделал я!» Волк и пастухи. Тот же античный сюжет был известен и в Древней Руси, ср.: *Волкъ, видгъвъ пастуха, гьдуща чюжи овци отай въ кучгь, и рече: «О, колико бысте голки съставили, оже быхъ то я створилъ!»* Пчела, сп. XIV в. Ближкий по лексическому составу к древнерусскому тексту вариант пословицы зафиксирован в сборнике XVII в.: *огласила волка мирская голка* [17, с. 130]. И так, с одной стороны, наблюдаемая письменная традиция подтверждает гипотезу о книжном происхождении пословицы *на волка помолвка*. С другой стороны, активное варьирование, зафиксированное в источниках, свидетельствует, по меньшей мере, о широком освоении данного фразеологизма в русской народной культуре. Непосредственный книжный источник для пословицы *волк легок на помине* нами не обнаружен, хотя известны иноязычные фразеологизмы с аналогичными образами. Ср. в польском языке: *«O wilku towa a wilk tuż (podług bajki Ezopa)»* [12, с. 137], тот же образ в латинской пословице *lupus in fabula*, используемой у Теренция [9]. Однако и в случае с этой пословицей широкое варьирование в русском языке позволяет предположить исконно русское происхождение символического образа, ср.: *волк легок на помине / помяни (помянули) волка, а волк тут (а он и тут; а волк из колка) / про волка речь (промолвка), а он (волк) навстречь (и в хату)*; ср. серб. *ми о вуку, а вук на врата*. Древнерусский облик пословицы можно гипотетически восстановить с учетом лексических замен устаревших компонентов и ритмической организации народно-поэтической речи: **про вьлка гьлка, а вьлкъ из колька* (др.-рус. *гьлка* 'шум', ст.-рус. *колькъ* 'перелесок'). Не вызывает сомнений типологическая универсальность этого образа ('назовешь – появится'), в котором волк, видимо, является субституцией черта, поскольку «на имя черта накладывалось табу» [19, т. 5, с. 519]. Также существует параллель к поговорке *на волка помолвка*, в которой волк заменен чертом: *на черта только слава, а монах поросенка съел* [9].

К ядру четвертого сектора семантического поля относятся следующие фразеологизмы: 1) *волком смотреть (глядеть)*, варианты: *смотрит как волк на тебя (на теленка)*, ср. укр. *дивитися вовком*, польск. *wilkiem patrzeć* (культурная значимость **волк** 'злой, неприятный, страшный'); 2) *волку зима за обычай*, парафраза *не первая зима волку зимовать* (культурная значимость **волк** 'привычна тяжелая жизнь'); 3) *хоть волков морозь* (то же); 4) *хоть Лазаря (Лазарем) пой*, *хоть волком вой (выть)* (культурная значимость **волк** 'крайняя степень нужды'); 5) *у мужика кафтан (мужик хоть и) сер, да ум у него не волк (черт) съел* (культурная значимость **волк** 'абсолютный хищник,

вредитель'); 6) *одна была у волка пьсенка и ту переняли (собака переняла)* (культурная значимость *волк* 'скудная жизнь'); 7) *что у волка в зубах, то Георгий (Егорий) даль (послал)* (культурная значимость *волк* 'закономерность добычи хищника'); 8) *волка ноги кормят* (культурная значимость *волк* 'активная деятельность для обеспечения жизни'). В центр четвертого сектора семантического поля входят 24 фразеологические единицы, и минимум в трех случаях можно говорить о древности и вероятной архетипичности фразеологизмов, так как известны их древнерусские и иноязычные параллели. Ср.: 1) *голоден как волк (как собака)*, ср. серб. *гладан као вук*, польск. *głodny, żarłoczny, jak wilk* (культурная значимость *волк* 'эталон голодного существа'); 2) *рыскать волком*, ср. *Всеславъ ... вълкомъ рыскаше* в «Слове о полку Игореве» и в том же произведении *вълкъмъ скочитити* (культурная значимость *волк* 'резкое, быстрое движение, отсутствие покоя'); 3) *волк и каждый год линяет, а все сер бывает (а обычай не меняет)*, ср. серб. *вук длаку мења, а ћуд никада*, латин. *lupus pilum mutat, non mentem* [18, с. 137] (культурная значимость *волк* 'неизменность (плохого) нрава'). В последнем примере у русского и иноязычных фразеологических единиц совпадает лишь образная основа, но не структура. Исконный характер русской поговорки в данном случае подтверждается употреблением устойчивого эпитета *сер*. Ср. примеры поговорок с этим эпитетом: *не за то волка бьют, что сер; что серо, то и волк; не всё, что серо, волк* [16]; всего в указанном источнике – десять фразеологических единиц с прилагательным *сер(ый)*. Древность эпитета подтверждается контекстом из «Слова о полку Игореве»: *сами скачють, акы стьрыи вълци въ полъ*. Многообразие и древность примеров свидетельствуют, что прилагательное *серый* может считаться символом всех совокупных качеств волка.

В результате обобщения символических признаков, выделенных при анализе четырех секторов семантического фразеологического поля, можно определить символический образ волка: это неизменный (предопределенный, вечный) враг человека, обитатель иного (потустороннего, дикого, опасного, безрадостного) мира, всегда готовый вторгнуться в человеческий мир за своей добычей, потому что таков установленный порядок жизни; эталонный хищник, существо злое и жестокое, однако свободное и решительное. Таким образом, символический образ волка обладает чертами амбивалентности. Анализ фразеологических единиц с компонентом *волк* показывает, что при описании культурной значимости слова в диахроническом аспекте необходимо учитывать степень прецедентности фразеологических единиц. На прецедентность фразеологизмов для русской языковой культуры может указывать их общеславянское

происхождение, достаточная распространенность, фиксация в различных источниках и широкое варьирование.

Как показал анализ библейских фразеологизмов, христианские коннотации для лексемы *волк* более определены. Волки как символ абсолютного зла противопоставлены овцам как символу абсолютного добра: это противопоставление поддерживается в христианской культуре глубокой символикой образа *агнца*. Волк как символ зла соответствует в целом образам русской и славянской фразеологии, однако выявленная на общем фразеологическом материале культурная значимость слова *волк* оказывается более сложной и неоднозначной. Анализ сектора I показал, что в славянской языческой культуре овца не может являться активным деятелем, в отличие от новозаветной культуры. В славянских пословицах овцы оказываются объектом действия для волка или пастуха, которые в этом смысле не только противопоставляются, но и соотносятся. Волк – это «злой» пастух, а пастух – это иногда «законный волк», т. е. хищник, поедающий овец.

Помимо примеров, приведенных выше, особый интерес представляет в ряду вариантов поговорки *на волка помолвка, а овец тянет Егорка*. Имя *Егорка* в такой поговорке выступает как замена более частого варианта *пастух*. В то же время *Егорка* – это *Егорий*, т. е. *Георгий*, ср. выше *что у волка в зубах, то Егорий даль*. В последней поговорке подразумевается день святого Георгия (весеннего), т. е. 23 апреля, когда у славян, в частности у восточных, было принято первый раз в году выгонять скот в поля [19, т. 5, с. 601]. Юрьев день – это общеславянский скотоводческий праздник, который, разумеется, имеет дохристианские, языческие корни. Соответственно, его посвящение христианскому святому не могло быть исконным – мы поддерживаем гипотезу, что в процессе христианизации св. Георгий получал функции Ярилы [19, т. 5, с. 637], а само языческое имя было вытеснено «созвучным [...] именем христианского святого Юрия-Георгия-Егория» [20, с. 181]: такое вытеснение поддерживалось народным восточнославянским произношением греческого имени [γ'ѳр'γ'и]. В Юрьев день, в день первого выгона скота, выпекались соответствующие фигурки животных [21, с. 39]. В. Я. Пропп не считает их жертвенными, однако более широкий культурный материал позволяет оспорить его мнение: у славян было распространено в этот день ритуальное поедание жертвенного животного (ягненка) [19, т. 5, с. 602], следовательно, фигурка из теста – субституция реальной жертвы. В Юрьев день у многих славян основными участниками или бенефициантами праздника становились пастухи [19, т. 5, с. 603]; вместе с тем похищение волком овец может восприниматься как сакральная жертва, которую

назначает св. Георгий, «волчий пастух» [19, т. 1, с. 413]; в Юрьев день могли относить в поле ритуальную еду, предназначенную для волка [22, с. 193]. Соотнесение приведенных данных с ключевыми пословицами позволяет восстановить праславянскую культурную значимость слова *вълкъ* через реконструкцию древнейшего ритуального смысла Юрьева дня. В этот праздник должна приноситься в жертву овца / ягненок, которую поедает пастух / волчий пастух Ярило / сам волк (*на волка помолвка, а овец тянет Егорка*). Таким образом, волк оказывается воплощением Ярилы, божества весеннего плодородия, которому приносится в жертву овца в первый день выгона скота (*что у волка в зубах, то Егорий дал*).

Праславянская культурная значимость слова *вълкъ* амбивалентна в соответствии со спецификой мифологического символа – ‘священный пожиратель скота, божество плодovitости (домашних) животных’. Понятно, что указанный скотоводческий ритуал восходит к дославянской (видимо, общеєвразийской) древности, поэтому общеславянский фонд паремий впоследствии, при взаимодействии с книжной культурой, успешно включал в себя аналогичные античные сюжеты (см. выше басню Эзопа), которые в конечном счете восходят к той же самой культурной значимости. С принятием христианства образ волка в значительной степени утратил свою амбивалентность и усилил негативную коннотацию, что было обусловлено в том числе и отвержением традиционной языческой символики в условиях распространения новых культурных ценностей. Таким образом, анализ фразеологических единиц позволяет проследить историческую изменчивость культурной значимости слова *волк* от праславянской эпохи до современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики : монография. М. : МГПУ, 2013. 164 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки рус. культуры, 1996. 284 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Воинова [и др.]. М. : Советская Энциклопедия, 1968. 543 с.
4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова ; под ред. А. Н. Тихонова. М. : Флинта: Наука, 2004. Т. 1. 832 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
6. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1991. 534 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.htm

www.ruscorpora.ru/search-old_rus.htm

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Типография Т. Рись, 1866. Т. 1. 627 с.
9. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. М. : Си ЭТС: Бука, 2008. CD-ROM.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. М. : Русский язык, 1989. Т. 2. 494 с.
11. Словарь русского языка XVIII века. Ленинград : Наука, 1988. Вып. 4. 256 с.
12. Arct M. Słownik frazeologiczny. Warszawa : Wydawnictwo M. : Arcta, 1928. 182 с.
13. Манускрипт. Древние славянские памятники. URL: <http://mns.udsu.ru>
14. Миленковић Т. Идиомы у српском језику. Алексинац : Ателье 63, 2006. 267 с.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
16. Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости. М. : Инфра-Инженерия, 2009. 583 с.
17. Симиони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1899. 216 с.
18. Лазарева М. Н. Нравственный потенциал зооморфной метафоры в латинских крылатых выражениях, пословицах и поговорках // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2012. № 1 (2). С. 135–138.
19. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012. Т. 1. 575 с. Т. 5. 736 с.
20. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М. : Наука, 1974. 342 с.
21. Пропт В. Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). СПб. : Терра-Азбука, 1995. 176 с.
22. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : Индрик, 2002. 336 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. V. *Semioticheskie kategorii yazyka i kul'tury pri diahronicheskom analize leksiki (monografiya)* [Semiotic categories of language and culture in the diachronic analysis of vocabulary (monograph)]. Moskva: MGPU, 2013. 164 p.
2. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moskva: SHK. "Yazyki rus. kul'tury", 1996. 284 p.
3. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 543 p.
4. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of modern

Russian literary language]. In 2 v. Moskva: Flinta: Nauka, 2004. V. 1. 832 p.

5. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologičeskij spravocnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Sankt-Peterburg: Folio-Press, 1998. 704 p.

6. Zhukov V. P. *Slovar' russkih poslovic i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and sayings]. Moskva: Russkij yazyk, 1991. 534 p.

7. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.htm

8. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moskva: Tipografiya T. Ris": 1866. V. 1. 627 p.

9. Mihel'son A. D. *Bol'shoj tolkovo-frazeologičeskij slovar' russkogo yazyka Mihel'sona* [Large explanatory and phraseological dictionary of the Russian language Michel-son]. Moskva: Si ETS: Buka, 2008. CD-ROM.

10. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the old Russian language (XI–XIV centuries)]: In 10 v. Moskva: Russkij yazyk, 1989. V. 2. 494 p.

11. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Leningrad: Nauka, 1988. V. 4. 256 p.

12. Arct M. *Słownik frazeologiczny* [Phraseological dictionary]. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1928. 182 p.

13. *Manuskript. Drevnie slavyanskije pamyatniki* [Manuscript. Ancient Slavic monuments]. Available at: <http://mns.udsu.ru>

14. Milenkoviĥ T. *Idiomi u srpskom jeziku* [Idioms in Serbian]. Aleksinac: Атеље 63, 2006. 267 p.

15. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moskva: OLMA Media Grupp, 2007. 784 p.

16. Uvarov N. V. *Enciklopediya narodnoj mudrosti* [Encyclopedia of folk wisdom]. Moskva: Infra-Inzheneriya, 2009. 583 p.

17. Simoni P. *Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proch. XVII–XIX stoletij* [Ancient collections of Russian Proverbs, sayings, riddles, etc. The XVII–XIX centuries]. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akademii Nauk, 1899. 216 p.

18. Lazareva M. N. *Nravstvennyj potencial zoomorfoj metafory v latinskih krylatyh vyrazheniyah, poslovicah i pogovorkah* [Moral potential of zoomorphic metaphor in Latin winged expressions, Proverbs and sayings]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya. Nizhnij Novgorod*: NNGU, 2012. № 1(2). Pp. 135–138.

19. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar' v 5-ti t.* [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoj. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012. V.1. 575 p. V. 5. 736 p.

20. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskij drevnostej. Leksicheskie i frazeologičeskie voprosy rekonstrukcii tekstov* [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological questions of the reconstruction of texts]. Moskva: Nauka, 1974. 342 p.

21. Propp V. YA. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnografičeskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. Sankt-Peterburg: Terra – Azbuka, 1995. 176 p.

22. Levkievskaya E. E. *Slavyanskij obereg. Semantika i struktura* [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moskva: Indrik, 2002. 336 p.

Московский городской педагогический университет
Алексеев А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин
E-mail: avalekseev74@yandex.ru

Moscow City Pedagogical University
Alekseev A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Department
E-mail: avalekseev74@yandex.ru

Поступила в редакцию 17 октября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Received: 17 October 2019

Accepted: 27 December 2019

Для цитирования:

Алексеев А. В. Культурная значимость слова *volk* по материалам фразеологии (диахронический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 112–119. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2739>

For citation:

Alekseev A. V. The cultural value of the word *volk* (wolf) based on the materials of phraseology (diachronic aspect). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 112–119. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2739>

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СИТУАЦИИ ОСЯЗАНИЯ, В РУССКОМ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СИНТАКСИСЕ

В. Ю. Копров, А. Л. Лебедева
Воронежский государственный университет

SENTENCES EXPRESSING SITUATIONS OF TOUCH IN RUSSIAN SEMANTIC-FUNCTIONAL SYNTAX

V. Yu. Koprov, A. L. Lebedeva
Voronezh State University

Аннотация: одной из важнейших проблем функциональной лингвистики является изучение отражения в языке восприятия человеком окружающего мира, в том числе осязательного восприятия. На синтаксическом уровне языка оно реализуется как разновидность субъектно-объектных отношений, выражаемых простыми предложениями. В наших исследованиях при описании семантики и структуры предложения применяется методика поаспектной характеристики его устройства. Важнейшим аспектом является номинативный, в рамках которого выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. Предложения осязания образуют семантико-функциональное поле, имеющее в своей структуре ядро и периферию. В основе семантико-структурной организации предложений данного типа лежит глагол, поэтому выражаемые ими варианты семантической структуры определяются принадлежностью глагола к определенному лексико-грамматическому разряду (ЛГР). Глаголу «касаться» отводится роль базисного идентификатора, поскольку любое осязание начинается с прикосновения к предмету. К ядру поля относятся предложения с глаголами контактно-направленного действия (касаться, трогать, щупать). Периферия поля представлена предложениями с глаголами пяти ЛГР: касания объекта без его перемещения; касания объекта с его перемещением; движения субъекта с семой касания объекта; звучания с семой касания объекта; локализации с семой касания объекта. В инвариантной семантической структуре предложений, выражающих ситуации осязания, выделяются обязательные (субъект и объект) и факультативные (инструмент, локализатор) именные актанты. В качестве факультативного компонента чаще всего выступает инструмент, под которым понимается предмет, вовлеченный в действие и способствующий его осуществлению. Инструмент далее субкатегоризируется на неотчуждаемый и отчуждаемый.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, поаспектная методика анализа устройства предложения, номинативный аспект, семантико-функциональное поле осязания, обязательные и факультативные актанты ситуации осязания.

Abstract: one of the main problems of functional linguistics is the scientific study of human perception of the outer world, including tactile (haptic) perception. On the syntactic level of language, it is implemented as a kind of subject-object relations expressed by simple sentences. In our studies we describe semantics and structure of sentences using the aspect-by-aspect techniques. The main aspect is nominative, which in its turn is divided into situational-and-structural and relative-structural. The sentences of touch form a semantic-functional field that has a core and periphery in its structure. The basis of the organization of sentences of this semantic-structural type is a verb, therefore, the variants of the semantic structure are determined by a certain lexical and grammatical category (LGC) of the verb. The verb to touch plays the role of the basic identifier of constructions constituting the studied semantic-functional field, since any touch begins with a physical or mental touch on the subject. To the core of the field belong the sentences with verbs of contact-directed action (to touch). The field periphery is

represented by sentences with verbs of five other LGC: touch of the object without moving it; touch of the object with moving it; subject movement with the seme of touching the object; sound with the seme of touching the object; localization with the seme of touching the object. In the invariant semantic structure of sentences expressing touch situations there are obligatory (subject and object) and optional (instrument, localizer) nominal actants. As an optional actant most often acts an instrument, which is understood as an object involved in the action and contributing to its implementation. The instrument is further subcategorized into an inalienable and an alienable one.

Key words: semantic-functional syntax, aspect-by-aspect analysis techniques, the nominative aspect, semantic-functional field of touch, obligatory and optional actants.

Использование семантико-функционального подхода в синтаксисе требует создания операционной модели описания предложения, которая давала бы знания о том, какие языковые комплексы обеспечивают тот или иной участок системы языка. В качестве одной из таких моделей предлагается методика по-аспектной характеристики устройства и функционирования предложения-высказывания, которая объединяет описание компонентов семи аспектов: целевого, номинативного, предикативного, релятивно-номинативного, актуализирующего, эмоционально-экспрессивного и стилистического [1, с. 61–69].

Важнейшим из них является номинативный аспект, в рамках которого выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. В свете ситуативно-структурного подаспекта строение предложения рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации. При этом предложения сначала дифференцируются по семантике и количеству предметных (актантных) и признакового компонентов их семантической структуры, затем – по принадлежности признакового компонента к той или иной части речи, далее – по принадлежности актантов к тому или иному лексико-грамматическому разряду слов (ЛГР) внутри частей речи [1, с. 72–82]. Задачей настоящей статьи является анализ предложений с семантикой осязания в ситуативно-структурном аспекте их организации.

В настоящее время ведущим принципом лингвистической парадигмы является антропоцентризм, в свете которого язык рассматривается в тесной связи с внутренним миром человека. Поскольку человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире, изучение процессов восприятия и отражения в языке окружающего мира является одной из главных задач семантико-функциональной лингвистики.

К базовым лексическим единицам, обозначающим восприятие, относятся глаголы *видеть*, *слышать*, *обонять*, *ощущать вкус* и *осязать*, отмечает Е. В. Урысон [2, с. 3–21].

Ситуация восприятия включает двух участников: субъект восприятия и объект восприятия. Само вос-

приятие может отражаться как пассивное, когда субъект просто воспринимает какой-нибудь объект, например: *Он видел ее каждый день*; *Я слышу пение птиц в лесу*. Если субъект делает что-то специально, для того чтобы воспринимать объект, восприятие отражается в языке как активное: *Он смотрел на нее каждый день*; *Я слушаю пение птиц в лесу*. Для каждого вида пассивного восприятия имеется парный глагол, обозначающий активное действие. Ср.: *видеть* – *смотреть*, *слышать* – *слушать*, *обонять* – *нюхать*, *ощущать вкус* – *пробовать*, *осязать* – *цунпать*. Язык, глаза, нос, уши – органы восприятия, которые имеют внешний вид и выполняют свои определенные функции. В то же время для осязания используются разные части тела: рука, ладонь, пальцы, губы, нога, кожа. Осязание – сложная ассоциация разнородных ощущений, относящаяся прежде всего к области кожной чувствительности. Оно включает в себя тактильные (прикосновения и давления), температурные (холод и тепло), болевые ощущения и существует только в комплексе [3, с. 15]. Осязание в процессе познания в полной мере используется только человеком, что подтверждает выражение из английского языка *human touch*, которое имеет два значения: «человеческое прикосновение» и «человеческое измерение».

Активное осязание – это процесс формирования осязательного образа предмета в ходе его ощупывания, при этом одну из ведущих ролей играют кинестетические ощущения. Пассивное осязание – процесс формирования осязательного образа предмета в результате перемещения его по отношению к неподвижной руке или пальцам, при котором одну из ведущих ролей играют тактильные ощущения. Активное осязание изучается гапстикой (от греч. *hapto* – *хватаяю, касаюсь*).

Как отмечает Г. Е. Крейдлин, касание – это установление физического контакта, это ощущение, напрямую связанное с кожей, самым важным после мозга органом человека. В языке пассивное восприятие выражается глаголом *осязать*, так как *осязать* означает воспринимать телом, например: *...И сквозь распадавшуюся летнюю обувь он необыкновенно живо осязал землю...* (В. Набоков). Когда же человек совершает рукой активные действия, происходит активное восприятие, выражаемое глаголом *цунпать*.

Возрастные стадии развития человека определяют, какие органы чувств будут играть приоритетную роль в познании мира. Так, для ребенка важнейшим способом восприятия является осязание. Младенец открывает для себя мир благодаря тактильным ощущениям, трогая все, что попадает ему под руку. Кроме того, визуальное восприятие оказывается недостаточным как для дошкольников, так и для младших школьников, которые при первом знакомстве с предметом стремятся потрогать его руками, переместить. Вообще люди любят трогать все новое и необычное, поэтому в залах музеев, на вернисажах и выставках развешаны таблички: «Руками не трогать!». Существуют общественные группы, и даже народы, которые можно назвать «трогающими». К «трогающим людям» Г. Е. Крейдлин относит врачей, медсестер, парикмахеров, банщиков, массажистов, портных, косметологов [4, с. 412–456].

Обучение чтению слепых базируется на осязании, на восприятии пальцами выпуклого шрифта (шрифта Брайля). Для слепоглухонемых пальпация имеет также большое значение при восприятии речи, поскольку «слушание» речи для них способом «чтения с голоса» состоит в том, что слепоглухонемой прикладывает руку тыльной стороной кисти к шее говорящего в области голосового аппарата и путем тактильно-вибрационного восприятия улавливает речь. Осязание может осуществляться и ногами, например, осязание рельефа почвы через подошвы обуви при ориентировке слепых, протезное осязание. В случае необходимости обследования особо мелких предметов при слепоте используется также ротовое осязание [5].

Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает, второй – то, что воспринимается [6, с. 357]; субъектом восприятия выступают одушевленные существа, а объектом – все те реалии, которые могут быть восприняты рецепторами. В свете предлагаемой модели семантико-функционального синтаксиса ситуации осязания находят свое отражение в простых предложениях с типовым значением «субъектно-объектные отношения» и инвариантной семантической структурой «субъект – действие – объект».

В основе организации предложений данного семантико-структурного типа лежит глагол, поэтому выражаемые ими варианты семантической структуры определяются принадлежностью глагола к определенному лексико-грамматическому разряду (ЛГР).

Рассматриваемые предложения составляют семантико-функциональное поле средств выражения осязания. Как во всяком поле, здесь имеется ядро и периферия.

К ядру поля относятся предложения с глаголами контактно-направленного действия: *щупать, касать-*

ся, трогать. Глаголу *касаться* отводится роль базисного идентификатора в построении поля осязания, поскольку любое осязание начинается с физического или ментального прикосновения к предмету.

Определяя значение глагола *осязать*, «Малый академический словарь» возводит его к значению существительного *осязание*. Получается, что ощущение, которое это существительное обозначает, первичнее, чем процесс, обозначаемый глаголом: *осязать* 1. Воспринимать путем осязания. 2. *перен.* Ощущать, воспринимать, замечать [7, т. 2, с. 660–661].

Осязание – ощущение, полученное от прикосновения или касания рукой, кожей, оно является не процессом, а результатом действия касания. В «Большом толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко дается следующее определение глагола *осязать*: *перен.* Воспринимать что-либо, ощущая, замечая внутренними чувствами, словно соприкасаясь кожей с чем-либо, распознавая осязанием [8, с. 246].

Глагол *осязать* тяготеет к развитию отвлеченных значений, связанных с общим восприятием – осмыслением мира: *Все жаждали очами осязать Сей чудный образ, созданный искусством* (А. Одоевский); *Руки несытые я протираю, Чтобы весь мир осязать!* (В. Брюсов); *...его служитель через мышление подлинно осязал этот мир в его непосредственности* (С. Булгаков).

Рассмотрим представленные в «Малом академическом словаре» значения глагола *щупать*.

1. Трогать рукой, пальцами и т. п. *Щупать пульс. Материю [Варенька] щупала, смотрела на свет и нюхала, примеряла, завернувшись в нее перед зеркалом* (Сергеев-Ценский, Недра). 2. Исследовать щупом (...). *Саперы деловито щупали металлоискателем улицы, дома* (Галин, Годы нашей жизни). 3. Перен. разг. Осторожно расспрашивать, выведывать, стараясь выяснить что-л., составить мнение и т. п. *Берсенева заметил, что посреди всех своих проказ, выходов и шуток Шубин все как будто бы экзаменовал Инсарова, как будто щупал его* (Тургенев, Накануне) [8, т. 4, с. 744].

О. Ю. Авдевиной отмечается, что все три значения глагола *щупать* содержат семантику цели. Глагол *щупать* называет действие, осуществляемое с конкретной, чаще всего узко практической целью – обследовать объект, определить качество предмета [9, с. 261–277].

К периферии поля относятся предложения с глаголами следующих ЛГР.

1. ЛГР глаголов касания объекта без его перемещения.

1.1. ЛГР касания объекта без его перемещения и изменения (*касаться, трогать, щупать* и т. д.): *Белые кудри чесала Дедушке Сашина мать, Гладила их,*

целовала, Сашу звала целовать. Правой рукою мамашу Дед обхватил, а другой Гладил румяного Сашу... (Н. Некрасов); *Но вот кончается дорога дальняя, Земли касается звезда кристальная* (К. Бальмонт); *Рыжеволосый внучонок щупает в книжке листы* (С. Есенин).

1.2. ЛГР касания объекта без его перемещения, но с изменением.

1.2.1. Подгруппа глаголов созидания объекта (в результате физического труда) (*вязать, клеить, лепить* и т. д.): *Слушать песни подруг светлооких, И по бархату золотом шить* (И. Никитин); *Рука фигурки лепит И учит бытию* (Г. Иванов); *Он вяжет нить цитат и ссылок метафизическим узлом* (В. Меркурьева).

1.2.2. Подгруппа глаголов разрушения, повреждения поверхности объекта или тела живого существа (*грызть, колоть, кусать, крошить, рвать* и т. д.): *Твои обвиненья мне сердце грызут* (М. Цветаева); *Он очень долго смотрит на деревья и очень долго мел крошит в руке.* (Е. Евтушенко).

2. ЛГР касания объекта с его перемещением (*толкать, прислонять*): *Пышут пенковые трубки, Сдвинули цепцы соседки* (М. Цветаева); *Худой конторщик с головою Листа к колонне прислоняется щекой* (С. Чёрный).

3. ЛГР движения субъекта с собой касания объекта (*задеть, наехать*): *Иду я разросшимся садом, Лицо задевает сирень* (С. Есенин); *Опять на сердце легче станет, Нахлынет счастье – волнами* (М. Цветаева).

4. ЛГР звучания с собой касания объекта (*чокаться, чиркать*): *Слова не одни ли и те же В окошко стучат как дожди* (Л. Мартынов); *Стучит башкой об стол, заснув, заочник* (И. Бродский); *И карандашиками чиркают по карте Названия особо пышных мест* (С. Чёрный).

5. ЛГР локализации с собой касания объекта (*пересекать, лепиться*): *Там, над ручьем, сплеталась с веткой ветка* (Б. Ахмадулина); *...ладонь с ладонью – Так наша жизнь слилась с гармонью* (М. Цветаева); *Дороги и пути скрещиваются, путаются, переплетаются* (И. Аксенов).

Ситуации касания прослеживаются в многочисленных отраженных сознанием ситуациях объективного мира, следовательно, сочетаемость глаголов рассматриваемой группы весьма широка, и в позиции именных актантов в предложениях функционируют существительные разной семантики.

Например: *Твоя рука тиха, легка, Когда касается виска...* (О. Мандельштам); *И чьи-то волосы напудренные Моих касаются волос...* (Г. Иванов); *Ни стоном, ни взглядом Окаянной души не коснусь...* (А. Ахматова).

В инвариантной семантической структуре предложений, выражающих ситуацию касания, выделяются обязательные и факультативные именные актанты.

Обязательные актанты входят в состав лексико-грамматических вариантов семантических структур всех предложений, а факультативные – только в состав предложений с глаголами определенных ЛГР. Достаточно выделить несколько типов потенциального лексического наполнения обязательных актантных позиций – субъекта:

1) абстрактный субъект: *И прелесть улочек портовых Вновь за душу меня берет* (Ю. Друнина);

2) субъект-антропоним: *Мама взволнованно к сердцу прижала Маленький томик* (М. Цветаева);

3) субъект-зооним: *Я возвращаюсь. Лижет мне ладони Пушистый кот, мурлыкает умильней...* (А. Ахматова);

4) неодушевленный субъект: *Вот я стою ни женщина, ни девочка, и ветер меня гладит по плечам* (Б. Ахмадулина);

и объекта:

1) абстрактный объект: *Смотри, всё ближе с двух сторон Нас обнимает лес дремучий* (А. Толстой);

2) одушевленный объект: *И матери каждой, что гладит ребенка, Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»* (М. Цветаева);

3) неодушевленный объект: *Прижимаю к сердцу крестик гладкий: Боже, мир душе моей верни* (А. Ахматова).

В предложениях с глаголами касания различных ЛГР наблюдаются следующие факультативные актанты.

1. ЛГР глаголов касания объекта без его перемещения.

1.1. В предложениях с глаголами касания без его перемещения и изменения в качестве факультативного актанта чаще всего выступает **абстрактное понятие** или **инструмент**, под которым понимается предмет, вовлеченный в действие и способствующий его осуществлению. Инструмент часто субкатегоризируют на неотчуждаемый (часть тела – *рука, палец, нога* и т. п.) и отчуждаемый (*нож, молоток, лопата* и т. п.): *И прижмусь расстрелянным, жалким телом К испуганной, смятой траве. И в мечте прикоснусь губами несмело К русой твоей голове* (А. Баркова); *Средь суеты, в плену успеха, вдруг, Тебя безжалостно за горло схватит Холодными ручищами испуг...* (Ю. Друнина); *Если я к руке опущенной Ртом прильну – не вздумай хмуриться!* (М. Цветаева).

1.2. В предложениях с глаголами касания без перемещения объекта, но с его изменением в качестве факультативного актанта также регулярно выступает

инструмент: *А тот, кто – по Цельсию спит – в тепле, ...пинает носком покрывало звезд* (И. Бродский); *Дождь царапал льдинками виски* (Р. Рождественский); *Корвет разрезает волны профилем Франца Листа* (И. Бродский).

2. В предложениях с глаголами ЛГР касания объекта с его перемещением в качестве факультативного актанта регулярно выступает **локализатор** – актант, указывающий на местоположение объекта: *Конечно, когда наработаешься, наломаешься или набегаешься за день, то, чтобы заснуть, достаточно прислонить голову к подушке* (А. Рыбаков); *Министр приставил к глазу свой лорнет* (А. Толстой).

3. В предложениях с глаголами ЛГР движения субъекта с касанием объекта в качестве факультативного актанта может выступать **инструмент**: *Утро встречает прохладой рабочих...* (О. Берггольц); *Споткнулся колесами о выбоины мостовой* (М. Зенкевич).

4. В предложениях с глаголами ЛГР звучания с касанием в качестве факультативных актантов чаще всего выступает **инструмент**: *Глунонов тут явился, Надутый, как навлин, с пустой головой, Глядится в зеркало и шаркает ногой* (К. Батюшков); *Ты стукнул молотком по шляпке ржавой* (З. Гиппиус).

5. В предложениях с глаголами ЛГР локализации с семой касания, в которых локализатор является одновременно и объектом касания, в качестве факультативного компонента может выступать **инструмент** (чаще всего это часть целого): *Путь ветру лбом пересекает* (Д. Хармс); *Но тайный рок соединяет Теперь нас общию враждой* (А. Пушкин).

Таким образом, в свете ситуативно-структурного подаспекта строение предложений с семантикой осязания представляет собой опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации осязания. Семантико-функциональное поле осязания структурировано на ядро и периферию. Конституенты поля классифицированы по семантике признакового компонента и по семантике и количеству предметных (актантных) компонентов в их семантической структуре. Предложения дифференцируются также по принадлежности признакового компонента к тому или иному лексико-грамматическому разряду глаголов и принадлежности актантов к определенному лексико-грамматическому разряду существительных.

Дальнейшее изучение предложений, выражающих ситуации осязания, в релятивно-структурном подаспекте номинативного аспекта, а также в других аспектах их устройства и функционирования представляет интерес как для разработки теории семантико-функционального синтаксиса русского языка, так и для практики его преподавания как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копров В. Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 284 с.
2. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
3. Ананьев Б. Г., Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. Осязание в процессах познания и труда / под ред. Б. Г. Ананьева. М. : Изд-во акад. пед. наук, 1959. 263 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 685 с.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. II. 736 с. ; Т. IV. 791 с.
8. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. 576 с.
9. Авдеевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 384 с.

REFERENCES

1. Koprov V. Y. *Nominativnyj aspekt strukturno-semanticheskogo ustrojstva prostogo predlozheniya (na materiale russkogo, anglijskogo i vengerskogo yazykov)* [Nominative aspect of structural-semantic organization of simple sentence (on material of Russian, English and Hungarian languages)]: dis. ... dok. filol. nauk: 10.02.19. Voronezh, 1999. 284 p.
2. Uryson E. V. *Yazykovaya kartina mira VS obichodny'e predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke)* [The language worldview VS. everyday representations (perception model in Russian)] // *Voprosy yazykoznanija*. 1998. № 2. Pp. 3–21.
3. Anan'ev B. G., Vekker L. M., Lomov B. F. *Osyazanie v processax poznaniya i truda* [Touch in the processes of cognition and labor]. Moscow: Izd-vo akad. ped. nauk, 1959. 263 p.
4. Krejdlin G. E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 581 p.
5. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshhej psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Piter», 2000. 685 p.
6. Aprecyan Y. D. *Izbranny'e trudy: T. II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works: T. II. Integral language description and systemic

lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». 1995. 767 p.

7. *Slovar` russkogo yazyka*: V 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj [Dictionary of the Russian language]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Russkij yazyk, 1981–1984. T. II. 736 p.; T. IV. 791 p.

8. *Bol'shoj tolkovyj slovar` russkix glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Anglijskie ekvivalenty* [Large explanatory dictionary of Russian

verbs. Ideographic description. Synonyms Antonyms. English equivalents] / pod redakciej prof. L. G. Babenko. – Moscow: AST-PRESS KNIGA. 576 p.

9. Avdevnina O. Yu. *Kategoriya vospriyatiya i sredstva ee vy`razheniya v sovremennom russkom yazy`ke*: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 Category of perception and means of expression in modern Russian: dis. ... dok. filol. nauk: 10.02.01. Moscow, 2014. 384 p.

Воронежский государственный университет

Копров В. Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов

E-mail: koprov@mail.ru

Лебедева А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов

E-mail: volova25@rambler.ru

Поступила в редакцию 4 октября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Копров В. Ю., Лебедева А. Л. Предложения, выражающие ситуации осязания, в русском семантико-функциональном синтаксисе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2740>

Voronezh State University

Koprov V. Yu., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language for International Students of Main Faculties Department

E-mail: koprov@mail.ru

Lebedeva A. L., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language for International Students of Main Faculties Department

E-mail: volova25@rambler.ru

Received: 4 October 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Koprov V. Y., Lebedeva A. L. Sentences expressing situations of touch in Russian semantic-functional syntax. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. No. 1. Pp. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2740>

УДК 81'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>

КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ЭПОХИ «КОНЕЦ ИСТОРИИ»?

(Рец. на кн.: Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Анализ материалов СМИ и политического дискурса : монография / Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина) ; под науч. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. 304 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

“THE END OF HISTORY” – THE KEY CONCEPT OF THE EPOCH?

(Review of Romanova T. V., Malafeev A. Y., Morozova N. N., Klimova (Fokina) M. A. *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. Analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa* [Tolerance as cultural, political and linguistic problem. The analysis of mass media and political discourse]. Ed. by T. V. Romanova. Nizhny Novgorod : DEKOM, 2017. 304 p.)

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Рецензируемая монография посвящена многоаспектному, детальному анализу феномена, обсуждение которого стало в гуманитарном пространстве особо актуальным на рубеже веков, – толерантности, которую при осмыслении многочисленных острых проблем конца прошлого и начала нового века принято и прилично оценивать крайне положительно, признавать целью взаимоотношений между людьми, всячески приветствовать малейшее стремление к воспитанию и самовоспитанию толерантности у каждого человека и у социальных групп. Поэтому вынесение термина «толерантность» в заглавие обрекает соответствующую публикацию на острое внимание и интерес как специалистов-гуманитариев в социологии, социальной психологии, культурологии, философии, филологии и других областях знания, так и у широкой публики. Коллектив авторов,

Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина), вполне осознают это обстоятельство и адресуют результаты своего длительного многоаспектного исследования довольно широкой аудитории: преподавателям вузов, студентам, исследователям в смежных с лингвистикой областях знания, административным и общественным структурам (с. 2), о чем однозначно и заявляется в аннотации к изданию.

Предваряя анализ содержания, необходимо отметить, что острый исследовательский интерес к понятию «толерантность» удивительным образом совпал с тем периодом анализа современного состояния человеческого общества, который стал характеризоваться как «конец истории». Правда, с того времени утекло много воды, и ведущие европейские политики с определенного момента стали откровенно выступать

© Гришаева Л. И., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

против «мультикультури», полагая, что эта эпоха прошла. Между тем, и это мнение относительно соответствующих явлений изменилось кардинальным образом, и те же политики пригласили носителей разных культур к себе, в Европу, полагая, очевидно, что толерантность стала доминирующей ценностной ориентацией для всех абсолютно. Действительность, однако, оказалась намного сложнее и не вписалась в теоретическое прокрустово ложе.

Этот экскурс в новейшую историю необходим был для того, чтобы подчеркнуть чрезвычайную актуальность предпринятого нижегородскими коллегами исследования. Они выбрали в качестве основополагающего понятие «толерантность», вокруг которого выстраивается целая – и целостная – система других понятий, с помощью которых можно осмыслить с разных точек зрения наиболее сложные социопсихологические и социокультурные процессы, актуальные для любой социальной группы: личностная и коллективная идентичность, «свой – чужой», мировоззрение, деятельность и др. (ср., к примеру, цветные вклейки 1–8 между с. 208 и 209, на которых схематично изложены наиболее важные результаты, полученные на отдельных этапах исследования).

Свои соображения относительно толерантности авторы излагают в шести частях, названия которых наглядно представляют логику авторов, их понимание сущности феномена «толерантность», методику определения средств и способов объективации соответствующих сведений, приемы описания языковых средств, по которым можно распознать личность как обладающую искомыми признаками, а также глубину осмысления наиболее значимых характеристик личности, которую можно было бы признать толерантной, ср. раздел, названный в монографии «Содержание» (с. 3–4):

Часть 1. Толерантность как социальный регулятив (с. 5–72).

Часть 2. Коммуникативная категория толерантности на примере масс-медийного политического дискурса (с. 73–122).

Часть 3. Институциональный политический дискурс с точки зрения толерантности/интолерантности (с. 123–176).

Часть 4. Инструменты корпусной лингвистики при анализе толерантности (с. 177–204).

Часть 5. Инструменты компьютерной лингвистики при выявлении речевой интолерантности (с. 205–237).

Часть 6. Современная языковая личность с точки зрения толерантности/интолерантности (с. 238–300).

Знакомство со структурой монографии убеждает в том, что авторы стремились к максимальной детализации исследования, выбрав в качестве исследовательской точки зрения и доминирующего ракурса анализа лингвистические теории и процедуры, принятые в разных версиях лингвистики. Это вместе с

тем не отменяет обращения исследователей к научному инструментарию других гуманитарных наук. Об этом свидетельствует также и заглавие книги, в котором заявлены разные ракурсы, значимые для осмысления изучаемого феномена: культурный, политический, лингвистический.

Остается только сожалеть, что перечисленные ракурсы анализа мало, если вообще об этом можно было бы говорить, соотносятся друг с другом, что, на наш взгляд, было бы весьма и весьма желательным. Выявление соответствующих корреляций было бы эффективным, эффективным и перспективным шагом, поскольку авторы стремятся выявлять маркеры толерантного/интолерантного высказывания. Таким образом, соответствующие корреляции могли бы стать основой для выверенных суждений в судебной практике, например, в дискуссии или иных форматах дискурса.

Стремление авторов выявить маркеры толерантного высказывания в дискурсах определенного типа и организовать их по определенным принципам (см., например, в цветных вклейках схему 1), несмотря на дискуссионность предложенных трактовок.

Перечисленные выше части исследования следует охарактеризовать как довольно автономные, несмотря на общий – лингвистический – фундамент; общий объект исследования – феномен «толерантность»; общность характеристик эмпирического материала – политический дискурс, язык СМИ; общность среды бытования отобранного эмпирического материала – масс-медийная среда, политический дискурс. Причина этого вполне осознается читателем, хотя авторы не останавливаются подробно на объяснении своих намерений: о толерантности говорят, как правило, в медиапространстве и преимущественно в разнообразных форматах политического дискурса. Ясно также, почему коллектив авторов избирает лингвистику в качестве фундамента для трактовки полученных результатов и для обобщения наблюдений, а также почему принимаются во внимание разнообразные и разнородные языковые средства – ведь основным инструментом взаимодействия в политической коммуникации является язык, особенности функционирования которого в качестве средства познания и коммуникации как культурного кода вполне адекватно описываются с помощью лингвистических процедур на основе разных лингвистических теорий. Не требует развернутых объяснений и стремление авторов выявить маркеры толерантной личности, причем прежде всего маркеры, связанные с использованием именно языковых средств, поскольку желание следовать принципам толерантного общения требует от коммуникантов тщательно выбирать из комплекса изофункциональных средств решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи те, по которым партнер по коммуникации может понять, что характер общения является толерантным.

Автономность отдельных частей монографии, по всей видимости, обусловлена как членением исследования на отдельные этапы, так и интересами автора соответствующей части. Автономность можно усмотреть и в том, что каждая часть имеет свою собственную логику содержательной структуры, а также свой список литературы, значительная доля которого не дублируется в других частях. Например, часть 2 имеет пять глав: «Методы выявления классификаторов толерантности/интолерантности речевого поведения в целях решения лингвоэкспертных задач» (с. 73–81), «Речевые клише и штампы как маркеры оценочных категорий свой/чужой» (с. 82–95), «Трансформация высказываний фразеологизированной структуры как маркер толерантности/интолерантности» (с. 96–108), «Функции и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ» (с. 109–115), «Фрейм-структура как инструмент анализа тональности политического дискурса (на примере политического дискурса Нижегородского региона)» (с. 116–122). Это также можно видеть в том, что некоторые разделы исследования были опубликованы в других изданиях ранее, о чем читатель узнает в ссылках, см., например, с. 5, 51, 83, 82, 109, 116, 177, 182, 188, 194, 212, 224, 281.

Представление об относительной автономности каждой части в контексте монографического исследования основывается также на том, что каждая часть представляет определенные процедуры анализа и собственную логику исследования, а также собственный предмет изучения. Такой подход можно было бы полностью оправдать и разделить, если бы имелись введение и заключение, в которых бы разъяснялась позиция авторского коллектива и в которых акцентировались бы наиболее существенные результаты, полученные в процессе многоаспектного изучения одного и того же объекта исследования разными приемами и методами под разными углами зрения.

Подобное решение авторского коллектива можно понять, приняв во внимание протяженность исследования во времени (в особенности длительность социолингвистических исследований), его многоаспектность, а также значительность объема обрабатываемого эмпирического материала и его принципиальную гетерогенность, а также стремление авторского коллектива знакомить научную общественность с результатами промежуточного анализа.

Нет сомнения в том, что решение авторов изучать на общих теоретических основаниях толерантность и ее оборотную сторону – интолерантность – абсолютно оправдано как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Нельзя не приветствовать также и исследовательский кураж – изучать абсолютно актуальный и неповторимый эмпирический материал, который исследователи получали разными методами через изучение локальных социополитических про-

цессов, имеющих, тем не менее, бесспорное отношение к общим социопсихологическим тенденциям, проявляющимся как в России, так и в иных культурных пространствах. Наблюдения над этим уникальным материалом дополняются обобщениями наблюдений над материалами из иных источников, в том числе и блогов политиков, а также из иных интернет-ресурсов. Продуктивным с исследовательской точки зрения является также обращение к разножанровым художественным произведениям из разных эпох, которые также изучаются под обозначенным углом зрения. Благоприятное впечатление оставляет также решение авторов использовать результаты самонаблюдения студентов, а также результаты магистерских диссертаций, выполненных под руководством Т. В. Романовой, о чем добросовестно сообщается в соответствующих разделах.

Рассуждения богато и разнообразно иллюстрированы: это таблицы, схемы, рисунки, анкеты, графики, а также довольно объемные цитаты из текстов разного типа. Благодаря этому рассуждения авторов на каждом этапе исследования становятся более ясными для читателя, который может составить собственное мнение относительно методики исследования и сформулированных в коллективной монографии обобщений. Кроме того, подобный способ изложения полученных в ходе проведенного исследования данных работает на более эффективную реализацию его прикладного потенциала, предлагая образцы анкеты, образцы сбора эмпирического материала разными методами, демонстрируя разные аналитические ходы и логику их последовательности, объяснительную силу процедур разных видов лингвистического анализа, а также, по большому счету, место лингвистических теорий в системе современного гуманитарного знания.

Анализируя содержательную сторону предлагаемой концепции, нельзя не сказать и о дискуссионном потенциале соответствующих размышлений, что только способствует продвижению рецензируемого издания в научного сообщества.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на трактовку сущности обсуждаемого краеугольного понятия – толерантности. Так, толерантность определяется в начале рассуждений как социальный регулятив, как регулятор межличностных и социальных отношений (с. 5) и вместе с тем «как маркеры свободы, демократии и гражданского общества», «закрепившиеся в человеческом сознании» (с. 5). Далее толерантность трактуется как коммуникативная категория (см. часть 2), а в части 6 – уже как подход, точка зрения для анализа, в части 5 – как проявление речевой деятельности и т. д. Думается, при всем уважении к плюрализму мнений, сложности и внутренней гетерогенности структуры изучаемого феномена вряд ли правомерно оставлять читателя без развер-

нутого комментария относительно научного аппарата и теоретического фундамента. Было бы более целесообразно определить сущность анализируемого феномена, статус, сферу бытования, внешние и внутренние по отношению к этому феномену факторы, а также обосновать возможность и/или допустимость интерпретации толерантности как ценностной ориентации и/или коммуникативной категории, инструмента коммуникации, маркера деятельности коммуниканта, ракурса анализа и др.

Трудно согласиться с позицией авторов относительно того, что понятие «толерантность» вошло в русский язык относительно недавно (с. 6). Во-первых, мысль выражена не совсем точно; во-вторых, появление новых языковых средств выражения для определенного содержания еще не означает неперемного отсутствия в конкретном языке соответствующего понятия; в-третьих, конвенционализация употребления некоторой новой лексемы в языковой культуре сопровождается переструктурированием уже существующего в языке соответствующего синонимического ряда в плане реализации функционального потенциала, сфер функционирования, специализации на решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач каждого из элементов этого синонимического ряда. История русской культуры убедительно демонстрирует значимость соответствующих представлений / ценностных ориентаций для носителей русской культуры в разные эпохи ее существования на протяжении многих и многих веков. Уже только наличие добрососедских отношений в пределах одной деревни или одного поселения жителей с разной этнической идентичностью и конфессиональной принадлежностью, о чем свидетельствует опыт в том числе и Нижегородской губернии, говорит о толерантности как доминирующей ценностной ориентации для всех представителей общества независимо от размера этой группы, обуславливающей и манеру взаимодействия, и быт, и всю структуру социальных отношений на микро- и макроуровне. Это, между прочим, показывают и данные рецензируемого исследования, см., например, в цветной вклейке диаграммы на с. 3, 4, 5, которые при нетождественности данных по отдельным вопросам однозначно маркируют единство тренда на поддержание толерантности в изучаемых группах испытуемых. Отсутствие лексемы толерантность поэтому не может восприниматься маркером отсутствия соответствующего понятия – ведь если бы это было так, то пришлось бы говорить об отсутствии понятия «женщина» до появления лексемы дама или мадам в русском языке. Конечно, появление лексемы толерантность привело к обогащению средств выражения соответствующего понятия и к специализации каждого из них на характер коммуникативных и когнитивных задач. И это, естественно, крайне важно изучать под разными углами зрения.

Думается, желательными были более осторожные формулировки обобщений наблюдений над высказываниями носителей культуры в связи с трактовкой ими контекстов с концептуальными признаками толерантности (ср., например, с. 191, в особенности первый тезис).

Высказанные соображения целесообразно повторить и относительно понятия «политкорректность».

Приведенные замечания, естественно, не ставят под сомнение необходимость и целесообразность изучения как отдельных упомянутых понятий, так и их соотношения друг с другом.

Хотелось бы также расширения теоретической дискуссии относительно понятий «свой» и «чужой», поскольку в монографии не приводятся точки зрения на изучаемую проблематику, не разделяемые авторами монографии, но отличающиеся по своему теоретическому и прикладному потенциалу при изучении разнообразных социокультурных вопросов от разделяемой авторами точки зрения. Это было бы целесообразно сделать уже только потому, что позволило бы более выпукло донести преимущества избранных авторами методов исследования, как их осознают сами авторы.

Подзаголовок рецензируемой монографии отсылает читателя к проблематике, связанной со СМИ и политическим дискурсом. Соглашаясь в целом с необходимостью и правомерностью соответствующего ракурса исследования, нельзя, тем не менее, не обратить внимание на более последовательную экспликацию трактовки СМИ (в частности, в широком и/или узком понимании), а также сведение изучения толерантных и интолерантных высказываний в политическом дискурсе, поскольку от этого зависят принципы отбора эмпирического материала, с одной стороны, и выбор и последовательность исследовательских шагов и процедур анализа – с другой. Очевидно, что политический дискурс целесообразно анализировать как основную сферу функционирования толерантных/интолерантных высказываний. Однако политическим дискурсом отнюдь не исчерпывается функциональная сфера соответствующих языковых средств. Об этом, между прочим, свидетельствуют и примеры из художественной литературы, к которым довольно часто обращаются исследователи в разных главах. Это также необходимо было бы сделать и потому, что в первой части толерантность трактуется как социальный регулятив, а в ряде случаев и как «маркер свободы, демократии и гражданского общества» (с. 5) либо как коммуникативная категория (часть 2).

Не совсем оправдан, полагаем, контрастный ракурс анализа средств вербализации концепта «толерантность» в русской и английской языковых культурах, так как этот аспект изучения в отличие от иных выпадает из общего контекста рассуждений, поскольку не продолжается в других случаях. Другими сло-

вами, последовательное контрастивное исследование избранного объекта под избранным углом зрения на каждом из этапов можно было бы только приветствовать, так как это сообщало бы новые значимые сведения об изучаемом феномене.

Хотелось бы большей определенности относительно характеристик эмпирического материала. Это связано с тем, что в специальной литературе доминируют отдельные единицы, вербализующие то или иное понятие. Здесь же, судя по характеру примеров, авторы используют микротексты. Но в таком случае все-таки необходимо определить, достаточно ли только одной лексемы (или же ее части), т. е. толерантность/толерант-..., чтобы признать тот или иной объем микротекста (или его части) необходимым и достаточным для осмысления изучаемого феномена и/или определения конкретного концептуального признака.

На фоне сделанных замечаний необходимо акцентировать еще одну мысль – некоторая недосказанность и дискуссионность ряда положений и сформулированных обобщений не может не побудить читателя к предметной полемике с авторами и тем самым, с одной стороны, способствовать популяризации соответствующей позиции и, с другой стороны, проникнуть в сущность изучаемого феномена и обеспечить приращение научного знания в разных гуманитарных областях.

Из изложенного очевидно, что желательно было бы дополнить рецензируемую монографию введением и заключением, чтобы акцентировать избранный авторским коллективом подход к изучению анализируемого феномена и его преимущества по сравнению с другими потенциально возможными в глазах самих авторов, лаконично изложить теоретический фундамент и основные обобщения. И это важно было бы

сделать не потому, что читатель не может извлечь соответствующие выводы из соответствующих глав (тем более что эти обобщения в каждой главе имеются, некоторые в весьма определенных формулировках), а потому, что понятие «толерантность» чрезвычайно значимо не только для теоретических конструкций в социологии, психологии, культурологии, политологии, теории межкультурной коммуникации, философии, филологии, но и для раскрытия прикладного потенциала соответствующих исследований, в обыденной коммуникации, наконец.

Завершая краткий в силу понятных причин анализ монографии, хотелось бы рекомендовать эту книгу гуманитариям, интересующимся актуальной проблематикой. Появление этой книги можно только приветствовать уже в силу того, что она побуждает к дискуссии, затрагивая важнейшие вопросы, значимые для современного состояния изучения проблематики, предлагая один из многих вариантов осмысления комплекса проблем, связанных с личностной и коллективной идентичностью единичного и коллективного субъекта познания и коммуникации в конкретном лингвокультурном пространстве с попыткой учета субсистемных, системных и суперсистемных связей таких краеугольных понятий, как идентичность, «свой – чужой», ценностные ориентации, коммуникация, средства объективации концепта, соотношение установок и деятельности и др. Ко всем этим толерантность/интолерантность имеет непосредственное и/или опосредованное отношение, что абсолютно закономерно в современном мультикультурном, поликонфессиональном, полиэтничном обществе, как бы данные характеристики ни трактовались учеными разного толка и политиками разной политической ориентации.

Воронежский государственный университет

Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Поступила в редакцию 27 июля 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Ключевое понятие эпохи «конец истории»? (Рец. на кн.: Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Анализ материалов СМИ и политического дискурса : монография / Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина) ; под науч. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. 304 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>

Voronezh State University

Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Received: 27 July 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Grishaeva L. I., “The end of history” – the key concept of the epoch? (Reivew of Romanova T. V., Malafeev A. Y., Morozova N. N., Klimova (Fokina) M. A. *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. Analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa* [Tolerance as cultural, political and linguistic problem. The analysis of mass media and political discourse]. Ed. by T. V. Romanova. Nizhny Novgorod : DEKOM, 2017. 304 p. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

2. Представленная статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих фактических сведений.

4. Представленная статья должна соответствовать принятым правилам оформления. Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями журнала, редколлегией не рассматриваются.

5. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках находятся в свободном доступе (Open Access) в Интернете на официальном сайте издания и на платформе Научной Электронной Библиотеки eLIBRARY.RU, Научной электронной библиотеки «Киберленинка» и др.

6. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Материалы представляются в печатной и электронной форме на адрес редколлегии журнала: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1 и e-mail редколлегии: limk@rgph.vsu.ru

2. Для магистрантов, аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук обязательно наличие подписанной и заверенной в установленном порядке рекомендации научного руководителя об опубликовании статьи. Отсканированная в цветном режиме рекомендация статьи высылается по электронной почте, оригиналы отправляются обычным письмом на адрес редколлегии журнала вместе со статьями.

3. Перед регистрацией ответственный секретарь проверяет статью на соответствие профилю журнала, требованиям к оформлению и на наличие некорректных заимствований в системе «Антиплагиат».

4. После регистрации материалов и формирования «портфеля» номера статьи направляются на «слепое» рецензирование.

5. Рецензент оценивает актуальность и научную новизну представленных к опубликованию результатов исследования, их теоретическую и практическую значимость, наличие необходимых ссылок на данные из других работ. На основании анализа статьи рецензент составляет заключение:

- а) статья рекомендуется к публикации;
 - б) статья нуждается в доработке;
 - в) статья отклоняется (с указанием причин).
- Сроки рецензирования от 3 до 5 месяцев.

6. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

7. Рецензии направляются авторам на адрес электронной почты, указанный в сопроводительной информации к статье.

8. Редколлегия журнала обязуется при поступлении соответствующего запроса направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Минимальный объем полной статьи – 0,8 п.л. (32 000 знаков с пробелами), максимальный объем полной статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами). Минимальный объем краткого сообщения – 0,4 п.л. (16 000 знаков с пробелами).

2. Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- индексы УДК и ББК;
- заглавие, подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора; место работы (на русском и английском языках);
- аннотация на русском и английском языках (не менее 200 слов);
- 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках);
- текст статьи;
- список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с требованиями российского ГОСТа Р 7.0.11-2011. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «ЛИТЕРАТУРА» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо указывать только один источник;
- список литературы с транслитерированным вариантом на латинице и переводом названий на

английский язык. Список литературы предваряется словом «REFERENCES» и повторяет нумерацию списка литературы на русском языке;

– сведения об авторе (должность, ученая степень, адрес электронной почты на русском и английском языках).

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Содержание оригинальной статьи должно быть четко структурировано.

К числу обязательных структурных элементов статьи относятся: *введение*, включающее постановку проблемы и анализ предшествующих работ, *материалы и методы* исследования, *результаты исследования* и их обсуждение, *заключение* или *выводы*, *список литературы*. Каждый из основных структурных элементов статьи может разбиваться на подразделы. Структурные элементы располагаются по центру и выделяются полужирным шрифтом.

Шаблон оформления статьи располагается на сайте журнала: http://www.vestnik.vsu.ru/content/lingvo/rules_ru.asp

ТРЕБОВАНИЯ К АННОТАЦИЯМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация объемом не менее 200 слов должна давать полное представление о содержании статьи и

включать следующие аспекты: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСТАТЕЙНЫМ СПИСКАМ ЛИТЕРАТУРЫ

Допускается не более 3 ссылок на свои работы.

Пристатейные списки литературы должны быть представлены в двух форматах и двух списках: в кириллическом и латинском алфавите. Во втором списке название публикации приводится на английском языке, название сборника или журнала, в котором опубликована статья, в транслитерации и выделено курсивом, в скобках также дается перевод названия на английский язык (см. примеры ниже). Для транслитерации русского текста на латиницу используется бесплатный сайт (<http://transliter.ru/autotranslit>) вариант «Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б».

Пристатейный список «REFERENCES» оформляется по стандартам международных публикаций без знаков “_”, “/” и “//”.

Пример библиографического описания статьи располагается на сайте: http://www.vestnik.vsu.ru/content/lingvo/rules_ru.asp

SUBMISSION GUIDELINES

TERMS AND CONDITIONS

1. The Journal *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication* publishes original previously unpublished research articles, brief communications and book reviews (when solicited by the editorial board). Previously published articles as well as articles submitted to other journals will not be accepted.

2. Submitted contributions should contain innovative original research results. The text of the paper should outline the aim of the study, main results and present sound conclusions.

3. The authors take full responsibility for the accuracy of the facts, quotations, statistic and sociological data, proper names, geographical names and other factual data presented in their contributions.

4. Submitted manuscripts should comply with the submission guidelines. Articles that do not follow these guidelines will not be reviewed and will be returned to the authors.

5. Full-text articles with abstracts, key words and information about the authors in the Russian and English languages are open-access and are posted online on the official site of the journal (http://www.vestnik.vsu.ru/content/lingvo/index_ru.asp) and on the site of the Scientific Online Library *eLibrary.ru* (www.elibrary.ru) and the Scientific Online Library *Cyberleninka* (www.cyberleninka.ru).

6. The publication of accepted manuscripts is free.

GENERAL GUIDELINES AND REVIEWING

1. The texts of the articles should be sent by e-mail (limk@rgph.vsu.ru) and by post to the following address: 1, Universitetskaya Pl., Voronezh, 394018, Russian Federation.

2. Master-degree students and post-graduate students should provide a review of the article written and signed by their academic advisor. The scanned copy of the review should be sent by email along with the file of the article. The paper copy of the academic advisor's review should be also sent by regular mail with the printed text of the article.

3. The executive secretary of the editorial board checks if the contributed paper complies with the thematic scope and requirements of the journal. The article is also checked by the "Anti-plagiarism" system to make sure it does not contain any plagiarism.

4. After the initial evaluation of the paper by the executive secretary and registration of the manuscript the article is sent to experts for a blind peer-review.

5. The reviewer evaluates the relevance and academic novelty of the research results, their theoretical and practical applicability, the range of references to other sources. The reviewer makes one of the following recommendations: a) to accept the article; b) to make revisions to the text; c) to reject the submission (in this case the reasons for rejection are given). The reviewing process can take from 3 to 5 months.

6. Revised versions of the articles are reevaluated by the reviewers.

7. The authors are notified about the results of peer-review by e-mail. The editorial board shall be obliged to send copies of reviews upon request to the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

PREPARATION OF THE MANUSCRIPT

1. The length of the article should be between 0,8 (32000 typographical units including spaces) and 1 printed sheet (40000 typographical units including spaces). The minimal length of the brief communication should be 0,4 printed sheet (16000 typographical units including spaces).

2. The manuscript should include the following elements:

- UDC and LBC indexes;
- the title and subtitle in the English language;
- full names of the authors and their academic affiliation;
- abstract of the article in English (200–250 words);
- 5–8 key words in English;
- the body of the article;
- the list of references in the English language should be titled REFERENCES. The references are numbered in the order they appear in text (please, **do not use** the alphabetical order!). The titles of Russian sources (if used) should contain transliteration of and translations of their title into the English language;
- information about the author including his affiliation, scientific degree, position held in an academic institution, telephone and e-mail.

STRUCTURE OF THE TEXT

The text of the manuscript should have clear structure and it is strongly advised to include the following sections:

- *Introduction*, in which the research problem is stated and a brief analysis of previously published works is given;
- *Data and research methods description*;
- *Research results*;

- *Discussion of results*;
- *Conclusions*;
- *Reference lists*.

Each section can contain subsections. The sections headlines should be center-aligned and printed in bold.

The structure of publication is shown on the following template.

The templates for the article and references can be found on the journal's site:

http://www.vestnik.vsu.ru/content/lingvo/rules_ru.asp

Articles written in the English language should have an abstract and key words in the Russian language.

The abstract of about 200 words should present the main content of the article. The abstract should include the topic and the aim of the research, methods or methodology, main results and their possible practical application, conclusions.

ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1

Дата выхода в свет 30.03.2020

Ведущий редактор издательской группы *В. Г. Холина*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 16,3. Усл. п. л. 15,6.
Тираж 50 экз. Заказ 49

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – *Д. А. Ендовицкий*, д-р экон. наук, проф. Заместители председателя – *Ю. А. Бубнов*, д-р филос. наук, проф.; *О. А. Козадёров*, д-р хим. наук, доц. Координатор – *Н. М. Близняков*, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: *В. Г. Артюхов*, д-р биол. наук, проф.; *В. Н. Глазьев*, д-р ист. наук, проф.; *А. Д. Баев*, д-р физ.-мат. наук, проф.; *А. С. Кравец*, д-р филос. наук, проф.; *А. А. Кретов*, д-р филол. наук, проф.; *А. Д. Савко*, д-р геол.-минер. наук, проф.; *А. А. Сирота*, д-р техн. наук, проф.; *Ю. Н. Стариков*, д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Тулупов*, д-р филол. наук, проф.; *В. И. Федотов*, д-р геогр. наук, проф.; *А. И. Шашкин*, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – *А. А. Кретов*, д-р филол. наук, проф. Заместитель главного редактора – *Н. А. Фененко*, д-р филол. наук, проф. Ответственный секретарь – *И. А. Меркулова*, д-р филол. наук, доц. Члены редколлегии: *А. П. Бабушкин*, д-р филол. наук, проф.; *О. О. Борискина*, д-р филол. наук, доц.; *Л. В. Величкова*, д-р филол. наук, проф.; *К. Воян*, д-р филол. наук, проф., Гданьский университет (Польша); *Л. И. Гришаева*, д-р филол. наук, проф.; *З. К. Дербишева*, д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Турецкий университет Манас (г. Бишкек, Киргизия); *А. В. Дыбо*, д-р филол. наук, проф., чл.-кор. РАН, Институт языкознания РАН (г. Москва); *А. А. Загнитко*, чл.-кор. НАН Украины, д-р филол. наук, проф., Донецкий национальный университет (Украина); *Е. А. Карпиловская*, д-р филол. наук, проф., Институт языкознания им. А. Потемби НАН Украины (г. Киев); *Н. Ф. Клименко*, д-р филол. наук, проф., чл.-кор. НАН Украины (г. Киев); *В. Ю. Копров*, д-р филол. наук, проф.; *В. В. Корнева*, д-р филол. наук, проф.; *Е. И. Коряковцева*, д-р филол. наук, проф., Институт польской филологии и прикладной лингвистики Естественного-гуманитарного университета (г. Седльце, Польша); *Л. П. Крысин*, д-р филол. наук, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва); *В. П. Мяснишев*, д-р филол. наук, проф., Ягеллонский университет (г. Краков, Польша); *Б. Ю. Норман*, д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь); *В. А. Плунгян*, д-р филол. наук, проф., чл.-кор. РАН, Институт языкознания РАН (г. Москва); *О. Б. Полянчук*, д-р филол. наук, доц.; *З. А. Харитончик*, д-р филол. наук, проф., Минский государственный лингвистический университет (г. Минск, Беларусь); *К. М. Шилихина*, д-р филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия:

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19718 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК

Журнал принимает к публикации статьи по языкознанию и межкультурной коммуникации (отрасль науки 10.00.00 Филологические науки; группа специальностей 10.02.00 Языкознание; специальности: 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов РФ, 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.05 – Романские языки, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика)

Адрес редакции издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика
и межкультурная коммуникация»
E-mail: limk@rgph.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 220-41-49

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.